

ISSN 0869-4427

Отечественные
АРХИВЫ

5

2004

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

Факультет подготовки, переподготовки и повышения квалификации
«Архивная школа»

«Архивная школа» имеет лицензию и аккредитацию в рамках Российского государственного гуманитарного университета на ведение всех видов образовательной деятельности. Обучение в «Архивной школе» предназначено для повышения профессиональных знаний в области делопроизводства и архивного дела:

- *второе высшее образование по специальностям:*

020800 «Историко-архивоведение», квалификация – «историк-архивист»;

350800 «Документоведение и документационное обеспечение управления», квалификация – «документовед», специализация «Документовед – специалист по документированию деятельности кадровой службы». Срок обучения – 3 года.

- *среднее профессиональное образование по специальности*

0611 «Документационное обеспечение управления и архивоведение», квалификация – «специалист по документационному обеспечению управления и архивист». Срок обучения – 2,5 года.

- *курсы повышения квалификации*

для работников делопроизводственных, кадровых, банковских и архивных служб.

Формы обучения: очная, очно-заочная, заочная,
дистанционная и группы выходного дня

Оказываем содействие в трудоустройстве выпускников

Адрес факультета: Россия, 103012, г. Москва,
ул. Никольская, д. 15 (для «Архивной школы».
Телефон/факс: (095) 928-92-21.
E-mail: arhschool@yandex.ru
<http://rsuh.ru>, <http://iai.rsuh.ru>

Проезд:
м. «Площадь Революции»,
«Театральная», «Лубянка»
ул. Никольская, 15,
кабинет № 3

Отечественные АРХИВЫ

5
2004

научно-
практический
журнал

Издается с 1923 года. Выходит один раз в два месяца.

СОДЕРЖАНИЕ

XV Международный конгресс архивов: хроника событий	3
Росархив и административная реформа	7
Пресс-конференция по вопросам строительства здания РГИА	10

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

История, теория и практика архивного дела

М.А. Орешина. Выявление и сохранение исторических источников в Вологодской губернии в 1910-е гг.	13
Е.В. Старостин. Тайнопись (что полезно знать архивисту)	26
<i>В фондах российских архивов</i>	
А.В. Старцев. Записка полицейского исправника Е.Замятина как источник по истории российско-китайско-монгольских торговых отношений в середине XIX в.	33
В.М. Марасанова. Адмирал И.С. Унковский – ярославский губернатор (по документам ГАЯО)	42
Е.А. Китлова. Г.В. Есипов о выявлении документов по истории России в немецких архивах в 1866 – 1876 гг.	49

* * *

Б.С. Илизаров; Т.М. Горяева; Т.В. Батаева; М.В. Ларин. Подготовка историков-архивистов (К выходу в свет сборника нормативно-методических документов по специальности «Историко-архивоведение»)	55
---	----

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

85-летию Екатеринбургского губернского архива посвящается

«В исполкомах... сидят люди, не признающие архивов...» Деятельность архивистов по спасению документов. 1919 – 1922 гг. Публикацию подготовила Е.В. Шимонек	73
«...Все препятствия и трудности в учебе преодолены». Письма студентов архивных курсов и Историко-архивного института в ЦАУ Карельской АССР. 1929 – 1935 гг. Публикацию подготовила И.Г. Петухова	97

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

С.М. Каштанов. Уо Д.К. История одной книги. Вятка и «не-современность» в русской культуре Петровского времени.	111
--	-----

Игумен Дамаскин (Орловский). Православная Москва в 1917 – 1921 годах: Сборник документов и материалов	117
Н.П. Матханова. Палин А.В. Томское губернское управление (1895 – 1917 гг.): структура, компетенция, администрация	120

ИНФОРМАЦИЯ И ХРОНИКА

Конференции, совещания, семинары

А.А. Болотов, Т.Ю. Колосова, П.А. Придатыко. I Международная конференция «Фотография как документальный источник и предмет исследования»	122
---	-----

Г.Ю. Бородина. «Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории»	123
--	-----

Р.Ф. Пантюхина. Выездное заседание коллегии Управления государственной архивной службы Самарской области в г. Жигулевске . . .	124
---	-----

С.Д. Трифонов. Российско-польские мемориальные мероприятия на Новгородской земле	126
---	-----

С.Г. Руденко. Ушаковские чтения в Мурманске	127
--	-----

Выставки

Л.А. Кобелькова (Москва); Н.А. Буравченко (Москва); С.В. Орлова (Кемерово); М.В. Шишлова (Курск). Архивы представляют	128
--	-----

* * *

Вынесен обвинительный приговор по делу о краже архивных документов	133
--	-----

В.В. Распутина. Учиться – всегда пригодится	134
--	-----

Л.Н. Шарабуря (Горно-Алтайск); С.Ф. Фаизов (Москва); Э.Л. Базарова (Москва); Г.И. Ходякова (Тамбов); Т.В. Бувевич (Республика Беларусь, Витебск). Вышли в свет	134
---	-----

Памяти Е.Ф. Сопина	138
-------------------------------------	-----

Памяти А.В. Добровской	139
---	-----

* * *

Продолжается прием научных работ на конкурс 2004 – 2005 гг. по истории Православной Церкви, истории России и Москвы	140
---	-----

Наши авторы	141
-----------------------	-----

Главный редактор Т.И. БОНДАРЕВА

Редакционная коллегия

В.И. АДАМУШКО, А.Н. АРТИЗОВ, В.Д. БАНАСЮКЕВИЧ, Е.М. БУРОВА, В.К. ВИНОГРАДОВ, Т.М. ГОРЯЕВА, И.Н. КИСЕЛЕВ, Л.А. КОБЕЛЬКОВА (зам. главного редактора), В.М. ОСИН (редактор отдела), Т.Ф. ПАВЛОВА, Е.В. СТАРОСТИН, Е.А. ТЮРИНА, В.Н. ШЕПЕЛЕВ, С.О. ШМИДТ

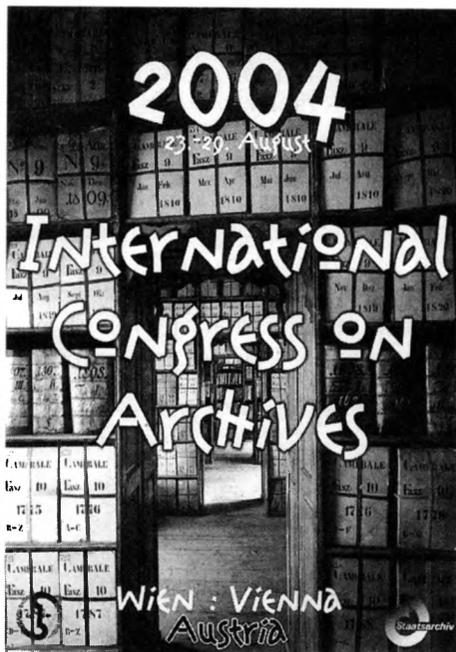
XV Международный конгресс архивов: хроника событий

В конце августа в Вене состоялся очередной мировой форум архивистов. Устроители конгресса – Международный совет архивов в лице его генерального секретаря Й. ван Албанды и Австрийский государственный архив во главе с его генеральным директором вице-президентом МСА Лоренцом Миколецким – сделали все возможное, чтобы каждый из делегатов (их было две тысячи из 116 стран) удовлетворил свои профессиональные интересы.

В Вене был опробован новый формат конгресса: минимум пленарных заседаний (ежедневно в пределах получаса) и многочисленные параллельные мероприятия с обширной и разнообразной тематикой, способствовавшие не только обмену знаниями, но и установлению личных контактов. Подобная организация, по мнению президента МСА, руководителя Генеральной дирекции государственных архивов Испании Элизы де Сантос Каналехо, президентские полномочия которой в соответствии с Уставом истекли к моменту завершения конгресса, отражает дух современного мира с его многообразием культур и языков.

Немаловажной составляющей программы было знакомство участников конгресса с культурой и искусством Австрии и ее столицы. Им была также предоставлена возможность побывать в пяти подразделениях Австрийского государственного архива, в Национальной библиотеке, Медиатеке, Архиве документации австрийского Сопротивления, городском и земельном архивах Вены и т. д.

Открытие конгресса состоялось в понедельник, 23 августа, в Austria Vienna Centre. Здесь присутствовали высокопоставленные чиновники, выдающиеся деятели культуры и науки и прошло первое пленарное заседание по общей теме конгресса «Архивы, память и знания». Конгресс открыл президент Австрийской Республики г-н Фишер. В качестве докладчиков организаторы пригласили представителей политических, научных и культурных

кругов Австрии, имеющих опыт общения с архивами: это Ханс Туппи, биохимик с мировой известностью, в 1963 – 1994 гг. профессор биохимии медицинского факультета Венского университета, занимавший также посты президента Австрийской академии наук, ректора Венского университета и федерального министра науки и исследований; Герхард Рот, писатель, драматург и сценарист, автор 7-томного произведения «Архивы молчания», отражающего историческую, политическую и общественную память страны; Фердинанд Лацина, известный политик и экономист, занимавший ряд министерских постов, президент Австрийской лиги по правам человека, с 1996 г. председатель правления компании Giro Credit; Иван Ивани, журналист, автор многих романов, пьес, свыше 20 лет служивший переводчиком И.Б. Тито.

Каждый из них являлся докладчиком на одном из пленарных заседаний конгресса, при этом честь выступить в день открытия выпала – вероятно, по праву старшего – 80-летнему Х.Туппи.

Во вторник, 24 августа, среди многочисленных лекций, семинаров и дискуссий, как-то: «Архивные труды: власть знаний и памяти», «Приобретение новых знаний: повышение квалификации архивистов в области хранения документов в цифровую эпоху», «Архивы науки: международный обзор и передовой опыт в области обращения с научными документами», «Международный стандарт по делопроизводству (ISO 15489) на практике: первый прием документов и последующие действия», «Международный день архивов» было запланировано мероприятие (лекция и комментарии),

«Архивный салон». 26 августа

главными организаторами которого являлись российские архивисты. Это презентация международного проекта комплексной разработки фондов Советской военной администрации в Германии, о сути которого рассказали основные участники реализации проекта: руководители ГАРФ С.В. Мироненко и В.А. Козлов, а также представители Федерального архива Германии Х.-Д. Крайкамп и К. фон Йена.

Завершился день знакомством с австрийскими культурными традициями – поездкой на праздник молодого вина.

25 августа, в среду, состоялись 4 «круглых стола» по темам «Архивы бывших коммунистических партий: судьба и современное состояние» (доклады сделали руководитель Росархива В.П. Козлов, Россия, Д.Наленч, Польша, Р.Сариева, Казахстан), «Заочное образование: гибкая система получения профессионального образования», «Архивы и исторические исследования: связь, требующая нового определения?» (одним из докладчиков был член редколлегии журнала «Отечественные архивы» проф. РГГУ Е.В. Старостин), «Международное сотрудничество в области защиты от краж архивных документов». Кроме того, прозвучали доклады и комментарии по темам: «Литературные архивы: сравнение марбахской модели и модели ИМЕС» (фактически с содокладом выступила член редколлегии журнала «Отечественные архивы» директор РГАЛИ Т.М. Горяева), «Правда, примирение и общественное согласие: работа с документами бывших репрессивных режимов» (одним из докладчиков была А.Козлова, руководитель архива общества «Мемориал»), «Основы законодательства об архивах и документах», «Правовые и политические аспекты проблемы перемещенных архивов» (здесь также среди докладчиков был В.П. Козлов).

Вечером участники конгресса получили возможность послушать организованный секцией архивов церковью и религиозных объединений.

В четверг, 26 августа, помимо семинара «Сохранение прошлого, управление настоящим, подготовка к будущему... электронному», двух «круглых столов» («Применение Этического кодекса МСА: опыт и вызовы», «На пути к международным архивным стандартам») состоялись доклады и их обсуждения по темам: «Архивы, авторитет и память в историческом контексте», «Кодовое архивное описание (EAD): вспомогательное средство для обмена закодированными архивными перечнями», «Мы уже у цели?: Создание интегрированной архивно-делопроизводственной программы в Центре Гетти», «Проблемы аутентичности в цифровом мире», «Генеалогическое общество штата Юта: история и деятельность». Российские архивисты и их партнеры представили «Опыт реализации международного проекта по компьютеризации Архива Коминтерна» (О.В. Наумов, РГАСПИ, и др.). Одновременно был дан старт проекту «Архив Коминтерна – он-лайн». Кроме того, обсуждался ход реализации проекта «Педагогика и учебная работа в архивном деле: новые разработки».

В дни работы конгресса состоялось также консультативное совещание руководителей архивных служб государств СНГ, в котором приняли участие представители восьми стран СНГ.

Со вторника по четверг в первой и во второй половине дня можно было посетить «архивный салон», чтобы поучаствовать в обсуждении таких тем, как «Любовь в архиве (романтические истории о любви и печали в со-

браниях скандинавских и китайских архивов)», «Архивы и архивная проблематика в Центральной Европе», «Архивы и права человека», «Архивы Франции» (знакомство с ее архивными традициями), «Архивы и коренные народы (Что понимают аборигены под архивами?)», «Архивы России (Российские архивы: загадка, завернутая в тайну, внутри головоломки?)».

В пятницу, 27 августа, активно работали руководящие органы секций МСА: образование и профессиональная подготовка, архитектурные, спортивные и муниципальные архивы, архивы бизнеса и рабочего движения, церквей и религиозных объединений, парламентов и политических партий, университетов и исследовательских учреждений, делопроизводство и профессиональные ассоциации. Заседали исполнительные органы региональных отделений (АРБИКА и СЕНАРБИКА, прошло собрание членов регионального отделения – ЕВРАЗИКА под председательством В.П. Козлова). Состоялись также заседания редколлегии журнала «СОММА» и комитета по экспертизе.

Открытое заседание по стратегическим приоритетам МСА обсудило четыре приоритетных направления деятельности: пропаганда, электронные документы и автоматизация, обеспечение сохранности, образование и профессиональная подготовка. Состоялось первое заседание Генеральной ассамблеи МСА.

Завершился день балом в Венской ратуше.

Последний день работы конгресса, суббота, 28 августа. Прошли второе заседание Генеральной ассамблеи и открытое заседание по предстоящим проектам МСА. Принят новый Устав, утверждены новая шкала членских

Российские архивисты на экскурсии в Зальцбурге

взносов и номенклатура наград за выдающиеся заслуги. Принята резолюция конгресса.

Новым президентом МСА стал генеральный директор Австрийского государственного архива Л.Миколецкий. При этом, в соответствии с новым Уставом МСА, в марте 2005 г. по электронной переписке пройдут выборы руководящих органов МСА.

Очередной, XVI конгресс состоится в 2008 г. в Малайзии, г. Куала-Лумпур.

Делегация нашей страны на Венском конгрессе включала 41 участника: от Росархива – четверых, от федеральных архивов и ВНИИДАД – 15, от архивных учреждений субъектов Федерации – 14, от архивов организаций, в том числе общественных, – четверых, от ИАИ РГГУ – двух и двух от коммерческой организации. В целом по сравнению с предыдущими конгрессами российское представительство, несмотря на рост стоимости участия, увеличилось (в Пекине, 1996 г., было 20 человек; в Севилье, 2000 г., – 29 человек).

Редакция надеется, что российские участники Венского конгресса захотят донести до коллег информацию о нем, полученные впечатления и новые знания, в виде публикаций на страницах журнала «Отечественные архивы».

Т.И. Бондарева

Росархив и административная реформа

Спустя 100 дней от начала административной реформы федеральных органов исполнительной власти, по оценке многих средств массовой информации, заявленного разделения функций (правоустанавливающие – министерствам, контроля и надзора – службам, управления имуществом и оказания услуг – агентствам) не произошло, хотя сами структуры и созданы. Более того, по словам главы аппарата правительства Д.Н. Козака, «идеального разделения» правоустанавливающих и правоприменительных функций быть не может. (Предполагалось, что каждое из трех звеньев государственного аппарата будет работать самостоятельно.) В реальности службы и агентства зависят от министров, которые утверждают им смету расходов и проводят ключевые назначения. Вскоре предстоит принять административные регламенты работы новых федеральных органов управления.

Установлены сокращенные наименования федеральных органов исполнительной власти: 6 августа администрация президента и аппарат правительства издали специальное распоряжение. Федеральному архивному агентству вместо так и не успевшего стать привычным сокращенного наименования Росархивагентство возвращено прежнее – Росархив. Другие подведомственные Министерству культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минкультуры России) федеральные органы именуется следующим образом: Росохранкультура (Федеральная служба по надзору за

соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия), Роскультура (Федеральное агентство по культуре и кинематографии), Роспечать (Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям).

В структуре Росархива два управления: 1) организации и обеспечения деятельности федеральных архивов (начальник В.А. Грошев) с четырьмя отделами – правовой и кадровой работы (М.И. Смилянская); организационным (Н.А. Мышов); финансово-экономическим (О.Р. Отводная) и общим (А.М. Шубин) и 2) комплектования, организации услуг и архивных технологий (Т.Ф. Павлова) с пятью отделами – организации информационных услуг (Т.Г. Занина); организации исполнения социально-правовых запросов (В.А. Еремченко); комплектования (Т.А. Мещерина); обеспечения сохранности, государственного учета и автоматизированных архивных технологий (Т.Е. Шабанова); международных связей (К.Г. Черненков).

12 августа в Росархиве состоялась очередная встреча его руководства с директорами федеральных архивных учреждений. Руководитель Росархива В.П. Козлов проинформировал о начале второго этапа административной реформы, в рамках которого будут пересматриваться перечни подведомственных федеральным органам исполнительной власти организаций (в списке состоящих в ведении Росархива организаций существенных изменений не предполагается) и развернется реформа планирования и бюджетного финансирования. В.П. Козлов сообщил о том, что правительство обсудило сводный доклад о перспективах развития страны до 2007 г. В этом документе (он называется «Планы и показатели деятельности федеральных министерств, федеральных служб и федеральных агентств, руководство которыми осуществляет Правительство Российской Федерации, на 2005 год и на период до 2007 года») содержатся основные цели и задачи деятельности, расходные обязательства бюджета, достигнутые и планируемые на период до трех лет измеримые результаты, а также ориентированные на их достижение бюджетные программы. Минкультуры России отведен самостоятельный раздел. В достижении намеченных стратегических целей в сфере культуры (как-то: сохранение и развитие многонационального культурного наследия России – основы единой российской общности, поддержка и распространение лучших традиций национальной культуры, обеспечение единого культурного и информационного пространства, интеграция в мировой культурный процесс и информационное пространство) примут участие и архивы. Ставятся задачи создания условий для сохранения культур народов, проживающих в Российской Федерации, посредством обеспечения своевременного и качественного пополнения федеральных государственных архивов, их оснащения «современными средствами телекоммуникаций и компьютерной техникой для обеспечения перехода на более высокий технологический уровень оперативного учета и контроля использования фондов, и, как следствие, снижения угрозы их потери в процессе использования». Для ознакомления граждан с культурным наследием, воспитания патриотизма и нравственности предполагается целый спектр мероприятий по расширению номенклатуры и объемов информационных услуг, оказываемых государственными архивами. Обеспечению свободного доступа населения к культурным ценностям должны способствовать «проведение работ по рассекречиванию в установленном порядке архивных документов, представление

общественности архивных документов путем их экспонирования на выставках, публикации в средствах массовой информации, глобальных информационных сетях и т. д., работ федеральных государственных архивов по поиску и представлению информации, необходимой населению для представления в органы социальной защиты для начисления и перерасчета пенсий, а также выплаты льгот и компенсаций, установленных законодательством, и т. п.». Предстоит обеспечить условия для международного сотрудничества Росархива, «направленного на упрочение международного авторитета российских архивов как надежных партнеров, обладающих значительным информационным, научным и кадровым потенциалом», реституции и возвращения на Родину культурных ценностей.

В этом докладе делается попытка определить существенные показатели уровня достижения поставленных целей, в том числе перед архивной службой. Один из них – это процент документов государственной части Архивного фонда РФ, хранящихся в соответствии со стандартами, в общем объеме документов государственной части Архивного фонда РФ. Если в 2002 г. он составлял 13 %, в 2003 г. – 14 %, то в 2004 г. при соответствующем финансировании планируется 15,5 %, в 2005 г. – 17 %, а в 2007 г. – 21,5 %. Другим важным показателем деятельности министерства становится количество (в процентах) отстававших архивных дел в общем объеме архивных дел, требующих реставрации. Оно должно вырасти с 0,5 % в 2004 г. до 0,6 % в 2007 г. Особо планируется увеличение числа потребителей архивной информации в 2007 г. – на 4,5 % в сравнении с 2004 г. Правда, как сказал В.П. Козлов, это еще не окончательные критерии, и многое предстоит продумать в связи с изменениями в подходах к планированию, используя отечественный и зарубежный опыт.

Решение поставленных задач будет осуществляться с помощью системы бюджетных (федеральных и ведомственных) целевых программ, часть из которых уже действует («Культура России (2001 – 2005 годы)», «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001 – 2005 годы»). Предполагается, что федеральные и ведомственные целевые программы должны стать основным инструментом бюджетного планирования. Росархиву предстоит сформировать их перечень, а по каждой из программ – цели, описание ожидаемых результатов (предоставление услуг определенного качества и объема и эффект от предоставления услуг для их получателя); показателей для измерения результатов реализации; обоснование потребностей в ресурсах для достижения целей и результатов программы; определение системы управления реализацией программы, разграничения полномочий между агентством и федеральными архивными учреждениями, участвующими в их реализации.

Для архивных органов и учреждений субъектов Российской Федерации перечень ведомственных целевых программ, намечаемых к реализации Росархивом, хотя и не будет обязательным к исполнению, но послужит ориентиром для разработки собственных целевых бюджетных программ, а также индикатором наиболее актуальных проблем, решение которых должно стать задачей при планировании будущих работ.

Т.И. Бондарева

Пресс-конференция по вопросам строительства здания РГИА

Она состоялась 2 сентября в Москве с участием руководителей Росархива, РГИА, представителей Управления делами Президента Российской Федерации, Минкультуры России, Минэкономразвития России, осуществляющего строительство ОАО «Трансмашпроект», Российского общества историков-архивистов, научной общественности, СМИ.

О ходе строительства нового здания Российского государственного исторического архива (РГИА) в Санкт-Петербурге, обеспечении сохранности архивных фондов, оснащении новых архивохранилищ самым современным оборудованием, безопасном перемещении колоссального объема уникальных документов в оптимально сжатые сроки и других вопросах, интерес к которым вышел далеко за рамки архивного сообщества, рассказали руководитель Федерального архивного агентства В.П. Козлов, заместитель управляющего делами Президента Российской Федерации И.Д. Малюшин, заместитель министра культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации Л.Н. Надилов, директор РГИА А.Р. Соколов, директор ФГУП «Дирекция по строительству и реконструкции объектов в Северо-Западном федеральном округе» Управления делами Президента Российской Федерации Н.С. Таскин.

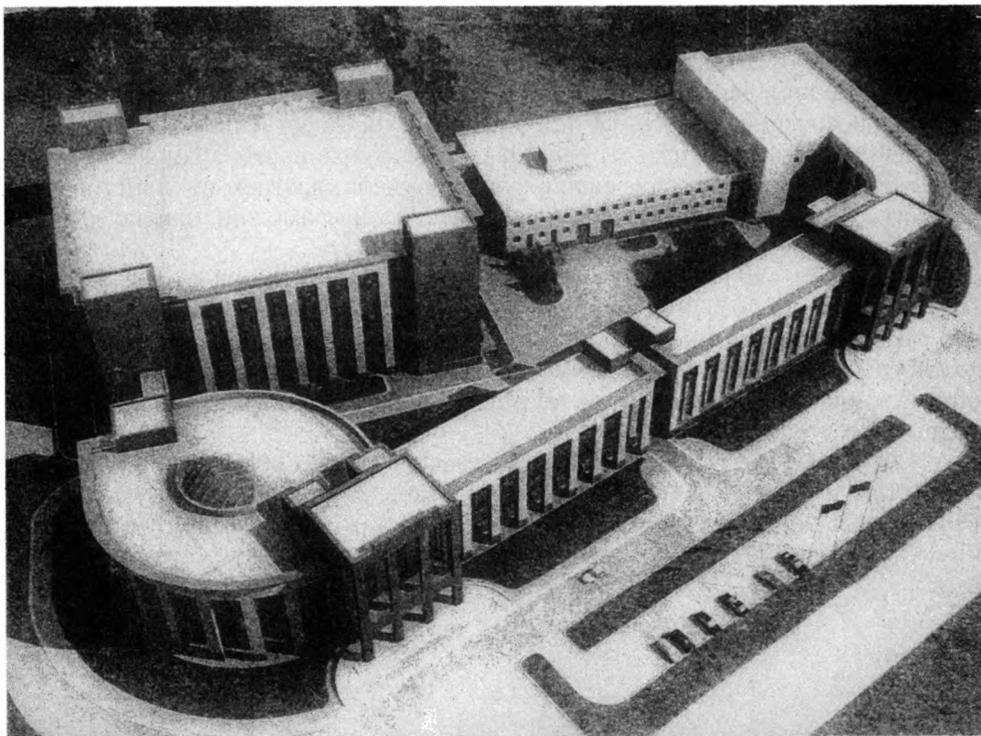
Ситуация, сложившаяся вокруг одного из крупнейших в России и Европе собраний документальных источников, в течение нескольких лет волнует общество. В РГИА хранится свыше 6,5 млн дел, в основном высших и центральных органов государственной власти и управления России XVIII – начала XX в. (Государственного совета, Государственной думы, Правительствующего Сената, Святейшего Синода), а также личные фонды видных государственных, общественных и религиозных деятелей России. Его научная библиотека насчитывает свыше 400 тыс. томов, среди которых немало редких рукописных книг и старинных изданий на русском и иностранных языках. Указом Президента Российской Федерации в 1993 г. архив включен в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

Документы РГИА имеют огромную материальную ценность (страховая оценка только отдельных из них составляет несколько миллионов долларов США, а общая стоимость собрания архива достигает десятков триллионов долларов).

Размещенный в исторической части Санкт-Петербурга архив давно нуждается в надлежащих условиях для хранения и использования документов. Построенные во второй четверти XIX в. здания Сената и Синода ни разу капитально не ремонтировались, и уже в конце XX в. их техническое состояние признавалось катастрофическим, что подтверждено экспертами МСА и ЮНЕСКО в 1993 г. Особенно сложная ситуация с пожарной безопасностью: деревянные перекрытия помещений и стеллажи, электропроводка, давно выработавшие свой ресурс, исключают возможность локализации возгорания в случае его возникновения. Вопрос о необходимости строительства нового здания РГИА был поставлен еще в первой половине 1990-х гг.,

но тогда средств на проектирование и постройку современного здания не было. В настоящее время положение изменилось. В конце 2002 – начале 2003 г. были подписаны распоряжения Правительства Российской Федерации, согласно которым ныне занимаемые РГИА здания Сената и Синода, дворец Лавалля передавались Управлению делами Президента Российской Федерации, оно же определено заказчиком строительства здания. На эти цели в 2003 г. Минфин России впервые выделил 90 млн руб., был организован конкурс на право заключения договора на выполнение проекта. К строительству здания (Заневский проспект, 36) приступили в декабре 2003 г., оно ведется ускоренными темпами, уже возведен седьмой (верхний) этаж корпуса архивохранилища. В 2004 г. планируется освоить более 1 млрд руб. при общей стоимости строительства 3,2 млрд руб. Срок завершения работ – декабрь 2004 г.

Надо отметить, что отношение к перемещению документов РГИА из расположенных в центре города зданий неоднозначное. В течение 2003 – 2004 гг. в прессе появилось множество публикаций, в которых высказывалась тревога в связи с предстоящим выселением этого крупнейшего и ценнейшего документального собрания. На имя Президента Российской Федерации поступили обращения известных деятелей науки и культуры, обеспокоенных судьбой архива. В них высказаны опасения за сохранность уникальных письменных памятников во время перемещения, исключение их из пользования на длительный срок, озабоченность надежностью возводимого в сжатые сроки огромного здания. Часть сотрудников РГИА и пред-

Проект комплекса зданий РГИА

ставителей Санкт-Петербургской общественности по-прежнему считают, что перевозить документы из нынешних архивохранилищ нельзя ни при каких условиях.

Участники пресс-конференции постарались развеять эти опасения. В ближайшее время, как сообщил В.П. Козлов, пресс-конференция состоится и в Санкт-Петербурге.

В.П. Козлов, рассказавший о нынешнем аварийном состоянии архива, пообещал, что перевоз документов будет проводиться лишь в помещениях, оснащенные современными системами охранно-пожарной сигнализации, кондиционирования воздуха, автоматической системой пожаротушения, стеллажным и лабораторным оборудованием, которые смогут обеспечить оптимальные условия для сохранения и использования фондов. В настоящее время разрабатываются планы безопасного поэтапного перевоза документов. Руководитель Росархива напомнил, что мировой практике известны факты удачного решения подобной задачи, приведя в качестве примера перемещение в новые здания таких крупнейших документальных собраний, как Федеральный архив ФРГ и Национальный архив Великобритании. В нашей стране недавно был благополучно перемещен Рязанский облгосархив. Сообщение В.П. Козлова сопровождалось демонстрацией слайдов.

Оценивая возводимый новый комплекс архивных помещений, Л.Н. Надиров обратил внимание на отсутствие столь грандиозного строительства в России уже на протяжении 25 лет.

А.Р. Соколов сообщил, что завершается тендер на разработку оптимальной технологии переезда, в итоге которого определится фирма по перемещению документов. При условии тотального контроля за документами на всех этапах первой будет перевезена научно-справочная библиотека, затем – НСА (500 тыс. ед. хр.), далее – лаборатория и другие подразделения РГИА. В приеме всех помещений в эксплуатацию вместе с государственной приемной комиссией примут участие сотрудники отдела сохранности архива. Пока же еженедельно проводятся совещания на стройке с участием архивистов. Определить срок перемещения документов сейчас невозможно, однако предполагается, что он не будет длительным.

Представителей СМИ и архивистов (Т.И. Бондарева, Е.А. Тюрина, И.О. Гаркуша и др.) интересовали подробности выбора генерального подрядчика на выполнение строительных работ, поставки современного стеллажного и другого оборудования, перспективы создания наблюдательного общественного совета за строительством, информирование граждан о его ходе и др.

В ответах на вопросы прозвучали заверения, что освещение хода строительства и перемещения документов будет регулярным – руководство РГИА открыто для СМИ. А Росархив готов к сотрудничеству с общественным советом по контролю за строительством, если таковой будет создан.

В.М. Осин

*История, теория и практика архивного дела**М.А. Орешина***Выявление и сохранение исторических источников в Вологодской губернии в 1910-е гг.**

К теме, связанной с историей губернских ученых архивных комиссий (ГУАК), продолжают обращаться многие исследователи¹, делая ее традиционной и фундаментальной составляющей архивоведческих работ. За последние двадцать лет историческая наука обогатилась рядом статей и монографий. Советские и современные авторы поддержали дореволюционную традицию изучения архивного дела в Российской империи (И.Е. Андреевский, А.А. Гераклитов, М.В. Довнар-Запольский, В.С. Иконников, Н.В. Калачов, А.С. Лаппо-Данилевский, Н.В. Покровский, Д.Я. Самоквасов, В.И. Снежневский, А.Н. Труворов и др.). География работ, посвященных ГУАК, достаточно широка и охватывает Владимир, Вятку, Екатеринослав, Кострому, Нижний Новгород, Орел, Оренбург, Пензу, Пермь, Рязань, Саратов, Самару, Симбирск, Ставрополь, Тамбов, Тверь, Ярославль и другие города России, где по инициативе Н.В. Калачова с 1884 г. создавались ГУАК.

Несмотря на очевидные достижения, интерес к изучению архивного дела дореволюционной России не иссякает, о чем свидетельствуют диссертации по этой тематике², научные мероприятия, посвященные юбилейным датам в истории ГУАК³, библиография трудов, появившихся при непосредственном участии и по инициативе членов ГУАК⁴. Исследователи изучают фонды ГУАК в государственных областных архивах⁵, роль комиссий в сохранности документов губернских учреждений⁶, создании исторических архивов и становлении архивного дела в губерниях⁷, археологических поисках и сохранении памятников старины⁸, в истории формирования музейных коллекций⁹, этнографической¹⁰ и историко-краеведческой деятельности российской провинции. Кроме того, ученых привлекает издатель-

Автор выражает искреннюю благодарность за содействие в предоставлении источников начальнику Главного управления по делам архивов Вологодской области О.А. Наумовой, директору Государственного архива Вологодской области Т.А. Кулаковой, заместителю директора ГАВО по науке Л.Н. Мясниковой, заведующей читальным залом архива Н.Л. Кучумовой, а также директору Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника Л.Д. Коротаевой и заведующей сектором письменных источников музея Н.Н. Малининой.

ская практика ГУАК¹¹, их взаимодействие с научно-историческими и краеведческими обществами и организациями России¹², деятельность членов ГУАК¹³ и тех, кто с ними сотрудничал (князь Л.Л. Голицын, В.А. Городцов, В.И. Гошкевич, И.И. Дубасов, Н.В. Калачов, В.О. Ключевский, П.Н. Милюков, Н.Н. Селифонтов, А.А. Тилло, А.И. Черепнин, архиепископ Тверской и Кашинский Савва и др.).

Даже беглый обзор работ по истории ГУАК демонстрирует многообразную исследовательскую палитру. Однако пока существуют пробелы в исследованиях, связанных с территориями, где по ряду причин архивные комиссии так и не были официально созданы, а попытки по их образованию предпринимались в рамках существовавших тогда научно-краеведческих обществ. Одним из таких регионов был Русский Север, и в частности Вологодская губерния.

Архивная работа на территории Вологодской и Олонецкой губерний велась в рамках губернских архивов, комплектовавшихся главным образом документами земских управ. Следует отметить, что речь идет прежде всего об архивах действующих учреждений, служивших преимущественно практическим потребностям земств, а не об исторических архивах, инициатива по устройству которых принадлежала местным краеведческим обществам (обществам родинovedения)¹⁴.

Лишь с конца 1910-х гг. архивную деятельность в трех губерниях Европейского Севера (включая Архангельскую) в историческом аспекте можно связывать с местными обществами изучения края, в известной степени заменявшими отсутствовавшие губернские ученые архивные комиссии. В связи с этим особый интерес представляют усилия местных краеведов в развитии просвещения. Многие из них, совмещая несение государевой службы с общественной деятельностью и радея за просвещение России, по призванию были историками-архивистами. Это Л.И. Андреевский (архивист, историк, выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета), И.С. Бачалдин, К.И. Беляев, Э.Веберман, А.М. Виноградов (присяжный поверенный, гласный Вологодской городской думы)¹⁵, Ф.А. Витберг, Н.А. Голубцов (член Архангельского губернского статистического комитета), Д.А. Григоров (архивист), П.А. Дилакторский (вологодский библиограф и библиофил), К.А. Докучаев-Басков (крестьянин по происхождению, лауреат премии графа Уварова от Академии наук, архивист, исследователь северных монастырей и старообрядчества), А.Изюмов, Н.В. Ильинский (ботаник, член Русского географического общества и Вологодского общества изучения Северного края – ВОИСК), Н.Коноплев, С.А. Лосев (член ВОИСК и директор народных училищ Вологодской губернии), В.П. Манаков, Н.Ф. Марков, В.Мелетиев, Ф.К. Павлов, Х.И. Пахолков¹⁶, Б.В. Писаренков, А.В. Попов-Знаменский, М.Правдин, Д.И. Прозоров, о. Павел Рукин, о. Александр Сахаров, Ю.М. Сибирцев (пожизненный член Архангельского общества изучения Русского Севера – АОИРС, член-корреспондент АН СССР, историк и палеограф, организатор и заведующий Архангельским древлехранилищем), И.К. Степановский (историк и экономист, член ВОИСК, редактор неофициальной части «Вологодских губернских ведомостей», сотрудник Минфина, Министерства земледелия и государственных имуществ, МВД, директор музея Ярославского естественно-исторического общества), И.Н. Суворов (историк, археограф и архивист, редактор «Вологодских епархиальных ведомостей», секретарь ду-

ховной консистории, председатель церковно-археологической комиссии любителей истории и древностей при Вологодском древлехранилище, впоследствии председатель губернского архива), протоиерей о. Тихон Шаламов¹⁷, А.Ф. Шидловский (председатель АОИРС и Общества изучения Олонецкой губернии – ОИОГ, библиофил, коллекционер, археограф)¹⁸. Этим и многим другим лицам принадлежит почин в «устроительстве архивных изысканий» на Русском Севере. Среди них были архангелогородцы, вологжане, выходцы из Олонецкой губернии и командированные в Северный край жители обеих столиц. Имена одних достаточно известны, а изучение деятельности и творческого наследия других еще ждет своего исследователя¹⁹. Все они входили в состав научно-краеведческих обществ, действовавших в начале XX в. (АОИРС – с 1908 г., ВОИСК – с 1909 г., ОИОГ – с 1913 г.²⁰), и проводили значительную библиотечно-музейную, библиографическую и архивно-археологическую работу²¹.

Важность деятельности такого рода была осознана с самого начала существования обществ. Сразу же возникла необходимость создания специальных секций историко-археологических отделений, которые в понимании их учредителей и членов должны были исполнять роль уже существовавших к тому времени во многих губернских городах ученых архивных комиссий.

Периодические издания обществ постепенно становились трибуной для постановки организационных вопросов архивного дела на территории всего региона. В частности, «Известия» АОИРС и ОИОГ предоставляли возможность не только публиковать совершенно новые источники из центральных и местных архивов²², но и высказывать мнение относительно организации и путей развития архивной деятельности в рамках научно-краеведческих обществ.

Настоящая статья посвящена попытке создания ученой архивной комиссии в Вологде и деятельности ВОИСК по поиску исторических, в том числе архивных, источников, их изучению и сбережению.

Вологодская и Архангельская губернии, в отличие от других, имевших собственные ученые архивные комиссии, в этом отношении оказались на попечении Пермской. Многие ученые и общественные деятели неоднократно выступали в периодических изданиях, сетуя на данное обстоятельство, разумеется, стеснявшее всякое научное начинание, выражали надежду на то, что хотя бы местное научное общество возьмет на себя функции архивной комиссии. В скором времени эти пожелания реализовались.

Сначала подобного рода структура возникла внутри ВОИСК. В 1912 г. в рамках историко-археологической комиссии общества была создана «особая комиссия для архивных изысканий», которая занималась выявлением и изучением документов и материалов по истории событий 1612 – 1613 гг. и Отечественной войны 1812 г. в архивах губернского правления, окружного суда, городской управы, архиерейского древлехранилища, Прилуцкого монастыря²³. На ее заседании 18 апреля 1912 г., помимо упомянутых хранилищ документов, для разработки архивных дел были намечены архивы: губернский, дворянский, городской, епархиальный, мещанской управы, казенной палаты, консисторский²⁴.

О деятельности историко-археологической комиссии ВОИСК, организации «архивных изысканий» говорят материалы, выявленные в фонде Вологодского общества изучения Северного края Госархива Вологодской об-

ласти (ГАВО). Комиссия занималась главным образом пополнением библиотеки, коллекций музея и разработкой местных архивов. Помимо нее в состав общества входили географо-этнографическая, естественно-историческая, промышленно-экономическая комиссии.

Уже с 1910-х гг. вопрос о выработке комплекса мероприятий и плана действий по упорядочению местных архивов не сходил с повестки дня заседаний не только самой комиссии, но и правления ВОИСК. На одном из заседаний правления при обсуждении вопроса о предоставлении обществу денежного пособия было решено «просить историко-археологическую комиссию выработать план разработки архивов края и по выработке такового ходатайствовать через правление о пособии, которое дается архивным ученым комиссиям...»²⁵.

Составление плана работ историко-археологической комиссии связывалось прежде всего с подготовкой к юбилейным мероприятиям – столетию Отечественной войны 1812 г., а также трехсотлетию Дома Романовых и событий Смутного времени (1612 – 1613 гг.). В преддверии юбилея Отечественной войны в Москве готовилась выставка, бюро которой через вологодского губернатора обратилось к ВОИСК с просьбой о предоставлении музеем и историко-археологической комиссией общества предметов той эпохи для экспонирования²⁶.

Неоднократно обсуждался вопрос об определении направлений деятельности историко-археологической комиссии. В частности, в журнале заседания комиссии от 18 апреля 1912 г. обозначен предмет работ и изысканий комиссии – выяснение степени и форм участия Вологодской губернии в общегосударственных событиях 1812 года. Планировалось ознакомление специалистов с сохранившимися в местных архивах документами²⁷. По этому поводу в ВОИСК поступали различные предложения от местных краеведов. Приведем одно из них: «Многоуважаемый Семен Алексеевич. Сегодня в общем собрании ставится на рассмотрение вопрос о 12-м годе. Вопрос в высшей степени интересный... Есть у меня тема: я узнал, что один из вологжан, воспитанник нашей гимназии, участвовал в войне с Наполеоном, а затем постригся в монахи. Я собираю о нем сведения и, если нужно будет, сделаю доклад в Обществе изучения Северного края. Уважающий Вас Н.Ф. Марков. Вологда, 1912 г.»²⁸.

Вологодская губерния являлась и ареной важных событий в Смутное время, о чем сохранились сведения в губернских архивах. Однако не все они были доступны исследователям. Поэтому общество решило произвести необходимый поиск, в том числе документов 1612 – 1613 гг., а также создать особую комиссию, членство в которой облегчало бы доступ в архивные учреждения Вологодской губернии²⁹.

Документы фонда ВОИСК свидетельствуют об удачном налаживании правлением деловых контактов с властными структурами губернии в отношении доступа ее членов к архивным материалам. На все запросы ВОИСК (в Вологодское губернское правление³⁰, епископу Антонию Вельскому³¹, председателю окружного суда В.И. Сокальскому³², городскому голове в Вологодское городское общественное управление³³, духовную консисторию³⁴, казенную палату³⁵) были получены положительные ответы. Члены «особой комиссии для исторических изысканий» распределили между собой работу по изучению фондов местных архивов: губернского правления, канцелярии

губернатора, городского общества, духовной консистории, Спасо-Прилуцкого монастыря, Вологодского окружного суда, Вологодского управления земледелия и государственных имуществ, мещанской управы, ремесленного общества, опекунских управлений (дворянской опеки, сиротского суда) и др.³⁶

В комиссию вошли члены общества: А.М. Виноградов, Н.В. Ильинский, Н.Ф. Марков, Ф.К. Павлов, Б.В. Писаренков, о. А.Сахаров, В.Н. Трапезников³⁷. Для участия в работе комиссии были приглашены Х.И. Пахолков, Д.И. Прозоров, о. Павел Рукин, о. Тихон Шаламов, И.С. Бачалдин и о. Николай Коноплев³⁸. Позднее ее состав расширился за счет привлечения А.В. Попова-Знаменского, К.И. Беляева³⁹, ставшего по просьбе секретаря правления ВОИСК С.С.Перова секретарем комиссии⁴⁰, а также Р.П. Трапезниковой, Н.П. Лошковой, А.А. Александрова, А.Н. Прибыткова и других членов ВОИСК. В состав комиссии вошел и Д.А. Григоров, член Русского археологического общества, один из учредителей, а позднее председатель Тотемского отделения ВОИСК, который впоследствии занимался разбором и описанием архива Тотемского казначейства, изучал совместно с В.Н. Пономаревым архив бывшей Тотемской полиции⁴¹.

Правление обратилось за помощью к известному историку, члену Императорской Академии наук и местных обществ, археографу и архивисту И.Н. Суворову, являвшемуся одно время секретарем духовной консистории и возглавлявшему церковно-археологическую комиссию любителей истории и древностей при Вологодском древлехранилище. Он был знатоком архивного дела в крае, обладавшим известным влиянием в церковных, журналистских, да и в широких общественных кругах⁴².

Подготовке правил публикации документальных источников о событиях 1812 г. и Смутного времени общество придавало большое значение. Уже в ходе обсуждения вопроса создания историко-археологической комиссии и первых шагов ее деятельности непосредственно через ее подразделение, особую комиссию, рассматривалось археографическое направление исторических исследований. Поэтому вполне правомерно говорилось о выявлении опубликованных материалов по заданным сюжетам. Было решено просить «правление Общества выписать указатели журналов “Русская Старина”, “Исторический Вестник”, “Журнал Министерства народного просвещения”, “Русский Архив”, дабы по ним ознакомиться с печатным материалом по предмету задач комиссии»⁴³. В июне 1912 г. правление ВОИСК отправило письмо петербургскому книжному магазину «Новое время» с просьбой выслать Вологодскому обществу полные указатели вышеуказанных журналов⁴⁴.

Выявление и сохранение документов, в том числе о происходивших в период деятельности ВОИСК крупномасштабных событиях – русско-японской войне, Первой русской революции 1905 г., Первой мировой войне, напрямую зависело от организации архивного дела в губернии. На заседании правления ВОИСК 18 июля 1916 г. было решено ходатайствовать об учреждении при обществе ученой архивной комиссии⁴⁵. Специальный доклад товарища председателя ВОИСК В.Н. Трапезникова⁴⁶, сделанный на общем собрании его членов в здании Вологодской городской управы под председательством вологодского губернатора В.М. Страхова⁴⁷ 4 сентября 1916 г., был посвящен анализу состояния местных архивов и использования в исторических исследованиях архивных материалов. В нем поднимался вопрос и о статусе создаваемой комиссии, которая бы целенаправленно зани-

малась сохранением и приумножением научного и историко-культурного наследия Вологодчины⁴⁸.

В докладе В.Н. Трапезникова отмечались чрезвычайная важность приведения в порядок сохранившихся в архивах документов и их изучения, а также удручающее состояние архивов учреждений, «безрассудное отношение» к историческим источникам, нередко проявлявшееся в скупке у чиновников-архивариусов документов для разного рода нужд – работы типографий, проведения ремонта и т. д. (Такие случаи были замечены в отношении архивов Грязовецкого и Кадниковского казначейств.)

Докладчик указал на отставание губернии в вопросе создания ученой архивной комиссии (Положение о ГУАК появилось 13 апреля 1884 г.), отметил сходства и различия полномочий и прав губернских ученых архивных комиссий и историко-археологической комиссии ВОЙСК. Конечно, шире они были у ГУАК, изначально задуманных в качестве правительственных учреждений, подчиненных, с одной стороны, губернатору, а с другой – подведомственных Археологическому институту, куда должна была поступать вся делопроизводственная и финансовая отчетность. Права историко-археологической комиссии общества были ущемлены в одном из самых важных вопросов – разработки архивов уездных и губернских учреждений и сохранности документов, представлявших исторических интерес. Отсутствие должного финансирования на правительственном уровне и подготовленных к такой работе кадров значительно сужало деятельность историко-археологической комиссии ВОЙСК.

Таким образом, необходимо было решить главный вопрос – о статусе учреждаемой комиссии, а значит, и о характере разработки и изучения местных архивов и охраны памятников старины. В ходе обсуждения в вологодской прессе⁴⁹ направлений деятельности, юридического статуса архивной комиссии рассматривалась и степень ее самостоятельности: существовать ли ей при ВОЙСК в виде подчиненной структуры или быть вполне автономной⁵⁰. Правление, ввиду недостатка образованных кадров, распыления научных сил и неизбежного дублирования проектируемой архивной комиссией уже существовавшей историко-археологической комиссии, опираясь на мнение В.Н. Трапезникова, сочло наиболее разумным ходатайствовать об учреждении таковой при ВОЙСК. Стоит особо отметить, что возобладавшая в ходе дискуссий по этому вопросу точка зрения отражала новый подход. Было решено присвоить историко-археологической комиссии функции и права, принадлежавшие ГУАК по Положению 1884 г. Заведование историческим музеем, архивом ВОЙСК и историческим отделом его библиотеки возлагалось на историко-археологическую комиссию.

Обсуждение вопросов о развитии «архивных изысканий» в губернии ускорило приездом в 1916 г. в Вологду председателя Императорского Русского исторического общества великого князя Николая Михайловича, поддержавшего предложение местной общественности об учреждении в городе ученой архивной комиссии. Он пожертвовал на строительство нового здания музея 500 рублей, а в адресованном правлению ВОЙСК письме сообщал, что после учреждения архивной комиссии намерен передать библиотеке общества ряд книг.

Острота ситуации вокруг создания в Вологде подобного учреждения и накал споров определялись и катастрофическим состоянием архивов на тер-

ритории губернии. В ходе дискуссии приводились многочисленные случаи продажи архивов, назывались цены на рынках уездных городов на затребованные торговцами архивные бумаги, сообщалось о покупке особо ценных документов и передаче их в музей общества.

Единства в вопросе о статусе создаваемой комиссии не было. Высказанное В.Н. Трапезниковым предложение встретило оппозицию со стороны других членов ВОИСК. Существовало мнение, что было бы гораздо лучше учредить комиссию как автономную правительственную структуру. Это, во-первых, позволило бы ей иметь самостоятельный источник финансирования со стороны правительства, а во-вторых, не ограничивало бы приток в нее разных заинтересованных юридических и частных лиц. В противном случае последнее было бы невозможно, так как устав ВОИСК предусматривал определенную процедуру избрания в члены общества. Исследователям, не состоявшим в нем, доступ в такую комиссию был бы закрыт, что само по себе сужало их возможности.

Внесенное секретарем правления ВОИСК С.С. Перовым предложение как раз сводилось к образованию самостоятельной, независимой от ВОИСК архивной комиссии. Одна из вологодских газет прокомментировала его так: «Единственным противником образования архивной комиссии при обществе выступил г. Перов, возражения которого были довольно странного характера. Г. Перов обиделся за то, что общество таким путем “монополизирует” разработку архивов и лишит той же возможности другое Вологодское учебное общество – Северный кружок любителей изящных искусств, которое не сегодня-завтра будет объявлено местным отделом общества по охранению памятников старины и имеет заслуги, сводящиеся к изданию книги Лукомского⁵¹ “Вологда в ее старине”...»⁵²

По мнению С.С. Перова, охрана памятников старины не входила в сферу деятельности архивных комиссий, а задачи ВОИСК должны быть гораздо шире и не сводиться исключительно к историко-архивным исследованиям. В свою очередь В.Н. Трапезников вынужден был обратить внимание своего главного оппонента на то, что Положением 1884 г. архивным комиссиям предоставлено право деятельности по охране памятников старины. «Если становиться на почву взаимной борьбы, – писал В.Н. Трапезников, – то тогда и наше общество может “обижаться”, что Северный кружок любителей изящных искусств стал “монопольным охранителем памятников старины”»⁵³.

Общим собранием ВОИСК позиция В.Н. Трапезникова, хоть и сужавшая первоначальную задачу, была единогласно поддержана. Впрочем, инициатива так и осталась незавершенной. Таким же начинанием стал проект по изданию «Известий Архивной комиссии»⁵⁴.

ВОИСК предпринимались шаги по собиранию архивного наследия членов общества и сохранению материалов, несомненно, представлявших историческую ценность. Так, при разборе архива городского общественного управления в октябре 1911 г. были найдены две литографии: с изображением кафедрального собора и примыкавшей к нему колокольни, одна 1813 – 1820 гг., другая более поздняя, относившаяся к периоду пребывания в Вологде в 1858 г. императора Александра II. Их копии пополнили музей общества⁵⁵. В 1919 г. общество приобрело рукописи покойного писателя-володжанина П.А. Дилакторского⁵⁶. Часть его наследия – библиография Северного края и словарь языка Вологодской губернии была подготовлена

к изданию⁵⁷. В том же году в ВОИСК начали поступать этнографические материалы А.А. Шустикова⁵⁸, собранные в ходе его экспедиций по некоторым уездам Вологодской губернии⁵⁹. Ранее ВОИСК приняло в дар от Д.И. Прозорова⁶⁰ личный архив деда историка А.Е. Мерцалова⁶¹.

Эти примеры иллюстрируют характер интересов общественности и состав документов, которыми предполагалось комплектовать будущий архив ВОИСК. В целом процесс собирания документального наследия членов общества, сформировавших архив ВОИСК, шел медленно и не отличался систематическим характером. Сюда поступали ценные книги или рукописи, передаваемые непосредственно членами ВОИСК⁶² и их родственниками, а также купленные коллекции документов.

К сожалению, личные архивы членов ВОИСК, впрочем, как и других краеведческих сообществ, почти не сохранились до наших дней. События двух революций 1917 г. и Гражданской войны в России, небрежное отношение ближайших родственников скончавшихся членов ВОИСК к личному архивному наследию последних часто приводили к полной утрате уникальных документов.

Однако, несмотря на это, почин в привлечении внимания к архивам провинции в целом, и Вологодской губернии в частности, состоялся. На рассмотрение широкой общественности был поставлен вопрос об организации на должном уровне архивного дела на Вологодчине. И хотя эту инициативу не удалось реализовать в полной мере, Вологодское общество изучения Северного края стало одним из образцов единения научно-исследовательского потенциала в области исторических исследований.

¹ Истории ГУАК был посвящен ряд статей в журнале «Отечественные архивы». См., напр.: *Майорова А.С.* Из истории Саратовской губернской ученой архивной комиссии // *Отечественные архивы.* 1997. № 4; *Мельникова С.А.* Деятельность Симбирской губернской ученой архивной комиссии // Там же. 1999. № 2; *Шишлова М.В.* Из истории Курской ГУАК (к 100-летию образования) // Там же. 2003. № 1; и др.

² *Бржостовская Н.В.* Деятельность губернских ученых архивных комиссий в области архивного дела (1884 – 1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1951; *Шутилов А.Д.* Историко-краеведческая деятельность в Костромской губернии в конце XVIII – начале XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; *Макарихин В.П.* Губернские ученые архивные комиссии и их роль в развитии общественно-исторической мысли России конца XIX – начала XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1991; *Аллеинова В.А.* Историко-краеведческая деятельность Тамбовской ученой архивной комиссии (1884 – 1922): Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1997; *Солнцев Н.И.* Роль губернских ученых архивных комиссий в исследовании археологических памятников Верхнего По-

волжья. (По материалам Нижегородской и Тверской губернских ученых архивных комиссий): Дис. ... канд. ист. наук. Новгород, 1997; *Дорошин Б.А.* Организация и деятельность Пензенской губернской ученой архивной комиссии: Дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 1999; *Филатова Ю.В.* Взаимодействие Нижегородской губернской ученой архивной комиссии со столичными учеными, научно-историческими обществами и организациями (1887 – 1918 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Новгород, 1999; *Толстов В.А.* Рязанская губернская ученая архивная комиссия: история создания, труды и коллекции. Автореф. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003; и др.

³ Ярославский архив дворян Викентьевых XVII века: Сб. докл.: К 100-летию Ярославской губернской ученой архивной комиссии. Ярославль, 1989; *История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии): Тез. докл. и сообщ. к межрегиональной науч. конф.* Киров, 18 – 20 октября 1994 г. Киров, 1994; *Конференция, посвященная 110-летию создания губернских ученых архивных комиссий // Археографический ежегодник (далее АЕ) за 1994 г.* М., 1996.

С. 359; Памяти Селифонтова: Сб. докл. Первых Селифонтовских чтений. 16 – 17 ноября 2002 г. Кострома, 2000; и др.

⁴ См., напр.: *Шведова О.И.* Указатель «Трудов губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий» // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 377 – 433; *Чудова Г.Ф.* Указатель содержания «Трудов Вятской ученой архивной комиссии» 1905 – 1917 гг. Киров, 1976; «Летопись Екатеринбургской ученой архивной комиссии» (1904 – 1915): Библиогр. Довідник. Київ, 1991; Издания губернских ученых архивных комиссий, 1884 – 1923 гг. / Сост. Л.Ф. Писарькова. New York, 1994. Вып. 1, 2, 3; Труды Владимирской губернской ученой архивной комиссии за 1909 – 1918 гг.: Библиогр. указ. / Владимирская областная научная библиотека им. А.М. Горького. Сост. Т.Г. Маринина. Владимир, 1994; и др.

⁵ *Тельчаров А.Д.* Фонд Владимирской ученой архивной комиссии // АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 229 – 233; *Шитаков М.В.* Фонд Ярославской губернской ученой архивной комиссии // Ярославская старина. 1996. № 3. С. 119 – 120; и др.

⁶ *Максимова Н.Д.* Деятельность Владимирской ученой архивной комиссии по сохранности документов губернских учреждений (к 100-летию со дня основания) // Рождественский сборник. Ковров, 1998. Вып. 5. С. 88 – 93.

⁷ *Синельникова Т.П.* Деятельность Рязанской губернской ученой архивной комиссии по созданию исторического архива // Общественная мысль и классовая борьба в центральных губерниях России во второй половине XIX века. Рязань, 1988. С. 87 – 97; *Трегубов А.Н.* Самарская губернская ученая архивная комиссия и ее роль в становлении архивного дела в Самарском регионе // Государственному архивному фонду России – 80 лет. Самара, 1998. С. 41 – 47.

⁸ *Размустова Т.О.* Губернские ученые архивные комиссии и изучение памятников археологии в дореволюционной России // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. М., 1990. С. 89 – 104; *Моисеев Н.Б.* Археологическая деятельность Тамбовской губернской ученой архивной комиссии // Красвед земли Тамбовской. Тамбов, 1995. С. 30 – 35; *Арсланова Ф.Х., Скукина Е.В.* Роль Тверской ученой архивной комиссии в археологическом изучении Тверского края //

Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья: Материалы науч. семинара. Тверь, 1996. Вып. 3. С. 249 – 253; *Аленова В.А.* Деятельность Тамбовской ученой архивной комиссии по охране памятников старины // Исторические записки. Воронеж, 1996. Вып. 1. С. 50 – 57; *Она же.* Деятельность Тамбовской ученой архивной комиссии по изучению археологических памятников Тамбовской губернии // Страницы истории и историографии Отечества. Воронеж, 1997. Вып. 1. С. 17 – 33; *Большакова Л.В.* Архивные материалы об археологических памятниках Саратовского уезда // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследование: Сб. ст. Саратов, 1997. С. 214 – 280; *Колесникова М.Е.* Охрана памятников старины на Ставрополье в начале XX века. (По материалам Ставропольской ученой архивной комиссии) // Вестник Ставропольского государственного университета. Исторические и социально-гуманитарные науки. 1997. № 9. С. 13 – 21; *Виноградова С.Г.* Археологическая деятельность Костромской губернской архивной комиссии (1885 – 1900 гг.) // Памяти Селифонтова: Сб. докл. Первых Селифонтовских чтений... С. 148 – 157.

⁹ *Рассадина Т.В.* Из истории формирования нумизматической коллекции Костромской губернской ученой архивной комиссии // Памяти Селифонтова: Сб. докл. Первых Селифонтовских чтений... С. 139 – 147; и др.

¹⁰ *Толстов В.А., Трибунский П.А.* Рязанская ученая архивная комиссия и этнографическое изучение края (конец XIX – начало XX в.) // Этнографическое обозрение. 1998. № 3. С. 150 – 155; и др.

¹¹ *Бурьян Л.К.* Обзор печатных материалов по истории Саратовской ученой архивной комиссии // Вопросы библиотековедения: Сб. ст. Саратов, 1968. С. 84 – 92; *Лихачев Н.П.* «По поводу трудов Ярославской губернской ученой архивной комиссии» (1893) // Ярославская старина. 1994. Вып. 1. С. 45 – 50; *Писарькова Л.Ф.* Губернские ученые архивные комиссии и их издания // П.А. Зайончковский. 1904 – 1983 гг. М., 1998. С. 315 – 319.

¹² *Макарихин В.П.* Научные и общественные связи губернских ученых архивных комиссий Поволжья // Российский исторический журнал. 1998. № 2. С. 22 – 28.

¹³ *Шумейко Н.М.* Бескорыстный радатель культуры. Страницы биографии А.А. Гилло

(1846 – 1918 гг.) // Поволжский край: Межуз. сб. науч. тр. Саратов, 1972. Вып. 11. С. 141 – 154; *Чекурин Л.В.* А.И. Черепнин – руководитель Рязанской ученой архивной комиссии // Общественное движение в центральных губерниях России во второй половине XIX – начале XX в. Рязань, 1981; *Дубов И.В., Седых В.Н.* В.А. Городцов и Ярославская губернская ученая архивная комиссия // Вестник ЛГУ. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. 1986. Вып. 4. С. 16 – 21; *Алексеев В.П.* Профессора Демидовского юридического лицея – соратники И.А. Тихомирова по Ярославской губернской ученой архивной комиссии // Краеведческие записки. Ярославль, 1991. Вып. 7. С. 50 – 57; *Миронов В.Г.* В.И. Гошкевич и Саратовская ученая архивная комиссия // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991. С. 7 – 10; *Алленова В.А.* И.И. Дубасов – первый председатель Тамбовской ученой архивной комиссии // Краевед земли Тамбовской. Тамбов, 1995. С. 9 – 18; Действительные члены Оренбургской ученой архивной комиссии // Гостиний двор. Оренбург, 1995; *Миронов В.Г.* К истории саратовского краеведения (князь Л.Л. Голицын – второй председатель Саратовской ученой архивной комиссии) // Российский исторический журнал. 1996. № 4. С. 18 – 26; *Пирогова Е.П.* Пермская ученая архивная комиссия и ее деятели // Уральский сборник: История. Культура. Религия: Сб. ст. Екатеринбург, 1997. С. 197 – 232; *Воробьева И.Г.* Архиепископ Тверской и Кашинский Савва и Тверская ученая архивная комиссия // Великое прошлое. Тверь, 1998. С. 118 – 121; *Толстов В.А.* П.Н. Милюков в Рязани: «открытие» провинции // Рязанское историческое общество. Труды. Рязань, 1998. Вып. 2. С. 102 – 133; Костромская губернская ученая архивная комиссия (КГУАК) – детище Н.Н. Селифонтова // Памяти Селифонтова: Сб. докл. Первых Селифонтовских чтений... С. 118 – 192; *Сапрыгина Е.В.* Рождение Костромской губернской ученой архивной комиссии: Н.В. Калачов и Н.Н. Селифонтов // Там же. С. 118 – 125.

¹⁴ *Абрамов В.Ф.* Земские архивы // Вестник архивиста. 1998. № 4. С. 65.

¹⁵ ГАВО. Ф. 475. Оп. 1. Д. 828. Л. 1 – 11 (формулярный список).

¹⁶ Пахолков Христофор Иванович (1848 – 1918) – общественный деятель, педагог, автор многих учебников для училищ, хрестоматий для учителей.

¹⁷ Шаламов Тихон Николаевич (1868 – 1933) – протоиерей, отец писателя Варлама Шаламова. До 1904 г. служил в Северо-Американской епархии, а после возвращения на Родину – в Вологде, при Вознесенской церкви.

¹⁸ Шидловский Александр Федорович (1863 – 1942) – вятский и олонецкий вице-губернатор, архангельский губернатор. Основатель Архангельского (с 1908 г.) и Олонецкого (с 1913 г.) краеведческих обществ. О нем см.: Государственный архив Архангельской области (ГАОО). Ф. 4. Оп. 45. Д. 2471. Л. 5 – 13 об., 23 – 34; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 874. Оп. 1. Т. 63. Л. 188; Т. 67. Л. 108; Т. 75. Л. 148; Оп. 2. Т. 79. Л. 146 – 146 об.; Ф. 585. Оп. 1. Д. 4635. Л. 1 – 15; Ф. 533. Д. 282. Л. 1 – 2.

¹⁹ Среди названных имен наряду со знаменитыми учеными, общественными деятелями встречаются малоизвестные исследователи, краеведы. Поиск сведений об этих людях нами продолжается, а его расширение и успех зависят от привлечения дополнительных архивных и других источников. Поэтому в комментариях не указаны сведения, которые можно обнаружить в уже известных изданиях, публикациях и т. д.

²⁰ *Орешина М.А.* Из истории научно-краеведческих обществ Европейского Севера России // Вестник архивиста. 2000. № 5 – 6. С. 151 – 158; 2001. № 2. С. 275 – 282; *Она же.* Русский Север начала XX века и научно-краеведческие общества региона. М., 2003.

²¹ *Орешина М.А.* Историки-архивисты Русского Севера // Вестник архивиста. 2000. № 2. С. 207 – 217.

²² См., напр.: К 200-летию юбилею Полтавской битвы над шведами. Петр Великий на Севере: Сборник статей и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере, с приложением указателя литературы о деятельности Петра I на Севере и описи старых дел с 1710 по 1725 г. Архангельск, 1909; *Докучаев-Басков К.А.* Об архивах // Известия АОИРС. 1910. № 23. С. 31 – 47; *Огородников С.* Александр Иванович Фомин (по неизданному документу) // Там же. 1910. № 3. С. 18 – 29; *Изюмов А.* Некоторые данные к вопросу о пребывании Петра Великого в Архангельске в 1693 году // Там же. 1911. № 10; *Мелетиев В.* О невзвании в старину проезжих пошлин с товаров, привозимых из Поморья // Там же. 1911. № 3. С. 213 –

217; Земельные угодья Выгорецкого общеземельства 30-х гг. XIX века (по документам архива Олонецкого губернского правления) // Известия ОИОГ. 1914. Т. 3 – 4. № 4. С. 190 – 197; *Правдин М. А. П.* Воронов – архивист Олонецкого края // Там же. 1914. Т. 4. № 6 – 7. С. 116 – 126; *Веберман Э.* Торговля, судоходство и таможенные сборы Архангельского порта 1792 – 1793 гг.: Торгово-статистический очерк (по неизданной рукописи Московского Румянцевского музея) // Там же. 1915. Т. 5. № 1. С. 21 – 63; Народное образование в Олонецкой губернии в начале прошлого столетия (по архиву Санкт-Петербургского университета) // Там же. 1916. Т. 8. № 5 – 8; и др.

²³ Работы архивно-исторической комиссии // Вологодский листок. 1912. 12 июня. № 404. С. 2.

²⁴ Заседание комиссии по изысканию исторических сведений о событиях 1612 – 1613 и 1812 годов // Северное время. 1912. 20 апреля. № 33. С. 4.

²⁵ ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 28. Л. 9 – 9 об. В данном случае мы фрагментарно процитировали письмо на имя председателя историко-археологической комиссии А.Н. Прибыткова от 17 июля 1916 г.

²⁶ Письмо последовало из канцелярии вологодского губернатора 7 августа 1912 г. в адрес заведующего музеем «Северного края» в г. Вологде. ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 19. Л. 79.

²⁷ Там же. Д. 28. Л. 18.

²⁸ Подпись в конце этого письма неразборчива. Однако по смежным в деле документам с полной уверенностью можно говорить о том, что оно принадлежало Н.Ф. Маркову. Адресат письма – Семен Алексеевич Лосев, директор народных училищ Вологодской губернии, один из членов ВОИСК (Там же. Л. 11).

²⁹ Вопрос о доступе в «архивную кладовую» того или иного учреждения, являлось ли оно государственным, губернским, городским, церковным, в начале XX в. оставался неурегулированным. Доступ в «архивные дворцы», представлявшие собой ведомственные архивы, был ограничен. Среди просмотренных нами архивных дел имеется любопытный фрагмент протокола заседания историко-археологической комиссии ВОИСК от 24 января 1917 г., относящийся к выяснению существовавших тогда правил доступа к документам. Так, в пункте 3 сформулировано прошение

правления ВОИСК «войти в сношения с учреждениями, где имеются документы эпохи о выдаче разрешений на право беспрепятственного пользования документами» (Там же. Л. 55). В письме-ответе из Вологодского губернского правления читаем: «Разрешить просмотр всех дел в архиве губернского правление не находит удобным» (Там же. Л. 15 об.)

³⁰ О ходатайстве ВОИСК по вопросу работы членов особой комиссии с документами губернского архива см.: Там же. Л. 13.

³¹ Там же. Л. 13 об.

³² Там же. Л. 22. Ответ В.И. Сокальского на запрос правления ВОИСК был сделан на имя председателя общества А.А. Можайского от 21 мая 1912 г. См. также письмо В.И. Сокальского А.А. Можайскому от 28 июня 1912 г. (Там же. Л. 24, 29).

³³ Ответ из Вологодского городского общественного управления на запрос ВОИСК от 8 мая 1912 г. пришел 16 мая 1912 г. (Там же. Л. 23).

³⁴ На запрос ВОИСК от 17 апреля 1912 г. от Вологодской духовной консистории пришел положительный ответ (письмо от 19 мая 1912 г.) (Там же. Л. 25 – 25 об.).

³⁵ 8 мая 1912 г. правлением ВОИСК был сделан запрос в Вологодскую казенную палату. Положительный ответ пришел 24 мая 1912 г. (Там же. Л. 26).

³⁶ Там же. Л. 18, 52 об.

³⁷ Подробнее см.: Выписка из журнала общего собрания членов ВОИСК от 15 апреля 1912 г. (Там же. Л. 12 об.).

³⁸ Там же. Л. 18. Журнал заседания исторической комиссии от 18 апреля 1912 г.

³⁹ Там же. Л. 51. Журнал собрания историко-археологической комиссии от 10 мая 1916 г.

⁴⁰ Там же. Л. 39. В архиве ВОИСК сохранилось письмо секретаря правления общества С.С. Перова к К.И. Беляеву от 10 марта 1915 г. с просьбой до официального избрания секретаря историко-археологической комиссии исполнять его обязанности. Беляев приступил к выполнению своих обязанностей с конца марта 1913 г. после состоявшегося 20 марта 1913 г. заседания историко-археологической комиссии.

⁴¹ Протокол заседания комитета Тотемского отделения ВОИСК от 28 сентября 1916 г. (Там же. Д. 9. Л. 20).

⁴² Сохранилось адресованное И.Н. Суворову письмо от 17 апреля 1912 г. с приглашением его участвовать в составлении плана работ особой комиссии для исторических изысканий. Подробнее см.: Ф. 652. Оп. 1. Д. 28. Л. 14 – 14 об. В письме И.Н. Суворова от 21 апреля 1912 г. сообщается о его согласии способствовать архивным начинаниям ВОИСК и предлагается включить в «историческую комиссию» «любителя исторических изысканий и работ» Василия Константиновича Лебедева, а также Сергея Ковалева (Там же. Ф. 652. Оп. 1. Д. 28. Л. 21).

⁴³ Там же. Л. 30.

⁴⁴ Там же. Л. 37.

⁴⁵ В обществе изучения Северного края // Вологодский листок. 1916. 21 июля. № 1039. С. 2.

⁴⁶ Трапезников Владимир Николаевич (1874 – 1937) – выпускник Казанского университета. За участие в социал-демократическом движении неоднократно находился в ссылке. Проживал в Вологде, Москве, Архангельске, Перми, уроженцем которой он был. Юрист, краевед, историк, этнограф, член ВОИСК и председатель редакционной комиссии «Известий ВОИСК» (ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 2198, 5447, 5524, 5567. Оп. 5. Д. 98; Ф. 4389. Оп. 1. Д. 62. Л. 11 – 12; Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Сектор письменных источников. Ф. 157. Оп. 1. Д. 2, 3).

⁴⁷ Страхов Владимир Михайлович – вологодский губернатор с 1916 г.

⁴⁸ ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 19. Л. 84 – 85 об. (Переписка о составе музейно-библиотечной комиссии и о делопроизводстве этой комиссии). В архивном фонде ВОИСК машинописный текст доклада сохранился лишь фрагментарно, без окончания и сведений, указывающих его авторство. Однако авторская принадлежность не подлежит сомнению. По другим источникам, как архивным, так и по материалам местной периодики, этот доклад был сделан В.Н. Трапезниковым в начале сентября 1916 г.

⁴⁹ Там же. Д. 97. Л. 8 – 8 об.

⁵⁰ *Ненец А.* Ученая архивная комиссия в Вологде // Вологодский листок. 1916. 4 сентября. № 1058. С. 3; Собрание общества изучения Северного края // Там же. 6 сентября. № 1059. С. 3.

⁵¹ Лукомский Георгий Крескентьевич (1884 – 1952) – архитектор, художник-график, историк искусства, автор серии книг,

посвященных архитектурным памятникам старинных русских городов, в том числе и Вологды. Член СКЛИИ. Читал лекции в СКЛИИ в 1913 г., членами которого были А.А. Борисов, А.А. Киселев, И.Е. Репин, Е.Е. Лансере и другие художники, критики, искусствоведы. В состав СКЛИИ входили также и члены ВОИСК С.С. Перов, К.И. Беляев.

⁵² ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 97. Л. 8 об.

⁵³ Там же. Л. 8 об.

⁵⁴ Северный кружок любителей изящных искусств // Временник. Вологда, 1916. Вып. 1. С. 118.

⁵⁵ Об этой находке свидетельствует письмо городского головы с благодарностью от ВОИСК, датированное 7 ноября 1911 г. ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 19. Л. 70.

⁵⁶ Дилакторский Прокопий Александрович (1862 – 1910) – библиограф Северного края, служащий Кадниковской уездной земской управы, автор литературно-научного сборника «Володжанин», библиографического справочника «Опыт указателя литературы по Северному краю с 1766 до 1904 г.», а также множества статей в столичных и местных изданиях; сотрудник «Исторического вестника», «Санкт-Петербургских ведомостей», «Этнографического обозрения»; один из инициаторов создания церковно-исторического музея в Вологде, а также Вологодского краеведческого общества (ВОИСК); владелец большой личной библиотеки. Член ВОИСК и Русского библиологического общества в С.-Петербурге. Его письма многим известным общественным деятелям хранятся в разных архивных собраниях, в частности: редактору «Исторического вестника» С.Н. Шубинску – в ОР РНБ в фонде журнала (Ф. 874. Т. 57. Л. 193 – 193 об.; Т. 60. Л. 233 – 234; Т. 72. Л. 195 – 195 об.; Т. 76. Л. 217 – 218; Т. 80. Л. 207 – 208; Т. 88. Л. 260 – 261; Т. 100. Л. 188 – 194; Т. 105. Л. 11 – 13; Т. 109. Л. 13 – 13 об.; Т. 121. Л. 12, 13); А.А. Шахматову – в С.-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 134. Оп. 3. Д. 463 – 465) (частично опубликована). См.: Письма П.А. Дилакторского к А.А. Шахматову // Вологда: Краевед. альм. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 643 – 679; письма редактору пестербургской общественно-политической и литературной газеты «Слово» П.В. Быкову – в ОР РНБ. Ф. 118. № 369. Л. 1 – 2; литературоведу академику А.Н. Пыпицу – Там же. Ф. 621. № 274. Л. 1 – 4 об.; художни-

ку-экслюзивисту У.Г. Иваску – в Российской государственной библиотеке (ОР РГБ). Ф. 783. К. 5. Д. 65 (частично опубликована). См.: Письма П.А. Дилакторского У.Г. Иваску // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века: Сб. науч. тр. РНБ. Вып. 9. СПб., 1998. С. 155 – 166. Официальная переписка находится в ОР РНБ (Ф. 621), в ИРЛИ (Ф. 155), в РГИА (Ф. 776). В ГАВО хранится несколько писем, имеющих отношение к истории приобретения рукописного наследия П.А. Дилакторского и посмертного издания его трудов (Ф. 652. Оп. 1. Д. 3. Л. 4 об. – 5; 8 – 8 об.; Д. 16. Л. 46 – 46 об., 49, 50; Д. 19. Л. 18, 49, 117 – 121). О покупке рукописного наследия П.А. Дилакторского см.: *Орешина М.А.* Первый библиограф Северного края: П.А. Дилакторский // Библиография. 2004. № 1. С. 80 – 86.

⁵⁷ В фонде ВОИСК сохранились рукописи отдельных статей П.А. Дилакторского, которые, как правило, готовились для столичных периодических изданий и были почти все гонорарными. Во время работы над ними автор проживал в С.-Петербурге. Это – юбилейные статьи, некрологи, рецензии на книжные новинки: «Памяти труженика печати» – о В.Р. Зотове (1896 – 1906); «Библиотека А.С. Пушкина» – о книге Модзалевского «Библиотека А.С. Пушкина» 1910 г. издания; «В.И. Туманцев (К 50-летию со дня смерти)»; «Княгиня Е.Р. Дашкова (К столетию со дня ее смерти)»; «И.И. Дмитриев (К 150-летию со дня рождения)»; «Памяти С.Т. Аксакова (По поводу пятидесятилетия со дня смерти)»; «Князь Д.П. Голицын (К дню тридцатилетнего юбилея литературной деятельности)»; «Иван Егорович Забелин (Некролог)» и др. Подробнее см.: ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 53. Л. 1 – 35.

⁵⁸ Шустиков Андрей Алексеевич (1859 – 1927) – выходец из крестьянского сословия, крупный ученый-этнограф, член Русского географического общества (РГО), сотрудник Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, член ВОИСК. Служил в Вологодском губернском и Кадниковском уездном земствах, в Вологодской губернской думе. Награжден РГО серебряной медалью за очерк «Троищина» (1892). В 1901 г. получил свидетельство на право ношения серебряного нагрудного знака от Министерства земле-

делия и государственных имуществ. Награжден медалью в память 300-летнего юбилея Дома Романовых. Неоднократно избирался гласным Вологодской городской думы, Кадниковского уездного земского собрания, был членом Вологодского лесоохранительного комитета (1905 – 1910), Кадниковского уездного податного присутствия. Сотрудник Императорской Академии наук по составлению словаря русского языка. С 1913 г. – действительный член РГО; в 1914 г. награжден РГО золотой медалью за труды по этнографии Северного края (ГАВО. Ф. 475. Оп. 1. Д. 1281; Ф. 4389. Оп. 1. Д. 62. Л. 179, 180). Письма А.А. Шустикова и его автобиография «Моя жизнь» хранятся в ГАВО (См.: Там же. Л. 182, 188 – 188 об., 190 – 191 об.; 194 – 197 об.).

⁵⁹ Сказки Вологодской губернии с краткой вступительной статьей А.А. Шустикова «О сказках и сказочниках», «Словарь к сказкам», «Свадьба в Ухтомской волости Кадниковского уезда», «Песни Вологодской губернии», «Пословицы и поговорки», «Загадки», «Небылицы» (Там же. Ф. 652. Оп. 1. Д. 17. Л. 1).

⁶⁰ Протокол заседания историко-археологической комиссии Вологодского общества изучения Северного края от 13 июня 1916 г. (Там же. Д. 28. Л. 53).

⁶¹ В акте, составленном 6 февраля 1913 г. с целью разбора документов, связанных с деятельностью музея ВОИСК, значатся 19 рукописей Мерцалова (ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 19. Л. 103). Мерцалов Алексей Евграфович (1847 – 1906) – краевед, этнограф и археограф, владелец значительной коллекции древних документов, автор более 40 работ по истории края. Впервые архив Мерцалова стал описываться членом ВОИСК И.Н. Суворовым, хранителем Вологодского древлехранилища, основанного его отцом Н.И. Суворовым. О А.Е. Мерцалове см.: *Андреевский Л.И.* Историк А.Е. Мерцалов // Север. Вып. 2. Вологда, 1923; *Он же.* Историк А.Е. Мерцалов. Вологда, 1923.

⁶² П.А. Дилакторский передал ВОИСК 26 книг, «относящихся до истории, изучения природы и населения Вологодской губернии». См.: Протокол заседания совета Вологодского отделения Ярославского естественно-исторического общества от 24 марта 1903 г. (ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 2. Л. 4).

Е.В. Старостин

Тайнопись (что полезно знать архивисту)*

Архивисты нередко сталкиваются в работе с криптографическими текстами, выполненными посредством условного измененного письма, понятного лишь посвященным¹. Они образуют особую разновидность письменных источников, генетически связанных с тем или иным их видом: делопроизводственными, эпистолярными, мемуарными и др.

Несмотря на неоднократное обращение историков и архивистов к проблемам тайнописи², эта тема в теории и методике архивоведения остается открытой. Криптографические документы чрезвычайно сложны для архивоведческого и источниковедческого анализа, поскольку требуют глубоких и всесторонних знаний по истории, вспомогательным историческим дисциплинам, лингвистике, филологии, информатике, криминалистике, психологии, математике и др. Не случайно авторы фундаментального труда по источниковедению³ не уделили им ни одной страницы. Отсутствуют сведения по этой проблеме и у теоретиков и практиков архивоведения⁴. Лишь криминалисты, проводя, главным образом, в служебных целях исследования различных типов тайнописи, разработали подробную методику расшифровки и дешифровки письменных текстов, но она недоступна широкому кругу специалистов. Между тем этот особый источник (зашифрованные письма, депеши, послания, планы, отчеты, воспоминания и т. п.) имеет исключительное значение с точки зрения содержащейся в нем информации. Одно лишь то, что из зашифрованных текстов можно получить сведения, не предназначавшиеся по тем или иным причинам для обнародования, значительно увеличивает их источниковую ценность.

Этот метод кодирования информации мог применяться в различных сферах общественной жизни. Прежде всего стоит выделить государственную деятельность: внешнеполитическую, военную, внешней и внутренней безопасности и другую, в рамках которой спецотделы широко использовали средства тайнописи. Данная разновидность источника редко сохранялась для будущих поколений. Как правило, документы, выполненные посредством тайнописи, по достижении результата и истечении установленного должностными инструкциями срока уничтожались, а шифры заменялись другими. Достаточно широко тайнописью пользовались представители различных оппозиционных общественных движений: от раскольников, религиозных сектантов, масонов до радикальных борцов против существующего строя. Революционные демократы, народники, эсеры, меньшевики, большевики и анархисты уделяли серьезное внимание конспирации. По причине внезапных арестов, проверок в руки государственных органов попадало определенное количество криптографических текстов в отобранных записных книжках, письмах, дневниках. Эти сведения дополняли следственные материалы.

* В основе статьи – доклад на научной конференции «Народ и власть: исторические источники и методы исследования» (Историко-архивный институт РГГУ. 30 – 31 января 2004 г.). См.: Народ и власть: исторические источники и методы исследования. М., 2004. С. 36 – 43.

Довольно часто сообщали секретные шифры провокаторы, которые в изобилии имелись в каждом общественном объединении (движении, партии, революционных кружках). Не надо сбрасывать со счетов и уголовный элемент, создавший целую систему изменения письма и даже особую азбуку.

История тайнописи уходит вглубь веков. Выскажем предположение, что желание скрыть содержание документа (послания, договора) было одной из причин создания письменности, которая в силу своей сложности предназначалась сначала для узкого круга доверенных лиц. В Древнем Египте перевод устной речи в письменную приобретал магический смысл, и тексты, написанные иероглифическим письмом, считались священными. Многие письменные памятники эпохи «глиняных архивов» до сих пор не прочитаны, так как ученые не обнаружили ключей для дешифровки. Древние авторы в рассказах о деяниях спартанского полководца Лисандра описывали применявшийся им цифровой аппарат по дешифровке. «Считала» – под таким названием этот простейший, но хитроумный прибор, представлявший собой два одинаковых цилиндра, вошел в историю. Когда на «мудреный» текст не хватало времени, древние греки писали на деревянной дощечке, которую затем покрывали зеленым воском, а уже на нем – любой текст, не привлекавший внимание. Первыми применили систему шифрования, базирующуюся на замене букв цифрами, если верить Суэтону⁵ (Suetone), римляне. Юлий Цезарь изложил изобретенный им способ шифрования в своих «Записках о галльской войне». О секретных депешах упоминает Тит Ливий в сочинении «История Рима от основания города»; с правилами составления секретного письма знакомит Полибий⁶. В восточных сказках «Тысячи и одной ночи» подчеркивалась важность владения тайнописью. Особенно любили прибегать к ней средневековые писцы, образцы творчества которых можно обнаружить в национальных архивах и библиотеках стран Западной Европы. В период Ренессанса и в последующее время разработана более или менее законченная система шифровки и дешифровки текстов. Изданы пособия, учебники, а со второй половины XIX в. во многих военных учебных заведениях введены специальные курсы по тайнописи⁷.

В Киевской Руси тайнопись появилась одновременно с письменностью. Одно время для тайной переписки использовали глаголицу. Ряд ученых, начиная с Е.Ф. Карского, А.Ф. Вишняковой, М.Шангина⁸, справедливо и обоснованно полагают, что глаголица, составленная на основе каббалистических знаков, представляла один из видов магического письма. Из русской церковной истории хорошо известен так называемый «тарабарский язык», длительное время употреблявшийся раскольниками и усовершенствованный ими впоследствии. Отдельные его разновидности встречаются даже в наше время. В древнерусском языке для обозначения тайного письма существовали особые термины: «хвиоть» или «фиоть» (цифровая система), «еффа-та» (применительно к акростику). На внутренней стороне переплетов, в конце или в начале рукописей писцы часто маскировали тайными знаками свое имя. М.Н. Сперанский, сделавший немало для нашей профессии, в своем труде «Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма» проанализировал становление русской тайнописи. Его исследование дополняет ранее изданную монографию «Дипломатическая тайнопись времен царя Алексея Михайловича», принадлежащую перу известного историка и архивиста А.Н. Попова.

Архив внешней политики Российской империи буквально напичкан «цифирной азбукой»⁹ эпохи Петра Первого и его последователей. В недрах правительственного аппарата тогда зародилась криптографическая служба, ничуть не уступавшая аналогичным службам стран Западной Европы. В царской охране работали блестящие специалисты, и частые провалы революционеров были делом их рук¹⁰. Много потрудились над созданием законспирированной системы переписки революционеры, от декабристов до большевиков. Особого мастерства добились меньшевики, создавшие чуть ли не профессиональную криптографическую службу, над расшифровкой текстов которых ломали головы как царские, так и советские криптографы. Активно работала мысль в этом направлении у русских военнопленных, оказавшихся в нацистских и других тюрьмах и лагерях. Кодирование информации в компьютерах тоже можно отнести к природе этого явления. Словом, оно применяется, как только возникает потребность использовать тайное письмо.

Занимаясь историей социальных движений, автор хотел подробнее остановиться на «шифрах подполья», поскольку, за исключением небольшой главы в книге Т.А. Соболевой «История шифровального дела в России», обобщающие работы по данной теме найти трудно.

В практике «ручного шифрования» (Cryptographie manuel) известны два основных метода. Первый состоит в перемещении букв, слов в тексте, т. е. в изменении их порядка при написании, при этом сами буквы не подвергаются никаким изменениям. Он вошел в историю криптографии как «метод транспозиции» (перестановки). Второй – «метод замены» букв, слов условными знаками с сохранением первоначального порядка написания. Порядок букв остается прежним, но они заменяются условными знаками (другими буквами, цифрами, символами). В истории русской тайнописи этот метод получил большую известность.

Классический пример применения метода транспозиции – берестяная грамота, обнаруженная на Неревском раскопе в 1952 г. На ней нацарапаны две строчки, к сожалению, с несохранившейся правой частью текста:

«НВЖПСНДМКЗАТСЦТ

ЕЕЯИАЕУАААХОЕИА...»

На первый взгляд – абсолютная бессмыслица. Но при чтении по вертикали получается связная, хотя и неоконченная фраза: «невежа писа, недума каза, а хто се цита...» Конец предложения каждый домысливает сам. К методу транспозиции можно отнести также способы написания слов в обратном порядке или в зеркальном отражении.

Ярким образцом второго метода ручного шифрования является «Пермская азбука», изобретенная Стефаном Пермским в XIV в.¹¹ Знаменитая азбука декабриста Бестужева (принципы составления которой были позаимствованы у Полибия) исправно послужила не одному поколению заключенных в царских тюрьмах при перестукивании. Метод был на удивление прост: алфавит делился на шесть рядов, каждый из которых состоял из пяти букв. Соответственно нужная буква имела свой ряд и номер в ряду¹². Во второй половине XIX в. этот метод шифровки, но уже с помощью текста книги («книжный шифр»), получил широкое распространение. Прием очень эффективен и труднодоступен для расшифровки. Им пользовались многие революционеры: народники, социал-демократы – выходцы в боль-

шинстве своем из привилегированных сословий, начитанные и культурные, знавшие наизусть литературные произведения. Меньшевики в 1920-е гг., например, широко использовали стихотворения М.Ю. Лермонтова «Дума», «Три пальмы» и «Воздушный корабль». При отсутствии ключа расшифровать текст послания было практически невозможно. Тем более что посылавший криптограмму, как правило, усложнял задачу для жандармов: сменой шифра, вводом в первый столбец ключевого слова (так называемого «лозунга»), началом прочтения, например, не с первой страницы, а с третьей, четвертой, пятой и других, исключением из текста твердых или мягких знаков. Зашифрованная буква обозначалась дробью, где числителем служил номер строки, знаменателем – место в ней буквы. Разными путями жандармы получали ключи от применявшихся шифров, иногда им помогали сами революционеры, обнаруживая их. Книга П.И. Розенталя «Шифрованное письмо»¹³, опубликованная накануне Первой русской революции в целях «криптографического образования революционеров», помогла жандармским дешифровщикам эффективнее прочитывать революционную переписку.

Автору статьи в аспирантские годы удалось расшифровать окончание народнической «Программы революционной пропаганды», составленной и отправленной Александром Кропоткиным (братом Петра Кропоткина) за границу своему другу и учителю П.Л. Лаврову в журнал «Вперед». Тогда в свет она так и не вышла. Вполне возможно, что письмо до адресата не дошло, а было перехвачено жандармами и вместе с программой послужило важной уликой на готовившемся над П.А. Кропоткиным суде, который должен был состояться в 1878 г. («Процесс 193-х»). В цифровом отделе Третьего отделения е.и.в. канцелярии так и не смогли прочитать сохранившийся шифр: 8/6 7/6 5/12 1/12 9/12 1/12 2/6 3/6 6/6 2/1 8/3 1/15 10/11 4/2... 11/4 6/2 16/1 2/6 6/9 2/11 1/14 1/8. 1/28 1/6 1/1 2/2. 4/3 1/1 3/3... 1/5 2/1 5/5 6/5 1/4 2/2 3/2 1/10. 1/8 2/8. 1/7 3/15 5/9 6/9 5/9. (Разделительные знаки проставлены Кропоткиным.) Не расшифровали его и последующие исследователи, так как не знали ключа¹⁴. Кропоткин, полагая, что его письма за границу будут читаться в царской охранке, оставил, уезжая из Цюриха, своему духовному наставнику и учителю в качестве ключа монолог Татьяны из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: «Довольно, встаньте. Я должна Вам объясниться откровенно...»¹⁵ С его помощью окончание «Программы...» читается так: «Кроме того, непрактично задевать царя. Надо всячески обходить этот вопрос, обрушиваясь всею тяжестью на правительство и господ – слова, которые по всей Руси каждому известны. Можно задевать царя только в тех единственных случаях, когда ход беседы неожиданно приводит к необходимости или выгородить его (и, следовательно, косвенно восхвалить), или отнести и его к той же ШАЙКЕ КРОВОПИ[Й]Ц (расшифрованные слова выделены нами. – Е.С.) народных, но и тогда весьма полезна сдержанность. Вредного в таком неупоминании о царе нет ровно ничего. Слети только правительство и господа, и царь сам УБЕРЕТСЯ ТУДА, ГДЕ ЕГО и с СОБАКАМИ НЕ СЫЩЕШ[Ь]». Во втором слове Александр пропустил «й». Последние два слова расшифровываются как «он сышеш». Взяв первую и вторую буквы в восьмой строчке: «Онегин, я тогда моложе...», Александр ошибся (шифровал по памяти) и, конечно, он имел в виду вторую и третью – «не». Отсутствие в названном монологе «щ» вынудило его употребить «ш». В конце слова он опустил «ь».

Проверить правильность прочтения можно только по изданию «Евгения Онегина» середины XIX в.¹⁶

Модификация этой системы активно использовалась членами кружка «чайковцев» в 1870-х гг. Например, для шифровки необходимо было запомнить, не записывая, 10 слов:

Пустынной Волги берега
Чернеют серых юрт рядами
Железный финогеша Щебальский...

Эти перефразированные строки взяты из стихотворения Рыльева: «Пустынной Лены берега чернеют темных юрт рядами...» «Каждая буква, – как впоследствии вспоминал П. Кропоткин, – обозначалась словом и местом буквы в слове. П было 11, У было 12, С было 13 или 51, или 07 (10 слово, 7 буква). Буквы, часто встречающиеся, как Е или А, обозначались, как видно, разное: 32, 34, 42, 72, 86 или 02 для Е и 36, 74, 88, 04 для А». Чтобы запутать дешифровку, текст писали сплошь, вставляя время от времени ненужные пары, как 26, 27, 28, 29, 20 и т. п. Не зная ключа, прочитать этот текст тогда было невозможно¹⁷.

Тайнопись в системе архивоведческого знания занимает особое место. Общеизвестно, что зашифрованные бумаги государственных учреждений составляли ничтожную часть от общего объема поступавших на хранение дел, поскольку они обычно уничтожались. Документы, появившиеся в сфере так называемой «бытовой тайнописи», по терминологии В.П. Козлова¹⁸, наоборот, тщательно сохранялись в архивах карательных учреждений. Источники их поступления были разные. Большой объем эпистолярной тайнописи в полицейские учреждения попадал из почтового ведомства, которое занималось перлюстрацией переписки подданных Российской империи. В архиве Третьего отделения е.и.в. канцелярии сохранился значительный комплекс таких писем, полученных от Петербургского почтамта в 1860-е гг.¹⁹ Не меньше их поступало в результате арестов, обысков квартир.

В типологии информации, передаваемой с помощью тайнописи, можно выделить следующие направления: оппозиционное, представленное участниками всего спектра антимонархического движения, религиозное – от ортодоксального православия до различных сектантских групп, масонов, зарождавшееся экономическое и, наконец, бытовое (в узком смысле) – любовные письма, записки, дневниковые записи, обращенные к будущим потомкам послания и т. п.

Архивист ни в коем случае не должен из этой разновидности источников формировать самостоятельные коллекции, свято соблюдая принцип недробности архивного фонда. Его обязанность – правильно указать дату (иногда специально искаженную), верно атрибутировать источник, определить место его написания, в аннотации сообщить метод дешифровки текста или его части. Оставив в стороне документы, с которых еще не снят гриф секретности, и обратимся к тем, которые уже давно лежат в исторических хранилищах. Известно, что в архивах Третьего отделения е.и.в. канцелярии, Департамента полиции, судебных органов царской России (а также за рубежом – в Гуверовском, Бахметьевском и других архивохранилищах США) находится множество непрочитанных документов: зашифрованные записки, записные книжки, многочисленная корреспонденция революционеров всех направлений, от народников и анархистов до большевиков.

Между тем отдельные издания исторических памятников содержат ошибки, вошедшие в археографическую традицию. Некоторые из них курьезны и вызваны отсутствием опыта работы с источниками. Так, записки тверского купца Афанасия Никитина «Хождение за три моря» заканчиваются словами: «Ги помози рабу своему». Сокращенное слово «Господи» с титлом издатели прочли как тюркское «гир». Л.В. Черепнин, М.Н. Тихомиров, А.А. Зимин, В.П. Любимов, С.О. Шмидт, В.П. Козлов, другие исследователи приводили в своих книгах десятки примеров подобных ошибок, возникших в результате неверного прочтения криптографических записей. Обратимся и мы к собственной исследовательской практике. В Библии в гл. 25 «Исход» Моисей получает указание от Господа: «Сделай ковчег из дерева ситтим: длина ему два локтя с половиной, и ширина ему полтора локтя, и высота ему полтора локтя; и обложи его чистым золотом, изнутри и снаружи покрой его; и сделай наверху вокруг него золотой венец (витый); и вылей для него четыре кольца золотых и утверди на четырех нижних углах его: два кольца на одной стороне его, два кольца на другой стороне его; сделай из дерева ситтим шести и обложи их (чистым) золотом; и вложи шести в кольца по сторонам ковчега, чтобы посредством их носить ковчег. И положи в ковчег Откровение, которое Я дам тебе»²⁰. Это место читали многие, но не обратили внимание на то, что одним из значений слова «ковчег» было «ларь», «сундук», в котором хранили и наиболее ценные документы. «Ларь Святой Троицы» представлял собой архив, находящийся в Пскове. Эти примеры, конечно, не из области «чистой» тайнописи. Опровергнуть методы дешифровки, представленные тем или иным ученым, столь же сложно, как и доказать их правильность. Трудно поверить израильскому математику доктору Элии Рипсе, заявившему, что ему удалось разгадать тайный код Библии²¹.

При криптоанализе зашифрованных текстов необходимо помнить о фрагментарности сохранившихся документов (большинство из них было уничтожено), об исключительной важности содержащейся в них информации, чья подлинность (или ложность) должна обязательно подтверждаться данными из других источников, о сложности определения авторства, даты и места составления документа, указания на которые из-за опасения перехвата сознательно опускались. И наконец, криптограмма, как никакой другой архивный документ, отражает уровень развития научно-технической и методической мысли, подтверждая этим тезис о культурной составляющей каждого памятника. При подготовке публикации документов тайнописи, во избежание снижения информативной значимости памятника, целесообразно издавать их в кругу других «родственных» источников, обязательно указывая метод дешифровки.

Следующие поколения, к сожалению, будут лишены значительного пласта источников, в настоящее время рождающихся и исчезающих в процессе вторжения новых компьютерных технологий в современную жизнь. Телефон, в XX в. называемый «вором истории», уже сейчас представляется детской игрушкой по сравнению с компьютером, которому доверили сохранение, обработку и использование большей части национальной документальной памяти. Рост числа криптографических источников в сравнении с общим объемом создаваемых документов свидетельствует о неблагополучии общества, и наоборот, сокращение сферы применения криптографии го-

ворит об ослаблении социальной и внешнеполитической напряженности. Однако человечество никогда не освободится от привычки засекречивания информации, предоставляя будущим исследователям определять ее мотивы. Для архивистов, претендующих называться докторами человеческой памяти, крайне важно, чтобы эта разновидность источников была принята, расшифрована, правильно описана и доступна пользователю²².

¹ Криптография (тайнопись) – это метод секретной передачи информации путем изменения письма. Узкое понимание термина значительно расширяется, если обратиться к другому его определению: криптография – это отрасль палеографии, изучающая графику систем тайнописи.

² *Попов А.Н.* Дипломатическая тайнопись времен царя Алексея Михайловича. СПб., 1853; *Лавровский П.А.* Старо-русское тайнописание // Древности. Труды Московского археологического общества. М., 1873. Т. 3; *Флейснер-фон-Востровиц Э.* Наставление к шифрованию и дешифрованию тайных писем. СПб., 1882; *Лихачев Н.П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Т. 1; *Осоргин М.А.* Охранное отделение и его секреты. М., 1917; *Щепкин В.Н.* Учебник русской палеографии. М., 1918; *Карский Е.Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928 (переизд. М., 1979); *Сперанский М.Н.* Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма // Энциклопедия славянской филологии. Л., 1929. Вып. 3 – 4; *Подъяпольская Е.П.* Шифрованная переписка России в первой четверти XVIII века // Проблемы источниковедения. М., 1959. Т. 8; *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 1962; *Энгватов Н.В.* Тайнопись князей Бярятинских и вопросы дешифровки древнерусских криптограмм // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1965. С. 221 – 233; *Старостин Е.В.* Александр Кропоткин и его «программа революционной пропаганды» // История СССР. 1972. № 1. С. 134 – 138; *Черняк Е.* Секретная дипломатия Великобритании. М., 1975; *Архипов А.А.* О происхождении древнеславянской тайнописи // Советское славноведение. 1980. № 6; *Перегудова З.И.* Важный источник по истории революционного движения // Исторический опыт Великого Октября. К 90-летию академика И.И. Минца. М., 1986; *Турилов А.А.* Малоизвестные системы восточнославянской книжной тайнописи // Археографический ежегодник за 1992 год.

М., 1994. С. 101 – 108; *Костомаров М.Н.* Криптография как средство защиты документной информации // Секретарское дело. М., 1997. № 3. С. 118 – 123; *Кан Д.* Взломщики кодов. М., 2000; *Павлов Д.Б.* «Мне хотелось бы ввести Вас в "интимную сторону" нашего партийного бытия». Письмо Б.С. Васильева П.Б. Аксельроду. 1921 г. // Исторический архив. 2000. № 4. С. 145 – 165; *Бабаш А.В., Шанкин Г.П.* История криптографии. М., 2002. Ч. 1; *Мухайлов А.Н. и др.* Реконструкция архива Бюро ЦК РСДРП 1922 – 1923 гг. // Исторический архив. 2003. № 6. С. 22 – 92; *Соболева Т.А.* История шифровального дела в России. М., 2002; *Miller A.* Les écritures secrètes. Paris, 1971 (имеется список зарубежной литературы по теме).

³ Источниковедение: Теория, история, метод. Источники российской истории: Учеб. пособие для гуманитарных специальностей. М., 1998.

⁴ Архивоведение: Учебник для нач. проф. образования: Учебное пособие для сред. проф. образования / *Алексеева Е.В., Афанасьева Л.П., Бурова Е.М.* М., 2002.

⁵ См.: *Muller A.* Ibid. P. 10.

⁶ *Полибий.* Всеобщая история в 40 книгах. СПб., 1995. Т. 2. С. 148 – 149.

⁷ *Alberti L.-B.* De componendis cifris. 1465; *Friderici J.* Cryptographia et geheime Schriftsmund und wirkliche Korrespondentz. Hamburg, 1684; *Solbriy D.* Allgemeine Schrift oder Art durch Ziffern zu Schreiben. Coburg, 1736; *Breithaupt,* Christian Disquisitio historica, critica, curiosa de variis modis occulte scribentis tam apud veteres quam recentiores usitatis. 1737; *Conradi D.A.* Cryptographia denudata, sive ars deciferandi quae occulta scripta sunt in quocunq; linguarum genere. Leyde, 1739; *Le Mang G.F.* Kunst der Geheim. Schreiberei oder deutliche Anweisung zu einer geheimen. Korrespondenz. Leipzig, 1797; *Vesin de Romanini.* La cryptographie dévoillée. Paris, 1857; *Kerchoffs.* La cryptographie militaire. Paris, 1883; *Delastelle.* Cryptographie universelle. Paris, 1893; *Hermann.* Method pour chiffrer et dechiffrer les écriture secrètes. Paris, 1893; *Deltheil.*

Cryptographie sans instruments. Paris, 1896; *Valerio*. De la cryptographie. Paris, 1896; *Bazeries*. Les chiffres secrets dévoilés. Paris, 1901; *Volts J.D.* Bibliography of cryptography. Cincinnati, 1938; *Galland J.S.* Unhistorical and Analytical Bibliography of the literature of Cryptology. Evanston, 1945; *Kahn D.* The code breakers. N.-Y., 1968; *Chulman D.* An Annotated Bibliography of Cryptography. N.-Y.; London, 1976.

⁸ См. напр.: *Карский Е.Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928.

⁹ АВПРИ. Ф. «Цифирный отдел»; Ф. «Шифровальный отдел» и др.

¹⁰ *Осоргин М.А.* Указ. соч.; В ГАРФ шифрованные и дешифрованные записки, письма, послания можно встретить чуть ли не в каждом крупном деле. См.: Ф. 112. Оп. 1. Д. 157, 209, 219; Оп. 2. Д. 458, 611 а, 844, 885 и др.

¹¹ Подробнее см.: *Лыткин В.И.* Древнепермский язык. М., 1952; БСЭ. 2-е изд. М., 1956. Т. 41. С. 525 – 526; *Белякова Е.В.* Стефан, Епископ Пермский // Страницы. 1996. № 2. С. 75 – 86; *Чернякова И.А.* Ра-

бочая тетрадь по курсу палеографии. Петрозаводск, 2003. С. 16.

¹² *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1966. С. 325.

¹³ *Бундовец [Розенталь П.И.]*. Шифрованное письмо. Женева, 1904.

¹⁴ Народническая экономическая литература. Избр. произв. М., 1958. С. 655.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 244. Л. 46.

¹⁶ Подробнее см.: *Старостин Е.В.* Указ. соч.

¹⁷ *Кропоткин П.А.* Указ. соч. С. 329 – 330.

¹⁸ *Козлов В.П.* Тайны фальсификации. М., 1996.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 149. Д. 170.

²⁰ Библия. 12-е изд. Пг., 1916. С. 91.

²¹ Жизнь. 2003. 21 ноября. № 46 (259).

²² «История шифровального дела в России» Татьяны Соболевой может служить пособием для хранителей архивов, которые в своей повседневной работе сталкиваются с тайнописью. Но оно не охватывает всего опыта, накопленного отечественными исследователями и, к сожалению, распыленного по многочисленным публикациям.

В фондах российских архивов

А.В. Старцев

Записка полицейского исправника Е.Замятина как источник по истории русско-китайско-монгольских торговых отношений в середине XIX в.

В Центре хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФ АК) отложился представительный комплекс документов о становлении и развитии экономических связей Алтайского горного округа Томской губернии с Китаем и Монголией до 1917 г. Он включает делопроизводственные и статистические источники Онгудайской (с 1909 г. – Кош-Агачской) таможни, сведения о купцах, торговавших за границей, технико-экономические материалы обследования Чуйского торгового пути, по которому осуществлялся товарообмен, и т. п.

До недавнего времени эти документы не привлекали внимания исследователей и не были введены в научный оборот. В советской историографии господствовало мнение, что главным направлением российско-китайской и российско-монгольской торговли являлась Кяхта, расположенная на границе Забайкальской области и Северной Монголии. Между тем в литературе последних лет¹ появилась иная точка зрения: торговля, осуществлявшаяся через Алтайские горы по Чуйскому торговому пути, по своим объемам ненамного уступала кяхтинскому направлению и играла решающую роль для Северо-Западной Монголии – Кобдоского и Улясуйтайского округов. Торгово-экономические связи в этом регионе вызывали повышенный интерес центральной и местной администрации, предпринимателей, во-первых, как более короткий путь для движения чайных грузов из Китая, а во-вторых, как инструмент реализации политических интересов России в Центрально-Азиатском регионе².

Среди документов особое место занимает «Записка о торговле бийских купцов с китайцами и монгольцами на Кош-Агаче, в долине речки Чу» (1869 г.), хранящаяся в личном фонде известных алтайских краеведов С.И. и Н.С. Гуляевых³. Ее автор – бийский окружной полицейский исправник Е.Замятин являлся участником переговоров с китайской стороной по вопросам демаркации русско-китайской границы в 1860-х гг. и в силу своего служебного положения хорошо разбирался в вопросах состояния российско-китайско-монгольской торговли в Чуйской долине Горного Алтая⁴.

Текст написан чернилами разборчивым почерком на листах стандартного размера с обеих сторон. В левом углу каждого листа имеется овальной формы факсимильный оттиск изготовителя бумаги с надписью «№ 4 Уральской фабрики ЯТЕС и Ко». На л. 8 надпись: «Н.В. Сочинено бийским исправником Замятым в 1869 г.». Помимо основного текста в «Записке...» в нижней части некоторых страниц автором сделаны сноски. Они пронумерованы, всего их 11. На полях некоторых страниц карандашные пометки редакторского характера. Например, на л. 8, напротив фразы: «Торговые сношения бийских купцов с китайцами и монгольцами начались, по преданию, сохранившемуся между бийским купечеством, в первой половине прошедшего столетия» карандашом написано: «Это неверно. До 1761 г. там не было ни одного русского человека». На л. 17 об. подчеркнута фраза и стоит вопрос напротив предложения: «Кош-Агач находится от города Бийска по пути через село Онгудай на расстоянии только 473 1/2 версты, промеренных по извилистой конской тропе» и т. д.

Карандашные пометки, очевидно, принадлежат Степану Ивановичу Гуляеву (1805 – 1888), известному исследователю Алтая, историку, этнографу, фольклористу, изобретателю, который с 1859 г. служил в Алтайском горном правлении в должности советника отделения частных золотых промыслов. С.И. Гуляев был членом 11 научных обществ, в 1845 г. избран членом-корреспондентом Вольного экономического общества, являлся членом-сотрудником Русского Географического общества. Его перу принадлежит свыше 100 публикаций.

Вероятнее всего, Е.Замятин передал подготовленные им материалы С.И. Гуляеву для редактирования и последующей публикации. В результате «Записка...» с небольшими сокращениями была опубликована в «Памятной книжке» Томской губернии на 1871 г., которая в настоящее время является библиографической редкостью.

В «Записке...» отражены важные политические и экономические изменения, происходившие в середине XIX в. на Дальнем Востоке и в Центральной Азии, и масштабная экспансия в регион крупнейших капиталистических держав – Великобритании, Франции и США. По мнению исследователей, это знаменовало начало эпохи колониализма⁵.

Вследствие «опиумных войн» 1840 – 1842 и 1856 – 1860 гг. западным державам удалось навязать Китаю ряд неравноправных договоров и добиться крупных политических и экономических преимуществ. Получив возможность использовать китайские порты, великие державы были не прочь продвинуться на север, в район Амура. Последнее очень беспокоило Россию и вызывало серьезные опасения в сохранении территориальной целостности региона и его экономической независимости в силу оторванности Дальнего Востока, малочисленности населения и слабого хозяйственного развития, грозило подорвать многолетнюю русско-китайскую сухопутную торговлю. Данные обстоятельства заставили российскую дипломатию проявить активность и настойчивость в вопросе урегулирования отношений между Цинской империей и западными державами. В свою очередь пекинский двор был готов к сближению с Россией, рассматривая ее как противовес растущей экспансии Англии, Франции и США.

Результатом этой взаимной заинтересованности стало подписание между Россией и Китаем ряда договоров и соглашений: Кульджинского (1851 г.), Айгуньского и Тяньцзиньского (1858 г.), Пекинского (1860 г.), урегулировавших многие спорные пограничные вопросы и открывших хорошие возможности для развития торговли как с Китаем, так и с входившей в ее состав Монголией. Пекинский трактат и «Правила сухопутной торговли» 1862 и 1869 г. узаконили беспошлинную торговлю в пределах 100 китайских ли (50 верст) по обе стороны границы и разрешили русским купцам «торговать также беспошлинно по всей подчиненной Китаю Монголии»⁶. Это было крупным шагом вперед в развитии российско-китайских отношений, поскольку до подписания Пекинского договора торговля могла осуществляться только через Кяхту и Старый Цурухайтуй. Разумеется, имели место торговые контакты и в других местах, например в Чуйской долине Горного Алтая, но они, по сути дела, являлись контрабандой и, по выражению Е.Замятнина, существовали «как дело домашнее, до сего времени бывшее даже малоизвестным»⁷.

Однако развитие торговых связей тормозилось отсутствием достоверных сведений о рынках Монголии и Китая. Китайская администрация, в течение долгого времени проводившая политику самоизоляции, запрещала своим купцам сообщать российским контрагентам любую коммерческую информацию. В 1852 г. газета «Московские ведомости» опубликовала секретную инструкцию пекинских властей дзаргучею* кяхтинского Маймачена (торгового города), в которой предписывалось «жадности к покупке русских товаров не иметь и в торговле не показывать, хотя бы кому и настояла в том нужда». Инструкция также запрещала сообщать русским купцам сведения о ценах на рынках Китая, спросе на тот или иной товар и т. д. Нарушителей

* Дзаргучей – начальник пограничных служб и караулов, в обязанности которого входили наблюдение за порядком в городе и округе, а также регулирование пограничной торговли и инспектирование пограничных караулов.

ожидало суровое наказание: от 50 ударов бамбуковыми палками или заключение под стражу до полного запрещения вести торговлю в Кяхте⁸.

В этой связи в 60-х – начале 70-х гг. XIX в. шел процесс накопления сведений о Монголии и условиях торговли с ней. Данная информация вызвала большой интерес как в среде коммерсантов, так и в правительственных кругах. Министр иностранных дел А.М. Горчаков в письме к российскому поверенному в делах в Пекине Е.К. Бюцову отмечал: «Если нам удастся поставить эту торговлю в более выгодные условия и дать оной более широкие основания, то, без сомнения, она будет открывать себе новые пути и способы в этой до сих пор малодоступной для нас части Азии». Он подчеркивал, что развитие торговли даст основание правительству поставить вопрос об учреждении «в главных городах Западной Монголии и в особенности в Улясутае и Кобдо постоянных консульств», которые позволят следить за политическими делами в Западном Китае⁹.

Поэтому в первые годы после разрешения русским подданным въезда в пределы Цинской империи появились документы, в которых содержалось описание условий торговли в Монголии, состояния путей сообщения, конъюнктуры рынка, делались попытки оценить влияние международной торговли на экономику сибирских приграничных регионов¹⁰. К такого рода источникам относится и «Записка...» Е.Замятина.

История возникновения этого документа связана с работой комиссии по проведению границы. С китайской стороны в нее вошли кобдоский амбань* Куй-чан и илийский цзяньцзюнь** Жун-Цюан, с российской – консул в Кульдже К.И. Павлинов¹¹, помощник уполномоченного комиссара Генерального штаба капитан Муромцов и другие должностные лица. Е.Замятин представлял томскую губернскую администрацию. Вероятнее всего, появление этого документа инициировано генерал-губернатором Западной Сибири А.П. Хрущовым¹². В ответе на распоряжение министра финансов М.Х. Рейтерна¹³ «войти в ближайшее рассмотрение обстоятельств настоящего дела» он сообщал 22 марта 1869 г., что собирает сведения для составления записки о развитии торговли, «могущей впоследствии приобрести большое значение»¹⁴.

Е.Замятин подошел к написанию «Записки...» добросовестно. Им не только собраны сведения об объемах и ассортименте приграничной торговли в 60-х гг. XIX в., но и предпринята попытка проследить историю ее возникновения, относившуюся, по данным бийских старожилов, к первой половине XVIII столетия¹⁵. Родоначальниками торговли были бийский купец И.Хабаров¹⁶ и житель поселка Змеиногорского Токарев, установившие торговые контакты с так называемыми двоеданцами – алтайскими племенами, платившими ясак русскому царю и китайскому императору¹⁷. Выгодность торговли привлекла в Чуйскую долину других предпринимателей, подавляющее большинство которых являлось жителями г. Бийска и Бийского округа. В 1820 – 1830-х гг. купцы построили здесь несколько избышек для хранения товаров, положив начало поселку Кош-Агач¹⁸. При этом, по словам Замятина, «заграничная торговля на р. Чу возникла сама собой без вся-

* Амбань – титул одного из высших представителей цинской администрации в Монголии.

** Цзяньцзюнь – то же, военный губернатор.

кого участия правительства... все торговые сделки на Кош-Агаче производились на честное слово, без всяких формальных условий»¹⁹.

Во время пребывания в Кош-Агаче летом 1869 г. Е.Замятин насчитал 26 торговавших в Чуйской долине коммерсантов. В основном это были мелкие торговцы, среди которых только четверо имели оборот от 20 до 50 тыс. руб. Наиболее состоятельными, по его мнению, являлись купцы Герасим Иванов, Мефодий Гилев, Степан Мальцев, крестьяне Иван и Борис Ошлоковы и Алексей Соколов. Средний оборот торговли в 1866 – 1869 гг. оценивался в 300 тыс. руб., что, по представлению Замятина, не соответствовало имевшимся возможностям развития товарообмена на этом участке границы.

Во время встреч с членами китайской делегации он пытался выяснить причины невысокой активности китайских купцов в приграничной торговле, находивших место проведения ярмарки в Чуйской долине очень удобным. Неопределенность и уклончивость ответов китайцев навели на мысль, что «китайское пограничное начальство содержит монополию» на торговлю и не допускает своих купцов «входить в какие-либо непосредственные сношения с пограничными русскими купцами»²⁰. Это убеждение окрепло после того, как илийский цзяньцзюнь в разговоре с капитаном Муромцовым заявил, что «у него есть много в запасе байхового чая, которого достанет для русских городов Бийска, Семипалатинска и других»²¹.

Автор «Записки...» считал направление торговли через северо-западную Монголию – Алтайский округ очень перспективным и приводил расчеты протяженности пути чайных караванов из внутренних провинций Китая. «Путь от Кош-Агача до Томска на 1000 с лишком верст ближе, чем путь от Кяхты, и первый имеет еще то преимущество, что половину его составляет водяное сообщение, – писал он. – Очевидно, что при таких условиях доставка байховых чаев и прочих китайских товаров во внутренние города империи через Кош-Агач будет обходиться несравненно дешевле доставки через Кяхту»²². Однако для реализации этих перспектив нужен был ряд мер со стороны государства. По мнению Е.Замятина, предпосылки для этого имелись (торговля приобрела официальный характер, вызвала интерес со стороны правительственной администрации). Требовалось предпринять следующее: «1) обеспечить торговые капиталы на Кош-Агаче безотлагательным учреждением предполагаемого консульства на китайской границе со стороны Бийского округа; 2) освободить торговлю на первое время от пограничных торговых пошлин; 3) устранить монополию пограничных китайских властей; 4) отменить закон о недозволении крестьянам селиться в калмыцких стойбищах; 5) устроить дорогу от Бийска на Кош-Агач»²³.

Последнее условие особо подчеркивалось Е.Замятиним. «Чтобы иметь понятие о современном состоянии пути на Кош-Агач, – отмечал он, – нужно видеть его в натуре, каждое же описание может показаться невероятным, как, например, на Чуйских бомах* есть места, где вьючные и верховые лошади проходят по скале, отвесно упдающей к реке. Пробираясь по неровной каменистой тропинке, лошади прыгают с камня на камень от одного до трех четвертей вышиною, по временам ударяясь боком об скалу, поднимающуюся вверх от тропинки. Проезжая по таким путям, самый искусный верховой ездок рискует на каждом шагу упасть с лошади и убится до смерти»²⁴.

* Бом (эвенк.) – высокая отвесная стена, крутой склон речной долины, ущелье.

Отсутствие удобного пути к границе являлось важнейшим препятствием для участия в торговле крупных предпринимателей (по выражению полицейского исправника, «людей капитальных»). «Только особая предприимчивость и желание получить хорошую прибыль на небольшой капитал побуждает торговцев предпринимать поездки на Чую по существующим ныне путям, – писал он. – Но и прибыль не всех соблазняет. Между мелкими торговцами были такие лица, которые, съездив на Чу два или три раза и потеряв здоровье, отказались от продолжения торговли в Кош-Агаче, несмотря на всю выгоду этой торговли. Люди же капитальные, имеющие возможность при умеренных процентах получать хорошие дивиденды от своих торговых оборотов, не рискуют подвергать товары и свою личность разного рода случайностям, соединенным с потерей капитала и жизни»²⁵.

Для решения транспортного вопроса предлагалось, во-первых, выделить правительственный кредит на строительство тракта с погашением его в течение длительного времени, во-вторых – разрешить заселение Горного Алтая русскими крестьянами. Дело в том, что, в соответствии с «Уставом об управлении инородцев» 1822 г. и другими законодательными актами, русским запрещалось селиться в местах проживания коренного населения²⁶. Однако после того, как Государственный совет в 1865 г. разрешил переселение крестьян и мещан из Европейской России на незанятые кабинетские земли Алтая²⁷, запрет превратился в анахронизм и постоянно нарушался. Кроме того, и в «Уставе...» имелась лазейка для самовольных переселенцев. Он разрешал им заниматься хозяйственной деятельностью на землях «инородцев» «по условиям с обществом», т. е. по договоренности с родовой знатью. В результате этого, по сообщению начальника Алтайской духовной миссии, в Горном Алтае уже к середине 1850-х гг. «едва ли не все леса с их орехами и белками запроданы русским за несколько лет вперед, так же как дикие пчелы и прочие промыслы»²⁸. Поэтому Е.Замятин считал данный запрет устаревшим и не соответствовавшим реальному положению дел, хотя и признавал, что с появлением в предгорьях Алтая русского населения благосостояние местных племен «сильно пострадало». Он подчеркивал, что «вблизи Алтая не было оседлых поселений, калмыки имели бесчисленные стада и занимались звериными промыслами без затруднений, встречающихся в настоящее время»²⁹.

Разрешение переселения крестьян на земли алтайцев он считал разумной мерой, поскольку «калмыки, будучи окружены со всех сторон оседлыми поселениями, мало-помалу начнут отвыкать от кочевой жизни и сами поселятся оседло», а «поселившиеся в калмыцких стойбищах крестьяне заранее же прорежут весь Алтай удобными дорогами». В свою очередь, «с водворением крестьян пограничные торговцы будут иметь способы продовольствия и перевозочные средства». Более того, автор «Записки...» утверждал, что если бы такие поселения «были разрешены пятьдесят лет тому назад, то теперь, возможно, существовала бы до лавок русских купцов удобная дорога»³⁰.

Поскольку Чуйский путь относился к разряду местных путей сообщения, Е.Замятин приводил еще один аргумент в пользу заселения Алтая русскими. «Можно с основательностью предположить, – подчеркивал он в «Записке...», – выгоды поселений вокруг торговой дороги привлекут столько поселенцев, что ремонт дороги, имеющий по закону поступить в разряд путей исправления натуральной повинностью, не будет ничего стоить ни пра-

вительству, ни купечеству. Кроме того, крестьяне проведут к Чуйской дороге побочные ветви из всех окрестных местностей, в чем-нибудь полезных для торгового дела»³¹.

Таким образом, «Записка...» по охвату и пониманию проблемы выходила далеко за рамки формального отчета о поездке. Анализируя перспективы развития торговли по Чуйскому тракту, автор подчеркивал, что она позволит удешевить доставку чая из Китая, вовлечет в международную торговлю слабо развитые районы Северо-Западной Монголии и окажет положительное влияние на приграничные районы Томской губернии.

Как показало время, почти все предлагавшиеся Е.Замятиним меры впоследствии были реализованы. В 1901 – 1903 гг. от Бийска до Кош-Агача построен Чуйский колесный тракт; в главных центрах Северо-Западной Монголии – Кобдо и Улясутае в начале XX в. открылись российские консульства, а русско-монгольский товарообмен осуществлялся беспошлинно. Все это позволило ко времени объявления независимости Монголии в 1911 г. увеличить торговые обороты на этом направлении до 5 млн рублей в год, сформировать региональную группу предпринимателей, известную в Сибири и России под именем купцов-«чуйцев», а после революции 1921 г. и образования Монгольской Народной Республики превратить Алтайский край в важнейший регион, через который осуществлялись экономические и социокультурные связи между СССР и МНР.

¹ Третьяков В.Н. Русско-монгольская торговля по Чуйскому тракту (1861 – 1914 гг.) // Вопросы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1980. Вып. I. С. 40 – 55; Югова С.А. Торговля России с Западной Монголией по материалам фонда П.Е.Семьянова (конец XIX – начало XX в.) // Россия, Сибирь и государства Центральной Азии (взаимодействие народов и культур): Материалы региональной конференции. Барнаул, 1997. С. 74 – 79; Боронин О.В. Из истории Чуйской торговли в 60-е гг. XIX в. // Памяти Е.М. Залкинда: Сб. науч. ст. Барнаул, 1998. С. 200 – 205; Бойко В.П. Внешняя торговля западносибирских купцов в Центральной Азии во второй половине XIX – начале XX в. // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей. XVIII – XX вв.: Сб. ст. и материалов. Томск, 1999; Старцев А.В. Русская торговля в Северо-Западной Монголии во второй половине XIX – начале XX в. // Россия, Сибирь и Центральная Азия (взаимодействие народов и культур): Материалы II региональной конференции 26 октября 1999 г. Барнаул, 1999. С. 58 – 62; Он же. Обороты и ассортимент русско-монгольской торговли во второй половине XIX – начале XX в. // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей. XVIII – XX вв.

С. 55 – 108; Он же. Алтайский округ в системе региональных русско-китайских торгово-экономических связей (вторая половина XIX в.) // Актуальные вопросы российско-китайских отношений: история и современность: Материалы региональной научно-практической конференции. Барнаул, 2000. С. 3 – 12; Он же. Российский кредит в русско-монгольской торговле (вторая половина XIX – начало XX в. // Восточный архив. 2000. № 4 – 5. С. 86 – 91; Он же. Купцы-«чуйцы» и их роль в развитии русско-монгольских отношений во второй половине XIX – начале XX в. // Алтайский архивист: Информационно-методический бюллетень. 2003. № 1 (5). С. 154 – 165; Он же. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул, 2003; и др.

² Старцев А.В. Экономическая политика России в Монголии во второй половине XIX – начале XX в. // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей. Томск, 2000. Вып. 2. С. 23 – 72; Он же. Экономическая политика России в Монголии после провозглашения независимости (1911 – 1917 гг.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: Материалы конференции. Барнаул, 2000. С. 397 – 405.

³ ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 99. Л. 8 – 28. Документ в сокращенном виде опубликован С.И. Гуляевым (Памятная книжка Томской губернии на 1871 год. Томск, 1871. С. 225 – 241).

⁴ Судя по сохранившимся документам, Е.Замятин имел чин не ниже капитана (коллежского ассесора) и не выше полковника (коллежского советника). Известно, что летом 1868 г. он как глава окружной полиции обеспечивал разъезды по Бийскому округу члена Императорской фамилии великого князя Владимира Александровича, путешествовавшего по Западной Сибири. Летом 1869 г. Е.Замятин входил в состав комиссии по демаркации русско-китайской границы, результаты работы которой были закреплены в официальных протоколах от 1 и 13 августа 1869 г. Им составлены подробные описания пути от Бийска до Кош-Агача (Чуйского тракта), а также пути от Телецкого озера в Чуйскую долину к лавкам русских купцов, расположенным на границе. В личном фонде краеведов С.И. и Н.С. Гуляевых (ЦХАФ АК. Ф. 163) помимо указанной «Записки...» содержатся подготовительные материалы к ней: «Описание торгового пути от города Бийска через село Онгудай до лавок русских купцов на Кош-Агаче, в долине р. Чу» (Л. 29 – 35) и «Описание пути через Телецкое озеро к лавкам русских купцов на Кош-Агаче в долине р. Чу» (Л. 35 – 37 об.). По поводу последнего маршрута Е.Замятин писал: «Бийские кушцы никогда не отправляли и не отправляют своих товаров на Кош-Агач по направлению через Телецкое озеро. По этому пути исключительно ездят только калмыки и миссионеры» (Там же. Л. 35).

Указанные материалы легли в основу «Записки...», в которой был дан подробный анализ состояния торговли бийских купцов с подданными Цинской империи и высказаны соображения по ее дальнейшему развитию.

⁵ Васильев Л.С. История Востока: В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 11.

⁶ Сборник договоров России с Китаем. 1689 – 1881 гг. СПб., 1889. С. 164, 192.

⁷ ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 99. Л. 19 об.

⁸ Московские ведомости. 1852. № 22.

⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 20. Оп. 5. Д. 199. Л. 175.

¹⁰ См., напр.: записку И.С. Персина «Краткая записка о последствиях упадка

кяхтинской чайной торговли для Сибири (1863 г.), хранящуюся в Государственном архиве Иркутской области (ГАИО). Ф. 293. Оп. 1. Д. 548. Л. 1 – 6 об.; донесение чиновника особых поручений Министерства финансов коллежского советника Ячевича «О торговых сношениях наших с Западным Китаем через Бийский округ и изложение соображений о мерах развития этой торговли» в департамент торговли и мануфактур от 14 ноября 1868 г. – РГИА. Ф. 20. Оп. 5. Д. 199. Л. 3 – 37; записку военного губернатора Семипалатинской области генерал-майора В.А. Полторацкого «О торговле с Западным Китаем и мерах к ее развитию» (июль 1869 г.) – РГИА. Ф. 20. Оп. 5. Д. 199. Л. 87 – 103 об.; записку нерчинских купцов братьев Бутиных «Исторический очерк сношений русских с Китаем и описание границы Нерчинского округа» (1871 г.) – ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 565, а также опубликованные работы: *Прутц А.* Торговля русских с китайцами на р. Чуе и поездка в г. Хобдо // *Известия Императорского Русского географического общества (ИРГО)*. СПб., 1865. Т. 1. № 1. Отд. II. С. 1 – 17; *Крут Н.К.* Заметка о торговых путях из Китая в Россию через Азиатскую границу // *Там же*. С. 18 – 37; *Радлов В.* Торговые сношения России с Западной Монголией и их будущность // *Записки ИРГО по отделению статистики*. СПб., 1871. Т. 2. С. 595 – 637.

¹¹ Павлинов К.И. – русский консул в г. Кульдже в середине 60 – начале 70-х гг. XIX в. Известно, что в июне 1863 г. должность консула исполнял Колотовкин, который в связи с обострением ситуации в Кульдже выехал из города, взяв с собой печати, документы и казну. В 1864 г. между Россией и Китаем был подписан Чугучакский протокол, урегулировавший пограничные споры, но в связи с начавшимся дунганским восстанием назначенный кульджинским консулом К.И. Павлинов временно находился в г. Верном. В 1869 г. он вошел в состав комиссии по демаркации русско-китайской границы, а в следующем году сопровождал в Западную Монголию торговый караван семипалатинских и бийских купцов, организованный по инициативе генерал-губернатора Западной Сибири А.П. Хрушова. 15 октября 1870 г. К.И. Павлинов представил А.П. Хрушову отчет об экспедиции с приложением ведомостей о продаже россий-

ских и покупке монгольских товаров, в котором положительно оценивал результаты торговли. Накануне отъезда русских купцов из Улясутая 30 октября город подвергся нападению 3-тысячного отряда дунган, во время которого Павлинов был ранен, но сумел вместе с 11 русскими торговцами вырваться из города.

Дальнейшая судьба К.И. Павлинова и его служебная карьера неизвестны (См.: *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул, 2003. С. 83, 103 – 104; РГИА. Ф. 20. Оп. 5. Д. 199. Л. 69 – 69 об., 85, 199 – 204).

¹² Хрущов Александр Петрович (1806 – 1875) – генерал-губернатор Западной Сибири. Участник русско-турецкой кампании 1828 – 1829 гг. и Крымской войны, где особо отличился при обороне Севастополя. В 1861 г. произведен в генерал-лейтенанты. В октябре 1866 г. назначен генерал-губернатором, командующим войсками Западной Сибири и войсковым наказным атаманом Сибирского казачьего войска.

На посту генерал-губернатора Западной Сибири предпринял усилия для развития торгово-экономических связей с Цинской империей, в частности являлся инициатором отправки каравана бийских и семипалатинских купцов в Северо-Западную Монголию. В письме министру финансов от 11 августа 1869 г. А.П. Хрущов сообщал, что им сделано «распоряжение о приглашении здешних торговцев при командировании в Кобдо доверенного лица снарядить караван в Западную Монголию для торговли под покровительством нашего агента». Кроме того, в своей записке на имя министра финансов 2 октября 1869 г. он просил выделить 25 тыс. руб. на устройство дороги от Семипалатинска до монгольской границы и 100 тыс. руб. на строительство тракта от Бийска до Кош-Агача с возвратом ассигнованных сумм путем взимания 1 % от стоимости товаров, которые предполагалось провозить по этим дорогам.

В 1869 г. произведен в генералы от инфантерии с назначением в генерал-адъютанты. 1 января 1875 г. уволен от должности генерал-губернатора с назначением в члены Государственного совета. Автор «Записок по истории Севастопольской обороны», которые были в 1877 г. напечатаны в «Московском обозрении», а позже вышли отдельным изданием (См.: РГИА.

Ф. 20. Оп. 5. Д. 199. Л. 69, 144 – 144 об.; *Вибс П.П., Михеев А.П., Пузачева Н.М.* Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 282).

¹³ Рейтерн Михаил Христофорович (1820 – 1890) – граф, государственный деятель. В 1862 – 1878 гг. министр финансов, в 1881 – 1886 гг. председатель Кабинета министров. Проводил буржуазные реформы финансовой системы Российской империи.

¹⁴ РГИА. Ф. 20. Оп. 5. Д. 199. Л. 38 об., 48.

¹⁵ Столь раннее возникновение «чуждой» торговли не подтверждается другими исследователями. По данным И.В. Щеглова, возникновение тайной пограничной торговли между русскими купцами, казаками и китайскими караулами относится к 1780 г. (См.: *Щеглов И.В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032 – 1882 гг. Сургут, 1993. С. 190). Этой же даты придерживается и Д.И. Табаев (См.: *Табаев Д.И.* Из истории строительства Чуйского тракта // Ученые записки Горно-Алтайского Научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Барнаул, 1965. Вып. 8. С. 12 – 22).

¹⁶ Хабаровы – бийские купцы, основатели «чуждой» торговли. По сведениям Е.Замятина, основателем торговли с поданными Китая через Алтайские горы являлся предок живших в середине XIX в. в Бийске купцов Хабаровых – Иван Хабаров, который происходил из «инородцев» Иркутской губернии. Вначале он поселился в Кузнецке, затем в Барнауле и, наконец, в Бийске, откуда и начал выезжать на р. Чую.

В начале 60-х гг. XIX в. Хабаровы устроили заимку в 18 верстах от миссионерского стана Онгудай, которая позже превратилась в деревню Хабаровку. По переписи 1897 г. в Хабаровке числилось 94 души. Во время своего пребывания в Кош-Агаче летом 1869 г. Е.Замятин встретил там братьев Хабаровых – Петра, Якова и Андрея. Петр и Яков торговали по гильдейским свидетельствам, а Андрей оставался в мещанском сословии. В 1880 – 1890-х гг. Хабаровы вели мелочную торговлю в Бийске. В 1899 г. в Монголии торговал мещанин Пантелеймон Афанасьевич Хабаров, внук Николая Петровича Хабарова (См.: ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 99. Л. 8, 15 – 15 об.; Ф. 174. Оп. 1. Д. 442).

Л. 23; Ф. 170. Оп. 1. Д. 85. Л. 287; Ф. 174. Оп. 1. Д. 79, Л. 71 об.; Д. 442. Л. 23; Д. 449. Л. 1 – 45; Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: В 4 т. Новосибирск, 1998. Т. 4. Кн. 2. С. 72; *Радлов В.В.* Из Сибири: Страницы дневника / Пер. с нем. М., 1989. С. 28; *Ба-ов Г.* Чуйский торговый путь в Монголию. (Его настоящее, как выючного пути, и будущее, как колесного) // Дорожник по Сибири и Азиатской России. Томск, 1899. Кн. II. С. 79.

¹⁷ ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 99. Л. 8 – 8 об.

¹⁸ *Старцев А.В.* Торговые ворота в Монголию // Алтайский сборник. Барнаул, 1995. Вып. XVI. С. 44 – 45.

¹⁹ ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 99. Л. 19 – 19 об.

²⁰ Там же. Л. 12.

²¹ Там же. Л. 13 об.

²² Там же. Л. 18 – 18 об.

²³ Там же. Л. 19.

²⁴ Там же. Л. 26 – 26 об.

²⁵ Там же. Л. 26 об.

²⁶ ПСЗ I. Т. XXXVIII. § 48 и др.

²⁷ Алтай: Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск, 1890. С. 330.

²⁸ Дело: Литературно-политический журнал. СПб., 1867. № 9. С. 25. Выходил ежемесячно, демократического (до 1884 г.) направления. Издавался в Петербурге в 1866 – 1888 гг. Г.Е. Благосветловым (до 1880); редакторы – Н.В. Шелгунов (1881 – 1882), К.М. Станюкович (с 1883) и др. Поддерживал некоторые положения экономической теории К.Маркса, которая сочеталась с идеализацией крестьянской общины в духе народничества. В числе сотрудников журнала в разное время были Д.И. Писарев, П.Н. Ткачев, Д.Д. Минаев, С.М. Степняк-Кравчинский, П.Л. Лавров. В журнале печатались произведения Г.И. Успенского, Ф.М. Решетникова, Д.Н. Мамина-Сибиряка, А.К. Шеллера-Михайлова и др. Являлся продолжением журнала «Русское слово», основанного графом Г.А. Кушелевым-Безбородко и издававшегося в 1859 – 1866 гг., который разделял революционно-демократическую линию «Современника», хотя и вел с ним полемику по ряду вопросов, и был запрещен правительством (См.: Литературный энциклопедический словарь. М, 1987. С. 90, 368).

²⁹ ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 99. Л. 9.

³⁰ Там же. Л. 25 об.

³¹ Там же. Л. 27.

В.М. Марасанова

Адмирал И.С. Унковский – ярославский губернатор (по документам ГАЯО)

В последнее десятилетие заметно возрос интерес к выдающимся личностям, занимавшим в дореволюционной России высокие административные должности. К их числу по праву можно отнести ярославского губернатора И.С. Унковского, который до назначения на этот пост в 1861 г. сделал замечательную карьеру на флоте. Документы, отражающие его биографию и служебную деятельность, имеются в фондах Государственного архива Ярославской области (ГАЯО)¹.

В первую очередь следует обратить внимание на значительные по объему фонды губернских правительственных учреждений: «Канцелярия ярославского губернатора» (18 700 дел за 1796 – 1917 гг.) и «Ярославское губернское правление» (19 782 дела за 1780 – 1917 гг.). Среди документов за 1860 – 1870-е гг. в данных фондах сохранились копии указов императора

Александра II и Сената, циркуляры, предписания и отношения Министерства внутренних дел, распоряжения губернатора, донесения из губернских и уездных учреждений и другие документы о различных сторонах жизни края в этот период и деятельности И.С. Унковского на посту губернатора. Особенно информативны ежегодные отчеты губернатора с приложениями, где сообщается о развитии хозяйства губернии за отчетный год, приводятся данные о земледелии, промыслах, местной торговле и промышленности, состоянии дорог, мостов и переправ. Отчеты содержат сведения о взимании выкупных платежей и других сборов, «народной нравственности» (т. е. по всем видам преступлений), пожарах, других бедствиях, различных происшествиях².

Среди документов архива, связанных с И.С. Унковским, выделяются его послужные списки³. В них, в отличие от других источников, сконцентрирована полная и подробная информация об административной деятельности ярославского губернатора, а также морской службе Унковского и возложенных на него особых поручениях.

Формулярные (послужные) списки с XVIII в. составлялись на каждого чиновника. Новая форма этого документа из 15 пунктов была введена 16 июля 1849 г. и почти без изменений просуществовала до 1917 г. В списках указывались персональные данные служащего (имя, отчество, фамилия, возраст, вероисповедание, сословное происхождение, образование с указанием оконченного учебного заведения, имущественное положение, наличие недвижимой собственности, наград, прохождение службы, семейное положение). Однако в них не отражены личные качества чиновника (характер, культурный уровень, моральный облик), обычно приводимые в служебных характеристиках.

В фонде Ярославского губернского правления хранится формулярный список И.С. Унковского, датированный 31 марта 1860 г., т. е. незадолго до его назначения на пост ярославского губернатора. Другой список, с первоначальной датой составления 1872 г., выявлен в фонде «Канцелярия ярославского губернатора». Позже он был дополнен и доведен до 1877 г. Документ представляет собой рукописный текст, излагающий сведения более сжато, чем стандартный формуляр. До 1872 г. список выполнен одним почерком, затем дополнялся чиновниками на протяжении всего периода службы И.С. Унковского в Ярославле (это видно по записям, сделанным разными людьми). Документ интересен тем, что связывает воедино

разные этапы службы Унковского – военный (от гардемарина до адмирала) и гражданский и помогает уточнить некоторые биографические данные. Послужные списки содержат не опубликованный ранее в полном объеме точный перечень званий, должностей и наград И.С. Унковского до 1877 г. Кроме того, они указывают размеры его жалования к моменту окончания службы на флоте в 1860 г. (750 руб.) и содержания в должности губернатора на 1872 г. с учетом жалования, столовых денег и прибавочного жалования. Здесь также отражены полученные Унковским на службе поощрения (учет в двойном размере срока службы в период кругосветного плавания на «Палладе», Высочайшие благоволения 1872 и 1876 г.) и вознаграждения (дополнительная выплата годового оклада жалования после возвращения из плавания на «Аскольде», прибавочное содержание, единовременное пособие на обзаведение на новом месте, аренда). Список 1872 г. позволяет узнать точные даты присвоения И.С. Унковскому званий почетного гражданина городов губернии Мологи (20 июля 1864 г.), Ярославля (29 января 1865 г.) и Рыбинска (4 августа 1865 г.).

Иван Семенович Унковский родился 29 марта 1822 г. в семье военного моряка Семена Яковлевича Унковского (1788 – 1882), служившего вместе с выдающимся русским мореплавателем адмиралом М.П. Лазаревым. Дворянский род Унковских известен со второй половины XVI в.; он был внесен в родословные книги Новгородской, Тверской, Калужской, Саратовской, Херсонской и Харьковской губерний. В формулярных списках отмечено, что И.С. Унковский происходит из потомственных дворян Калужской губернии. В списке 1860 г. указано, что ему принадлежит 1200 душ крепостных в Калужской, Тульской, Костромской и Тамбовской губерниях. (Эти данные не приводились ранее в исследовательской литературе⁴.) И. Унковский с детства пошел по стопам отца: 12 декабря 1835 г. поступил гардемаринном в Морской кадетский корпус, а в 1839 г. был произведен в мичманы и переведен на службу в 41-й флотский экипаж. В апреле 1848 г. он назначен адъютантом к главнокомандующему Черноморским флотом и морскими портами М.П. Лазареву. 15 апреля 1845 г. стал лейтенантом, 30 августа 1848 г. – капитан-лейтенантом, 10 февраля 1854 г. – капитаном 2-го ранга⁵.

Унковский принял командование фрегатом «Паллада», который должен был доставить дипломатическую миссию адмирала Е.В. Путятина в Японию. Фрегат отправился в кругосветное плавание из Кронштадта 7 октября 1852 г. И.А. Гончаров, участвовавший в экспедиции на фрегате «Паллада» в качестве секретаря адмирала Путятина, описал ее в одноименной книге⁶. Рейс был довольно трудным, корабль попал в шторм у мыса Доброй Надежды. Экспедиция посетила Яву и Сингапур, в июле 1853 г. фрегат достиг Гонконга, а в августе прибыл в Нагасаки. В результате экспедиции были открыты залив Посьет и острова Римского-Корсакова в заливе Петра Великого, а также установлены торговые и дипломатические отношения с Японией. Прибывший в Страну восходящего солнца на «Палладе» Е.В. Путятин вместе с другими дипломатами остался в Японии. Позже им были подписаны русско-японский договор 1855 г. и Тяньцзинский трактат 1858 г.

И.С. Унковскому пришлось возвращаться в Петербург по суше⁷. В это время шла Крымская война 1853 – 1856 гг., и англо-французская эскадра могла захватить корабль в плен. Укрыться от вражеских кораблей в устье

Амура не позволило мелководье, и тогда капитан принял мужественное решение – затопить фрегат в Императорской (ныне Советской) гавани. 26 августа 1856 г. Унковскому присвоено звание «капитан 1-го ранга». За экспедицию 1852 – 1854 гг. он получил орден св. Анны 2-й степени и увеличил общий срок своей службы на 1 год 11 месяцев и 16 дней⁸.

В 1856 г. Иван Семенович принял командование винтовым фрегатом «Аскольд», на котором совершил свое второе кругосветное плавание, отправившись из Кронштадта к Гибралтару, Зеленому мысу, затем в Зондский пролив, Китай и снова в Японию. Обратный фрегат возвращался через остров Святой Елены в Англию и 30 апреля 1860 г. прибыл на Кронштадтский рейд. В 1859 г. в составе соединенной эскадры у берегов Японии И.С. Унковский служил начальником штаба при генерал-губернаторе Восточной Сибири графе Н.Н. Муравьеве-Амурском⁹.

И.С. Унковский был произведен в контр-адмиралы с зачислением в свиту императора 10 мая 1860 г.¹⁰ Кругосветные экспедиции, в которых он командовал кораблями «Паллада» и «Аскольд», содействовали установлению дипломатических отношений с «восточным соседом» России – Японией и стали важной вехой развития отечественного военно-морского искусства.

По распоряжению императора Александра II И.С. Унковский был направлен в Черниговскую губернию для усмирения крестьянских волнений. Он смог восстановить порядок, не прибегая к крайним мерам, и без кровопролития. В рапорте майора Ляшенко императору Александру II о событиях в с. Безугловке от 5 апреля 1861 г. отмечалось, что Унковский лично проводил «увещевание» жителей села по поводу необходимости выполнения обязанностей по отношению к владельцам имения. Когда уговоры не помогли, воинская команда по приказу Унковского сначала отделила зачинщиков выступления, а после этого разделила толпу крестьян на части «без причинения им большого вреда»¹¹. На Черниговщине И.С. Унковский находился с 8 марта по 6 июня 1861 г.¹², затем уехал в свое имение Колышево Калужской губернии, но вскоре был отозван в столицу, чтобы отправиться к новому месту службы.

28 июня 1861 г. император Александр II подписал указ, в котором сказано: «Свиты нашей контр-адмиралу Унковскому всемилостивейше повелеваем быть ярославским военным губернатором, управляющим и гражданской частью, с оставлением в свите...»¹³ В приказе Департамента общих дел МВД от 6 июля 1861 г. о назначении Унковского губернатором для него было введено прибавочное содержание в сумме 3 тыс. руб. в год и единовременное пособие 3 тыс. руб. для обзаведения на новом месте «без вычета»¹⁴. На прощальной аудиенции у императора И.С. Унковский откровенно сказал Александру II: «Ваше Величество, как я могу быть губернатором, когда не знаю даже разницы между магистратом и губернским правлением?». В ответ император напутствовал его словами: «Я тебя знаю хорошо и ручаюсь, через полгода ты будешь таким же лихим губернатором, как был командиром фрегата»¹⁵.

Хранящийся в научной библиотеке ГАЯО комплект газеты «Ярославские губернские ведомости» содержит официальную информацию о назначении, перемещениях по службе, выборных должностях, награждениях и другие сведения о губернаторе, рассказывает о его сподвижниках. 31 июля

И.С. Унковский вступил в управление Ярославской губернией и был избран председателем губернского по крестьянским делам присутствия¹⁶. Он сменил на посту ярославского губернатора недолго пробывшего здесь князя А.В. Оболенского и управлял краем в течение 16 лет. Это был период реформ 1860 – 1870-х гг. Губернаторы потеряли право «ревизии» судебных дел, в их ведение не попали контрольные палаты, губернские акцизные управления и некоторые другие учреждения. Земская, судебная, городская, военная и финансовая реформы внесли существенные изменения в должностные обязанности губернатора, но не уменьшили его реальную власть. Обязанности губернатора были многообразны и по «Общему учреждению губернскому» перечислялись в 62 статьях¹⁷.

Из-за постоянного преследования чиновников за взятки И.С. Унковский в первые годы своего пребывания в Ярославле получил прозвище «местного Робеспьера». Уволенных полицейских возмущало, что новый губернатор при замещении должностей обращал внимание главным образом на бескорыстие, а не на способности сотрудников правоохранительных учреждений¹⁸.

Унковский постоянно следил за состоянием местной промышленности и торговли, активно содействовал развитию частного предпринимательства и железнодорожного строительства в губернии, тесно сотрудничал с органами городского и земского самоуправления. В 1871 г. он писал в своем ежегодном отчете в Санкт-Петербург, что новые городские учреждения, по примеру земских, уже успели заявить о пользе дарованной им самостоятельности, активно участвуя в прекращении эпидемии холеры¹⁹.

«Именным высочайшим указом, данным 1 декабря 1873 г. Государственному Совету», И.С. Унковский был включен в число сенаторов²⁰. При поддержке губернатора 12 января 1875 г. Ярославская духовная семинария, существовавшая с 1747 г., наконец получила новое здание. Губернатор присутствовал на освящении храма при семинарии, литургии и торжественном обеде. Газета «Ярославские епархиальные ведомости» отмечала, что он проявил «нравственную солидарность с нашим заведением, согласие с принципами педагогической и административной его деятельности»²¹.

Будучи губернатором, И.С. Унковский женился на местной дворянке Анне Коровкиной, 1848 г.р., дочери отставного гвардейского офицера²². Иван Семенович и его супруга Анна Николаевна участвовали во многих благотворительных и культурных мероприятиях. Они вносили значительные средства в пользу пострадавших от неурожая, а также на счет Ярославского общества вспомоществования бедным, председателем которого являлся сам губернатор. Общество занималось поддержкой престарелых в приюте, воспитанием сирот и бедных детей в Ярославском Доме призрения ближнего, а также выдачей ежемесячных и повременных пособий нуждающимся. Внося значительные суммы на благотворительность, губернатор и его супруга подавали пример другим чиновникам, дворянам и купцам, которые жертвовали средства на благотворительность и становились членами разного рода просветительских, православных и благотворительных обществ.

В Ярославле И.С. Унковский получил ордена св. Станислава 1-й ст., св. Анны 1-й ст., а также Командорский крест ордена Дубового Венка от нидерландского короля и другие награды. 17 мая 1876 г. ему было выражено

монаршее благоволение за своевременное взимание податей, окладных сборов и выкупных платежей²³. Не имея до того опыта гражданского управления, адмирал Унковский проявил себя умелым администратором.

Содержание за службу ярославского губернатора на 1872 г. составляло 5832 руб. 1 января 1877 г., незадолго до отъезда из Ярославля, ему была предоставлена аренда из Государственного казначейства сроком на 12 лет по 3 тыс. руб. ежегодно²⁴. Общая сумма его доходов на государственной службе составила 8832 руб. С учетом всех выплат Унковский на посту губернатора получал почти в 12 раз больше, чем во время завершения его военной карьеры на флоте.

Дружеские отношения установились у И.С. Унковского с губернским предводителем дворянства, камергером, действительным статским советником Николаем Павловичем Скрипицыным, который бессменно занимал этот пост в 1862 – 1877 гг., т. е. весь период губернаторства Унковского. Среди близких друзей губернатора был сын декабриста Евгений Иванович Якушкин. Он приехал в Ярославль в 1859 г. и занимал при Унковском пост управляющего Ярославской губернской палатой государственных имуществ. Е.И. Якушкин собирал и публиковал мемуары декабристов, а также вел научные исследования в области права. 15 января 1865 г. он возглавил Ярославскую казенную палату и оставался ее председателем свыше 20 лет – до 8 марта 1885 г.²⁵

Несмотря на успешную в прошлом военно-морскую карьеру, И.С. Унковский не собирался порывать с гражданской службой. В дневнике министра внутренних дел П.А. Валуева было отмечено, что 2 июля 1863 г. Унковский был «вызван из Ярославля для принятия начальства над эскадрой, которую предполагается послать в Атлантический океан для корсарного крейсерства на случай войны»²⁶. Однако ярославский губернатор не откликнулся на это предложение.

17 марта 1877 г. И.С. Унковского назначили на новую должность – руководителя московского присутствия Опекунского совета учреждений Ведомства императрицы Марии с оставлением в звании сенатора и вице-адмирала²⁷. Его преемником на губернаторском посту стал ярославский вице-губернатор, флигель-адъютант, полковник В.В. фон Валь, вступивший в управление губернией 1 апреля 1877 г.

В 1879 г. И.С. Унковский был произведен в адмиралы с оставлением при всех должностях.

Скончался Унковский 11 августа 1886 г. после тяжелой болезни. Литургия состоялась 14 августа в Москве, там же его отпевали, а затем гроб перевезли в с. Козлово Калужской губернии и предали земле в родовой вотчине. 19 августа «Ярославские губернские ведомости» поместили некролог, где приводились основные вехи биографии И.С. Унковского и отмечался его значительный вклад в жизнь края. В дальнейшем связи семьи Унковских с Ярославским краем не прервались. Вдова адмирала А.Н. Унковская в 1900 – 1905 гг. выполняла обязанности начальницы Ярославского женского училища духовного ведомства²⁸.

Жизненный путь адмирала И.С. Унковского представляет собой интересный экскурс в историю российского флота и внешней политики. Его биография также неразрывно связана с историей Ярославского края в период «великих реформ» XIX столетия. Сохранившиеся в фондах ГАЯО формулярные

списки И.С. Унковского, другие источники позволяют уточнить и систематизировать сведения об этом успешном администраторе и, что немаловажно, порядочном и преданном служебному долгу человеку. Материалы о деятельности Унковского говорят о богатейшем потенциале архива для научных исследований.

¹ ГАЯО. Ф. 73 «Канцелярия ярославского губернатора», Ф. 79 «Ярославское губернское правление» и др.

² Там же. Ф. 73. Оп. 1. Д. 5290 – 5292, 5333, 5395, 5396, 5473а, 5543, 5631, 5684, 5747, 5802, 5803, 5860, 5909, 5973, 6027, 6143.

³ Там же. Д. 5957. Л. 1 – 15 (Послужной список ярославского губернатора И.С. Унковского на 1872 г.); Ф. 79. Оп. 5. Д. 1909. Л. 8 – 17 (Формулярный список И.С. Унковского на 31 марта 1860 г.).

⁴ Там же. Ф. 79. Оп. 5. Д. 1909. Л. 17.

⁵ Там же. Ф. 73. Оп. 1. Д. 5957. Л. 1.

⁶ Гончаров И.А. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия: В 2 т. М., 1994.

⁷ Русские мореплаватели. М., 1953. С. 560 – 561.

⁸ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 5957. Л. 2; Ф. 79. Оп. 5. Д. 1909. Л. 10.

⁹ Там же. Ф. 73. Оп. 1. Д. 5957. Л. 2 – 2 об.; Ф. 79. Оп. 5. Д. 1909. Л. 9.

¹⁰ Там же. Ф. 73. Оп. 1. Д. 5957. Л. 2 об.; Ф. 79. Оп. 5. Д. 1909. Л. 9 об.

¹¹ Крестьянское движение в России в 1857 – мае 1861 г.: Сб. док. / Под ред. С.Б. Окуня и К.В. Сивкова. М., 1963. С. 503.

¹² ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 5957. Л. 2 об.

¹³ Там же. Ф. 79. Оп. 5. Д. 1909. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 4.

¹⁵ Цит. по: Унковский Ю.М. Урусовы и Унковские в Ярославском крае // «От мудрости и святости былого...» / VII Тихомировские чтения. Ярославль, 1999. С. 40; см.: Работнов Н.Г. Тайны ярославского застенка // Ярославская старина: Временник Ярославского губернского архива. Ярославль, 1924. С. 73 – 74.

¹⁶ Ярославские губернские ведомости (ЯГВ). 1861. Официальная часть. 3 августа. № 31.

¹⁷ Общее учреждение губернское // Свод законов Российской империи. Издание 1876 г. СПб., 1876. Гл. 3: О губернаторах. Отделение 2: О предметах ведомства, правах и обязанностях губернаторов. Ст. 493 – 657.

¹⁸ Работнов Н.Г. Указ. соч. С. 74.

¹⁹ Ярославские губернаторы: Историко-биографические очерки. 1777 – 1917. Ярославль, 1998. С. 234 – 235.

²⁰ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 5957. Л. 4 об.

²¹ Ярославские епархиальные ведомости (ЯЕВ). 1875. Неофициальная часть. 15 января. № 3.

²² Унковский В. Их девизом были вера и верность // Вестник «Доброй воли»: Историко-краеведческое издание. Калуга, 1999. Апрель – июнь. № 14. С. 6 – 7; Унковский Ю.М. Указ. соч. С. 40.

²³ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 5957. Л. 3 – 4; ЯГВ. 1861. Официальная часть. 23 ноября. № 47; 1876. Официальная часть. 17 мая. № 39; и др.

²⁴ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 5957. Л. 4 – 5.

²⁵ ЯГВ. 1887. Неофициальная часть. 2 июня. № 42; «Дабы доходы в целостности сохранены были...» 225 лет финансовым органам Ярославской области (1777 – 2002 гг.): Краткий исторический обзор по материалам ГАЯО. Ярославль, 2002. С. 59 – 60.

²⁶ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: В 2 т. М., 1961. Т. 1. 1861 – 1864 гг. С. 234.

²⁷ ЯГВ. 1877. Официальная часть. 4 апреля. № 26.

²⁸ Установлено по материалам «Памятных книжек Ярославской губернии» за до-революционный период. См.: Памятная книжка Ярославской губернии на 1900 год. Ярославль, 1900. С. 168; Памятная книжка Ярославской губернии на 1905 год. Ярославль, 1905. С. 240; и др.

Г.В. Есипов о выявлении документов по истории России в немецких архивах в 1866 – 1876 гг.

Видный российский историк и архивист XIX в. Г.В. Есипов (1812 – 1899) почти тридцать лет возглавлял Общий архив Министерства императорского двора¹. Его личный фонд хранится в Государственном архиве Российской Федерации². Некоторые документы фонда (докладные записки Есипова министру императорского двора, дневниковые записи, переписка и др.) рассказывают о заграничных служебных поездках Григория Васильевича для сбора сведений о зарубежных архивах. Особенно интересны записки Есипова о его посещении прусских архивов, принимая во внимание существовавшее в то время мнение, что «представители государственной власти германских народов искони дорожили государственными архивными материалами, в убеждении, выражающемся в давней поговорке германских народов, по которой “беспорядок в архивах есть внутренняя болезнь государства”»³. Архивист описывает состав документов, структуру и организацию работы исследователей в немецких архивах. Кроме того, фонд содержит конкретные плоды архивных поисков ученого, т. е. копии источников по истории России.

Поездки Есипова состоялись в 1866 – 1876 гг., когда в Пруссии по поручению короля Вильгельма I⁴ была проведена архивная реформа с целью передачи государственных архивов под руководство специального архивного управления. С 1810 по 1860-е гг. управление государственными архивами Пруссии было распределено между различными министерствами. В результате реформы из столичного Тайного государственного архива (Staats Geheim Konigliches Archiv) выделили государственный архив дворцового ведомства – Королевский придворный архив (Konigliches Hausarchiv), подчиненный министру двора. Тайный государственный архив стал центральным архивом для хранения делопроизводств по решенным делам всех высших и центральных учреждений Пруссии и Бранденбургской провинции⁵.

В Берлине Есипов посетил Тайный государственный архив и Королевский придворный архив. Там он делал выписки и копии документов для Общего (центрального) архива Министерства императорского двора, в котором по повелению Александра II⁶ предполагалось «сосредоточить... все сведения, дела и документы с начала царствования императора Петра Великого до 1800 г., относящиеся как до императорской фамилии, так и вообще до Придворного ведомства, за исключением дел и документов по предметам государственного управления или политическим...»⁷.

Свой первый визит в Тайный государственный архив Пруссии Есипов описал в дневнике за 17/29 сентября* 1866 г.: «Был по утру... у директора Государственного архива Geheim Rath** Lanzezolle***. Вчера ему передано

* Даты приводятся по юлианскому и григорианскому календарям; последний действует в Европе с 1582 г., в России – с 14 февраля 1918 г.

** Тайный советник (нем.).

*** Здесь и далее подчеркнуто в тексте Есиповым.

было мною письмо от нашего посланника о допущении меня к осмотру архива. Немец почтенный, 72 лет, очень привязан к своему делу, написал даже брошюру о Прусском архиве, которую подарил мне с своею надписью. Жалуетса на невнимательность правительства к архивам, этот порок общий, и у нас смотрят еще с пренебрежением на архивы. От него я отправился прямо в архив, помещающийся в Большом дворце, под большим куполом. Показывал мне архив главный архивариус г. Фридендер... но прежде чем водить меня по архиву, привел в маленькую темную или полутемную комнату и сказал мне речь о неторопливом ходе работ в Прусс[ком] архиве. Затем представил мне своих сотрудников, называя каждого "Herr Doctor"*, весь штат архива, 4-х человек. Все документы, до Придворного ведомства относящиеся, выделены из Государственного арх[ива] в 1848 г. ... Придвор[ный] арх[ив] состоит под начальством министра двора... и церемониймейстера... заведующего непосредственно Придвор[ным] архивом. Г. Фридендер показывал мне реестры и пр[очее] и толковал порядок, но все это так скоро, что я не совершенно понял и отложил до понедельника подробное рассмотрение. Потом пошли по архиву: комнаты небольшие и низкие. Шкапы из ясеневоего дерева, лакированные, с клетками или отделениями. Некоторые особенно важные документы, как-то хартии, договоры государственные и письма королей, сохраняются в картонах и в шкафах за ключом. Дела расположены по роду их содержания и хронологически. Государственный архив – есть центральный архив и все министерства могут держать у себя дела только за 10 последних лет, а прочие сдавать в Госуд[арственный] арх[ив]. Но это не соблюдается, и министерства удерживают у себя и дела старые, особенно Министерство военное. Все, что относится до провинции, пересылается в провинциальные архивы, устроенные по одинаковой системе с Госуд[арственным] архивом, но при этом оставляются в Госуд[арственном] архиве указатели и реестр, по которым без замедления и с удобностью можно вытребовать дело из провинциального архива. Дела, которые не в картонах, обернуты толстою синею бумагою, в связках. Каждое дело также в синей обертке с печатным ярлыком: «Geheim Staats Archiv». Дальнейшее рассмотрение отложено до понедельника...»⁸

В дневнике за 26 сентября/8 октября 1866 г. Есипов отметил: «В архиве есть такие любопытные и имеющие историческое достоинство документы для России, что, имея случай списать с них копии, грешно упустить этот случай. Сегодня я подал записку нашему здесь посланнику Павлу Петровичу Убри⁹ о содействии к испрошению у прусского правительства дозволения просматривать архив[ные] документы, до России относящиеся, с 1600 по 1800 год и делать выписки. Убри обещал сегодня же переговорить с г. Unterstaatssekretar** Tiele, который исправляет должность г. Бисмарка¹⁰. Г. Tiele, говорят, блистательный господин и широко дозволяет заниматься в секретном архиве даже демагогам...»¹¹

В письме директору канцелярии Министерства императорского двора А.П. Тарновскому Есипов сообщал: «...оканчивая работы по собиранию сведений об иностранных архивах, я теперь в Берлине, в архивной пыли,

* Господин доктор (нем.).

** Помощник государственного (статс-) секретаря (нем.).

только в немецкой пыли, которая гораздо старше нашей – есть документы 10-го и 11-го столетий, чего у нас нет. Зная, как ваше превос[ходительство] интересуется русск[ой] истори[ей], я уверен, что я не наскучу Вам, если войду в некоторые подробности о здешнем Государственном архиве. Я нашел русские документы: грамоты царские, начиная с XVI века – имеются весьма любопытные и важные документы (немецкие) о путешествиях Петра Великого в 1697 [г.] и в 1711 [г.] за границу. Странно, что Устрялов¹² ездил в Вену, в Париж и не заглянул в Берлинский архив. Некоторые документы русские я успел списать – иные для себя, другие для министерства.

О переписке немецких бумаг теперь идут переговоры, и мне необходимо знать, угодно ли графу Влад[имиру] Федор[овичу]¹³ ассигновать сумму до 200 р[ублей] сер[ебром] на снятие копий с бумаг немецких, относящихся до наших царей и императоров XVII и XVIII столетий и хранящихся в здешнем Государственном тайном архиве – если угодно это, то оно уже устроено, [так] что спишут для меня лично, как для частного лица, занимающегося историческими исследованиями, а о министерстве и помину не будет, а то все можно испортить, а после я от себя представлю их графу. Если б я имел свои средства, чтоб употребить эти деньги, то, конечно, не беспокоил бы графа и списал бы для себя, но, к сожалению, и графу, и Вам известно, что я не имею денег. А жаль упускать случай, который едва ли представится. Если графу угодно будет пожертвовать на это действительно полезное дело означенную сумму, то сие покорнейше прошу выслать под следующим названием: на расходы для покупки книг и старинных рукописей. Если же не угодно графу приобрести для будущего Придворного центрального архива такие драгоценные документы, то позвольте просить Вас убедительно на мой счет телеграфировать мне, чтобы я немедленно возвращался, что будет знаком отказа моему предложению¹⁴. Документы на русском языке – как-то письма Петра В[еликого] и др[угих] лиц, грамоты я спишу сам... Эти документы так заинтересовали меня, что я решился добиться частным образом дозволения сделать выписки и копии с документов. Официально [или как чиновник] Министерства двора я не решился из осторожности, чтоб не подать сомнений, что проверщик хочет что-нибудь выбрать из архива, хотя документы [означенные] не имеют никакой связи с нынешнею современною политикою, и по некоторым собранным сведениям частно я убедился, что если [бы] я попробовал хлопотать как чиновник министерства, то получил бы отказ. Между тем, желая списать документы, до России относящиеся... как человек занимающийся наукой и историческими исследованиями, я, вероятно, получу позволение...»¹⁵

Позднее Есипов писал Тарновскому: «...чиновники архива – все люди ученые; профессор и доктора полюбили меня, и я получил дозволение и возможность списать копии с самых интересных бумаг, до России относящихся, XVII и XVIII столетий. Русские и французские я списываю сам... а лицо переписывающее – ученый, заслуживающий доверия, переписка же немецких документов XVII и XVIII столетий очень трудна и мало здесь разбирают ее. Переписка делается не тайно, а с дозволения начальства архива... как частному лицу, занимающемуся наукой и исследованиями историческими.

...Бог знает, будет ли еще когда такой случай, как я имею теперь, для списания бумаг, а архив придворный обогатится дельными документами XVII и XVIII столетий. Особенно важны имеющиеся донесения о царском и императорском дворе посланник[ов] прусск[их], бывших в России, они все будут списаны. Если бы я был со средствами, то, конечно, не беспокоил бы графа...»¹⁶

В 1869 г. Есипов снова приехал в Берлин «для собрания в Берлинском архиве копий документов, которые поступят в высочайше утвержденный Центральный архив Министерства императорского двора»¹⁷. О результатах посещения Тайного государственного и Королевского придворного архивов Есипов сообщал: «В течение месяца, проведенного мной в Берлине, занимаясь ежедневно в архиве, я успел списать несколько грамот на русском языке XVI и XVII столетий, несколько писем собственноручных Петра Великого, сведения о свиданиях Петра Великого с курфюрстом Бранденбургским и др. ... Документы о России, преимущественно состоящие в донесениях агентов прусских, живших в Москве и Петербурге, весьма любопытны и до сих пор неизвестны, потому что никто из русских специально не занимался в Берлинском тайном архиве... я обращал особенное внимание на документы, относящиеся до России. Они состоят из грамот царей и донесений посланников о Москве: самый древний – грамота царя Василия Иоанновича 1507 года, другая – Бориса Годунова 1605 года, наконец, с 1697 года, со времени путешествия Петра I за границу, имеется значительная переписка о России из донесений прусских посланников...»¹⁸ Характеризуя состав документов Королевского придворного архива, Есипов писал: «Все дела и документы относятся до королей и членов королевского семейства, как-то дела о рождении, бракосочетании, кончине, семейная переписка, расположены по царствованиям в особых картонах. Все дела по администрации Королевского дома расположены хронологически в особые отделы: об имениях королевских, о конюшенной части, о гофмаршальской, театральной и т. д.»¹⁹.

Документы, выявленные Есиповым в Тайном государственном архиве, переписывал секретарь архива Брозе с разрешения его руководства. После отъезда Есипова из Берлина он высылал копии документов в Санкт-Петербург²⁰. Сохранились письма Брозе к Есипову за 1866 – 1885 гг.²¹

Копии документов были переданы министру императорского двора и уделов В.Ф. Адлербергу, который в ноябре 1869 г. представил их Александру II²².

В 1876 г. Есипов еще раз посетил Тайный государственный архив. В дневнике им оставлена запись за 18/30 июля 1876 г.: «Вчера с 10 утра работал в Государственном тайном архиве... Несколько человек из служивших в архиве, мои знакомые, померли. Старик Friedlander, архивариус, вышел в отставку, сын его поступил на его место. Друг мой и переписчик Brose – все секретарем, и все тот же милый немец, любящий деньги, но с прибавкой честолюбия. Третьего года он просил меня выхлопотать ему крестик за переписку для меня архивных документов. Немцы падки на знаки отличия. Я занимался выписками из депеш прусских посланников 1740 г. из Петербурга для "Древней и новой России". И вчера написал С.Н. Шубинскому²³, желают ли они продолжения»²⁴.

Достоинства и недостатки германской архивной системы обобщил современник Есипова, историк-архивист, управляющий Московским архивом

Министерства юстиции Д.Я. Самоквасов. Анализируя состояние архивного дела на Западе, он отмечал: «Государственные архивные материалы Германии открыты только для серьезной научной разработки и закрыты для тенденциозной выборки исторических анекдотов, что практикуют и теперь французские архивисты по отношению к порядкам истории Франции “старотогистами”. Таких историков в Германии не признают, называют их анекдотистами и не допускают к государственным архивным материалам. Для ученых работ архивы Пруссии откровеннее, чем архивы какого бы то ни было другого государства Западной Европы, но эту откровенность можно получить только зарекомендовавшему себя серьезным отношением к делу науки, а получивший разрешение для занятий в государственных архивах и заявивший потом в печати результаты своих работ историческими анекдотами, подрывающими в народе уважение к своей истории, найдет государственные архивные материалы в будущих своих работах покрытыми государственной тайной, недоступными для его исследований, как “еще неупорядоченные и неописанные”»²⁵.

Деятельность государственных архивов Пруссии, как сообщает Самоквасов, регулировалась «Инструкцией чиновникам государственных архивов в провинциях» от 31 августа 1867 г., которая служила уставом, определявшим службу в провинциальных и столичном архивах²⁶. Согласно инструкции, «архивные описи никогда и никому не должны быть сообщаемы неофициальным образом. Извлечения, заметки и копии, сделанные лицами, которым было разрешено пользование архивом, должны быть сообщаемы начальнику архива предварительно всякого дальнейшего употребления и становятся свободной собственностью только в том случае, если начальник архива признает допустимым дальнейшее употребление»²⁷.

Некоторые послабления в организации пользования архивами Д.Я. Самоквасов относил к 9 января 1876 г., когда было разрешено «при пользовании архивными документами с научными целями не подвергать установленному распоряжением от 19 декабря 1856 [г.] и инструкцией от 31 августа 1867 [г.] просмотру сделанных заметок и извлечений. Лишь в том случае, если занимающийся в архиве пожелает сделать полную и дословную копию с документа, начальник архива должен предварительно обсудить и решить вопрос о том, допустимо ли это»²⁸.

Есипов, изучая документы немецких архивов, зарекомендовал себя серьезным исследователем. В его личном фонде сохранились: выписки из описей о сношениях Пруссии с Россией (1517 – 1697 гг.), дел о предполагаемом браке сына Бранденбургского курфюрста Эрнста с дочерью царя Бориса Годунова Ксенией (1603 г.), путешествии будущего императора Павла I (1781 – 1782 гг.), документов о царевиче Алексее Петровиче (1700 – 1718 гг.); копии донесения прусского посланника Риберля из Вены о пребывании там в 1781 – 1782 гг. будущего императора Павла I, донесения прусского посланника Рейера из Москвы (1688 – 1694 гг.), письма Бориса Годунова маркграфу Бранденбургскому с предложением союза против Польши (1604 г.), писем императора Петра I курфюрсту Бранденбургскому и королю Прусскому Фридриху I (1697 – 1721 гг.), документов о пребывании Петра I за границей в 1717 г.²⁹ и др.

Часть документов, выявленных Григорием Васильевичем в немецких архивах, была использована им самим и другими учеными в исторических

исследованиях еще в XIX – XX вв. Так, с выписками из депеш прусского посланника при российском императорском дворе за 1762 – 1764 гг. Есипов ознакомил В.А. Бильбасова³⁰ во время его работы над фундаментальным трудом «История Екатерины II»³¹. В полном объеме, в составе других документов личного фонда Есипова, они доступны для российских исследователей.

¹ Китлова Е.А. Трудные судьбы, забытые имена: Г.В. Есипов – историк-архивист // Вестник архивиста. 2001. № 1. С. 245 – 249.

² Китлова Е.А. Личный фонд Г.В. Есипова в ГАРФ // Отечественные архивы. 1999. № 2. С. 121 – 122.

³ Цит. по: Самоквасов Д.Я. Централизация государственных архивов. Архивное дело на Западе. М., 1900. С. 1; со ссылкой на: Сборник Археологического института. СПб., 1879. Кн. II. Отд. III. С. 33.

⁴ Вильгельм I Гогенцоллерн (1797 – 1888) – прусский король с 1861 г., германский император с 1871 г.

⁵ Самоквасов Д.Я. Указ. соч. С. 20 – 21.

⁶ Александр II (1818 – 1881) – российский император (1855 – 1881).

⁷ АВПРИ. Ф. 161. Оп. 719. 1884 г. Д. 257. Л. 3 – 3 об.

⁸ ГАРФ. Ф. 926. Оп. 1. Д. 70. Л. 136 об. – 137 об.

⁹ Убри П.П. (1820 – 1896) – российский дипломат, с 1848 г. секретарь посольства, затем первый советник русского посольства в Вене; в 1856 г. первый советник посольства в Париже; с 1863 г. чрезвычайный посланник и полномочный министр в Берлине; в том же звании аккредитован с 1868 г. при Северо-Германском союзе; в 1871 – 1879 гг. посол в Германии; в 1880 – 1882 гг. посол в Вене. С 1882 г. член Государственного совета.

¹⁰ Бисмарк Отто (1815 – 1898) – князь, государственный деятель Германии, первый рейхсканцлер Германии (1871 – 1890).

¹¹ ГАРФ. Ф. 926. Оп. 1. Д. 70. Л. 129 – 129 об.

¹² Устрялов Н.Г. (1805 – 1870) – российский историк, академик Петербургской академии наук (1837), автор «Истории царствования Петра Великого».

¹³ Имеется в виду Адлерберг В.Ф. (1791 – 1884) – российский государственный деятель, генерал от инфантерии (1843), граф (1847), министр императорского двора и уделов (1852 – 1870).

¹⁴ ГАРФ. Ф. 926. Оп. 1. Д. 70. Л. 118 – 119 об.

¹⁵ Там же. Л. 143 об. – 144.

¹⁶ Там же. Л. 146 об. – 148 об.

¹⁷ Там же. Д. 26. Л. 2.

¹⁸ Там же. Л. 11 об. – 12, 56.

¹⁹ Там же. Л. 56 об.

²⁰ Там же. Л. 11 об. – 12.

²¹ Там же. Д. 628.

²² Там же. Л. 16.

²³ Шубинский С.Н. (1834 – 1913) – российский журналист, историк, редактор журналов «Древняя и новая Россия» (1875 – 1879), «Исторический вестник» (1880 – 1913).

²⁴ ГАРФ. Ф. 926. Оп. 1. Д. 89. Л. 48 об. – 49.

²⁵ Самоквасов Д.Я. Указ. соч. С. 59 – 60.

²⁶ Там же. С. 23.

²⁷ Там же. С. 28.

²⁸ Там же. С. 28 – 29.

²⁹ ГАРФ. Ф. 926. Оп. 1. Д. 217, 219, 220, 230, 246, 248 – 250, 290, 391, 455, 456, 458, 459.

³⁰ Бильбасов В.А. (1837 – 1904) – российский историк, публицист.

³¹ ГАРФ. Ф. 926. Оп. 1. Д. 98. Л. 105, 231.

Подготовка историков-архивистов

(К выходу в свет сборника нормативно-методических документов по специальности «Историко-архивоведение»)

В последние годы дипломированных историков-архивистов, кроме ИАИ РГГУ, выпускают и другие высшие учебные заведения, прошедшие экспертизу Учебно-методического объединения (УМО) вузов Российской Федерации по образованию в области историко-архивоведения и лицензирование в Министерстве образования Российской Федерации.

Единые требования к содержанию и уровню подготовки выпускников по данной, как и по любой другой, специальности установлены государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования второго поколения. Он был разработан УМО еще в 2000 г., а утвержден в начале 2001 г. В 2003 г. РГГУ издал сборник, куда помимо стандарта по специальности «Историко-архивоведение» вошли 28 примерных программ, в том числе по общим гуманитарным, социально-экономическим, общим математическим и естественно-научным, общепрофессиональным дисциплинам, а также дисциплинам специализации. В их разработке участвовали преподаватели различных факультетов университета, а в рецензировании – преподаватели других вузов, специалисты архивных и других учреждений.

Качество этих программ учебных дисциплин в значительной степени определяет профессионализм будущих специалистов. О подходах к организации обучения историков-архивистов, достоинствах и недостатках учебных программ размышляют опытные педагоги – д-р ист. наук Б.С. Илизаров, д-р ист. наук Т.М. Горяева, д-р ист. наук Т.В. Батаева, д-р ист. наук М.В. Ларин.

Б.С. Илизаров: Очень непростой вопрос: время ставит перед человеком новые задачи или он задает вопросы вечно новому времени? – близок к давней научно-педагогической проблеме: специалист должен сам решать новые задачи, выдвигаемые обществом, или же он должен ставить их и побуждать общество ими заниматься. Но в любом случае облик выпускника вуза, допустим, предвоенного и военного времени прошлого века или 1960 – 1980-х гг., малосопоставим с обликом выпускника постперестроечного периода, несмотря на одинаковое название специальности: «Историко-архивоведение». И дело здесь не только в постоянно возрастающем объеме и качестве знания, но и в изменениях исторической ситуации, наконец, в изломах государственного или политического устройства нашего общества. Реакция на подобные перемены всегда ожидаема и легко регулируется организационно и методически. Разница лишь в том, насколько вовремя и системно проводятся корректировки.

Консервативность высшей школы проявляется в том числе и во вполне объяснимом желании вальяжного доцента или профессора десятилетиями читать обкатанные курсы по заскорузлomu от времени лекционному «тропарю». И такие проблемы преодолимы. Самое консервативное и труднопереобрабатываемое в высшей школе – это образ того специалиста, первые черты которого прорисовываются в начале обучения и который к последнему курсу воплощается в целостную картину. Формирование такой целост-

ной индивидуальности коллективными усилиями всего педагогического состава предполагает, что некто видит логику этого процесса в целом и как бы со стороны. Он и должен свести все программы обучения к внутреннему единству, т. е. целостности. В данном случае речь идет о формировании индивидуального лица специалиста. Выпускники МГИАИ послевоенных лет и 1960 – 1980-х гг., без сомнения, имели свой профессиональный облик, выделяясь среди выпускников других гуманитарных вузов и даже их исторических факультетов.

Облик историка-архивиста военного и послевоенного времени был заложен еще в 1930-х гг. Тогда в значительной степени решалась кадровая задача – подготовить преданных режиму специалистов, ориентированных в основном на практические архивные проблемы, но имеющих также определенные знания по истории своей страны в советской интерпретации. Вне зависимости от успеха в решении этой задачи сама идея соединения исторической и архивной подготовки в рамках одной специальности оказалась удачной. После известных событий середины 1950-х гг., связанных с разукрупнением МГБ СССР и выделением архивной системы и МГИАИ из структур карательных органов, в значительной степени изменился и облик выпускника Историко-архивного института. По сравнению с послевоенным периодом в 1960 – 1980-х гг. произошел значительный сдвиг в сторону исторических дисциплин, где одно из ведущих мест заняло источниковедение как звено, связывавшее их с архивными дисциплинами. Это был второй значительный шаг в сторону более глубокого синтеза знаний историка-архивиста. Но и тогда не удалось преодолеть вполне очевидного дуализма. Выпускники ощущали себя или квалифицированными архивистами с источниковедческими навыками и достаточно широким историческим кругозором, или историками и источниковедами, ориентирующимися в архивной, археографической и иных прикладных областях. Не случайно они показали себя не только высокопрофессиональными архивистами, но и талантливыми историками и источниковедами академического типа, обладающими особым научным вкусом к изучению архивных документов. Правда, эти положительные моменты проявлялись только по отношению к отечественной истории и культуре народов СССР. При этом все более очевидными становились и изъяны.

Слабые стороны подготовки историка-архивиста того времени мне, как выпускнику конца 1960-х гг., хорошо известны. Несмотря на то что в те годы курсы всеобщей истории, историографии и истории СССР читали выдающиеся педагоги (Ф.А. Коган-Бернштейн, В.Е. Иллерицкий, Е.В. Чистякова, М.Т. Панченкова и др.), в целом историческая подготовка шла архаичными, иллюстративными методами. Архивное дело, история архивов и навыки работы с архивными документами и другими источниками преподавались без связи с историческими дисциплинами, а те – в традициях Московского государственного университета советского времени, т. е. в виде квинтэссенции «объективного», незыблемого и устоявшегося знания. К недостаткам образования того времени отнесем и слабую подготовку по иностранным языкам, не обеспечивавшую свободного чтения ни научной литературы, ни тем более древних текстов. Исключением был только древнерусский язык. В связи с общей технической отсталостью архивных учреждений СССР вполне очевидным становился разрыв между теоретической архивоведческой мыслью, которая в 1960 – 1980-е гг. развивалась достаточно успешно, хотя и не

избежала провинциализма (поскольку СССР находился за «железным занавесом»), и уровнем материально-технического оснащения архивов.

Отметим, что позитивные и негативные изменения в преподавании в значительной мере были связаны с именами тех или иных руководителей института и кафедр, уровень знания, индивидуальность, общественный вес и специальность которых, конечно же, играли и продолжают играть решающую роль. В разные годы приходилось нередко наблюдать, как профессиональный эгоизм некоторых недалеквидных руководителей приводил к неоправданным перекосам в общем объеме лекционных курсов и других аудиторных занятий.

Новые возможности открылись перед МГИАИ с началом перестройки. Хорошо помню это время, поскольку до 1996 г. преподавал в институте. Не касаясь судьбы ИАИ после его включения в состав РГГУ, отмечу, что с 1985 г. был свидетелем и участником не одного десятка весьма бурных и поучительных обсуждений, на которых пытались выработать обновленную концепцию специальности «Историко-архивоведение». Помню, что выделались два направления (может быть, их было больше, но это тема специального исследования). Одно из них выдвинуло руководство института, где преобладали специалисты по всеобщей истории, истории СССР, являвшиеся, как правило, выпускниками других вузов, чаще всего МГУ. Другое представляли отдельные архивисты и археографы, прошедшие школу МГИАИ (в одну из групп вошли Т.М. Горяева, Е.М. Добрушкин и я, а sporadическую помощь оказывали и другие преподаватели архивоведческих и специальных кафедр). Поскольку в основу обсуждаемого программного комплекса легли предложения первого направления, то попытаюсь кратко изложить суть взглядов второй группы.

Дальнейшее наращивание фактографического материала и количества лекционных часов в архивной и исторической частях специальности непродуктивно, как и увеличение объема материала в одной из них за счет другой. Все это только усиливает раздвоенность специальности и ведет в конечном счете к диспропорции. Следовало учесть и то, что исторические факультеты других вузов, в том числе истфак МГУ, используя опыт МГИАИ и его выпускников, все более активно насыщали свои учебные планы источниковедческими и архивными дисциплинами. А это нивелировало облик выпускников-историков и, главное, снижало конкурентоспособность МГИАИ в борьбе за абитуриента. Необычно маленькие в сравнении с прежними конкурсы в современном ИАИ РГГУ – прямое тому доказательство. Мы предлагали двигаться путем дальнейшей, более органичной интеграции составляющих специальность блоков. Не теряя завоеванного, уходить от сугубо прикладного содержания архивоведческих и некоторых вспомогательных исторических дисциплин в сторону теории и методики, вплоть до их философских аспектов. Исторические дисциплины – всеобщая история, история СССР – России, историография и другие – должны преподаваться не столько в виде уже готового результата (точнее – единственной модели) всемирного или регионального исторического процесса, сколько в виде динамично развивающегося знания, базирующегося на постоянно расширяющемся корпусе исторических источников (археологических, архивных, историографических, лингвистических, этнографических, на новейших носителях и др.). Следовало также учесть, что абитуриент, приходя

в вуз с уже конспективным знанием всеобщей истории и истории своей страны, сдает вступительные экзамены по истории СССР – России и в течение двух лет вновь изучает тот же самый материал, отличающийся от школьного только объемом и подробностями. Ни методологически, ни концептуально, ни философски высшее историческое образование не дает ничего нового по сравнению с российской школьной подготовкой. Поэтому предлагалось, решительно уходя от «школярской» истории, перенести акцент на изучение всего комплекса методов исторического познания во взаимосвязи с разнообразием исторических источников, предположим, по истории Франции, в архивах не только этой страны, но и за ее пределами, в том числе и у нас. И так по всем основным регионам, включая Россию, по истории которой значительное количество источников ныне находится в странах дальнего и ближнего зарубежья. Таким образом, речь шла об «архивизации» и «методологизации» (если позволительно так выразиться) исторических дисциплин. Важно обратить внимание на то, что здесь имеется в виду не история архивов СССР и зарубежных стран, которая давно и с успехом преподавалась в МГИАИ, а восхождение от первоисточника, документа к разнообразию методов познания исторического процесса применительно к конкретной стране и эпохе, к мировому процессу в целом. Иначе говоря, и источниковедение должно было выйти за рамки корпуса источников СССР – России. В то же время в архивоведческие дисциплины предлагалось внести дух большей концептуальности за счет расширения философских и теоретических разделов, связанных с проблемами информации, истории языков и систем письменности, других видов коммуникации, социологии, психологии, теории государства и права, философии истории. И поскольку в основе специальности «Историко-архивоведение» лежат понимание и толкование текста, слова, знака, смысла, коммуникации различных эпох и культур, необходимо дальнейшее обогащение и источниковедческих дисциплин за счет достижений герменевтики, социолингвистики, семиотики, семасиологии и культурологии. Разумеется, такое интегрирующее обогащение глубинной сущности специальности в первую очередь потребовало бы обновления и пополнения знаний самих преподавателей, а главное, изменения уровня мышления руководителей всех звеньев.

Вышедшие в 2003 г. государственный образовательный стандарт по специальности 020800 «Историко-архивоведение» и примерные программы ее дисциплин отражают возобладавшую в конечном счете точку зрения, а также значительное продвижение в деле подготовки специалиста, отвечающего требованиям нового времени. Многие аспекты того, о чем говорилось выше, можно сейчас обнаружить в отдельных программах архивоведческих и источниковедческих дисциплин. Но поскольку мне ближе исторические курсы, я позволю себе остановиться на некоторых из них.

Наиболее значительны по объему часов и содержанию программы общепрофессиональных дисциплин, в частности «Всеобщей истории» (под общ. ред. д-ра ист. наук, проф. Н.И. Басовской). Это не случайно, если учесть, что в основе концепции современного ИАИ заложена доминанта именно исторического «крыла» специальности. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на количество часов, выделяемых для исторических, источниковедческих или архивных дисциплин. Курсы по «Всеобщей истории» или «Истории России» (авт.: д-р ист. наук, проф.

А.Б. Безбородов, д-р ист. наук А.Б. Каменский, д-р ист. наук, проф. А.П. Логунов и др.) в 3 – 4 раза превышают по объему лекционных, семинарских и практических занятий любой из других курсов. (Напомню, что в советское время все исторические науки и лекционные курсы выстраивались на основе марксистско-ленинского подхода по общественно-экономическим формациям. На заре перестройки историки МГИИИ первыми в стране попытались отойти от советских, грубо идеологизированных схем исторического процесса.) Как всегда в таких случаях, авторы оказались перед выбором из нескольких вариантов.

Оставляя в стороне содержание учебной программы по всеобщей истории, чрезвычайно насыщенной фактическим материалом, позволяющим дать емкую картину всемирно-исторического процесса, отметим только, что в основе курса лежит так называемый цивилизационный подход, теоретические принципы которого были разработаны в начале XX в. О.Шпенглером и А.Дж. Тойнби. Как и старая советская схема построения курса, он имеет свои плюсы и минусы, главным образом методологического и историософского характера. К достоинствам следует отнести то, что выделение цивилизаций позволяет рассматривать каждую культурно-историческую единицу как равноценную, имеющую неповторимую историческую судьбу и индивидуальный культурный облик, а к недостаткам – то, что идея общечеловеческого прогресса и преемственности выводится за скобки или вообще ставится под сомнение. Значительные проблемы возникают и в трактовке содержательной стороны понятия «цивилизация», особенно применительно к истории Нового и Новейшего времени. Понятно, что положительные и отрицательные стороны взятого за основу методологического принципа не могли не отразиться на программе курса всеобщей истории. В целом ее авторам достаточно последовательно удалось провести идею указанного подхода по отношению к древним и средневековым цивилизациям, а в его рамках – и идею прогресса. При этом, если в советской исторической науке единая общечеловеческая цивилизация восходила по ступеням общественно-экономических формаций к всеобщему интернациональному единству, то в избранной авторами программы модели человечество посредством серии рождающихся и умирающих цивилизаций восходит к «универсальной западной цивилизации» (С. 104). И в науке, и в преподавании подобный европоцентристский взгляд вполне допустим, но при условии понимания студентом, что это всего лишь один из вариантов трактовки всемирно-исторического процесса. Однако из текста рассматриваемой программы это никак не следует. Поскольку речь идет о преподавании студентам, не всегда готовым к критическим оценкам, то можно допустить догматическое восприятие ими идеи «европеизации» мира (С. 94), как в советское время воспринималась в качестве «единственно научной» идея «советизации» мира. Так, уходя от одного идеологического клише, можно оказаться во власти другой догмы. Представляется, что весь исторический опыт человечества убедительно свидетельствует о культурной равноценности и состязательности (конкурентности) отдельных цивилизаций, среди которых всегда выделяются группы лидирующих государств или единственный лидер. Не так давно по историческим меркам это были государства Азиатского, Североафриканского и Средиземноморского регионов. На наших глазах мировая гегемония перешла от западноевропейских государств к СССР и США, а ныне – только к США. В итоге у будущего выпу-

скиника можно воспитать малопродуктивный комплекс европоцентристского высокомерия. Идея «осевого времени», как и некоторые историософские модели, объясняют лишь отдельные аспекты исторической реальности и не могут представляться учащемуся как раз и навсегда данные, единственно верные и исчерпывающие. Еще раз подчеркну – есть реальная опасность замены недавнего «марксистского» догматизма каким-либо еще.

Программа дисциплины чрезвычайно насыщена и даже перегружена. В ней присутствуют не только многочисленные подробности истории разных стран, но и масса имен государственных лидеров, деятелей культуры и науки, огромное количество новых политологических понятий. Нашли отражение даже «борьба с наркотиками, СПИДом, тоталитарными и религиозными сектами» (С. 135). Однако странно, что совершенно не освещена история таких государственных образований (по терминологии авторов, «цивилизаций»), как раннесредневековая Монгольская мировая империя, нет даже упоминания об истории Персии – Ирана между завоеваниями Александра Македонского и XV в. н. э. О первой «евразийской», Монгольской мировой державе студент узнает только в связи с историей средневековых Китая (С. 90), Индии (С. 97) и России, правда, уже из курса истории России. Совершенно непонятно, почему обойдена история Персии, положившей предел экспансии Римской империи на Восток (это факт всемирно-исторического значения), а позже оказавшей значительное религиозное, культурное и разрушительное воздействие (как и все цивилизации) на обширный Кавказско-Переднеазиатский регион. В программе нет даже упоминаний таких государств, как Австралия и Новая Зеландия, пунктирно обозначена история Африканского континента как до, так и после распада колониальной системы. Если проследить во времени смену масштабов и углы обозрения отдельных регионов земного шара, то становится особенно отчетливо видна европоцентристская заданность курса – наиболее детально и логично представлена история именно Средиземноморско-Европейского региона.

Если из программы курса «Всеобщей истории» отчетливо видна европоцентристская доминанта, то из «Истории России» следует, что центр нашей мировоззренческой вселенной не столько в Западной Европе, сколько в Европейской части России. В интерпретации авторов программы наша страна до конца XIX в. предстает самодостаточным, замкнутым и успешным миром. И вновь отмечу, что если бы авторы этого конкретного курса (или всего сборника программ в целом) объяснили, что они сторонники именно такого, слегка лакирующего историю России подхода, но что есть иные, менее убедительные или порочные, с их точки зрения, модели исторического развития и что студент имеет право излагать на контрольных занятиях разные варианты, то доказательств подлинной демократизации в преподавании истории в ИАИ не потребовалось бы.

Тем не менее с удовлетворением можно констатировать, что рассматриваемая программа выгодно отличается от прежних насыщенностью новым фактическим материалом, введением ранее игнорировавшихся разделов и проблем, более взвешенными оценками и интерпретациями. Последнее особенно замечено в разделах, посвященных истории XX в.: сталинская реформа, политические партии и становление парламентаризма в России, Белое движение, история политической эмиграции и ее роль в сохранении традиционной культуры, большевистская политическая оппозиция сталин-

скому режиму, распад СССР и др. Но, высвечивая новые проблемы, авторы, по извечной нашей привычке бросаться из одной крайности в другую, постарались «притушить» роль революционных движений в истории дореволюционной России, преувеличить просветительскую и конструктивную роль царизма. Справедливо делая существенный акцент на значении русской культуры, они совершенно обошли вниманием культуру народов, включенных в состав России – СССР, и их вклад в современную общероссийскую синкретическую культуру. В процессе знакомства с некоторыми разделами программы иногда кажется, что читаешь проспект официального учебника начала или конца XIX в. Вырисовывается настолько благостная картина истории «народа» России под властью Романовых, что в ряде мест почудилось суфлерство тени графа Уварова. Оказывается, в истории России вообще не было восстания под предводительством Разина и многих других национальных войн и народных волнений, а время правления Екатерины Второй – Золотой век русской истории. Именно так, «золотой», без кавычек и объяснений, озаглавлен раздел, посвященный ее царствованию. Поскольку авторы программы очень часто сводят историю страны к роли конкретной царственной особы, то было бы хорошо, чтобы взгляды на роль личности в российской истории не только их, но и других исследователей стали известны учащимся. Там, где речь заходит о личности, неизбежно встает вопрос и о морали власти, воплощаемой личностью. А моральная сторона государственной деятельности и частной жизни, например, «матушки-царицы Екатерины», как известно, в высшей степени сомнительна (узурпатор, убийца мужа, коварная ханжа, развратница и т. д.). Вообще ни в одной из программ нет даже намека на открытое обсуждение моральных критериев при оценке тех или иных событий, людей и их деяний. Если авторы убеждены, что в истории цель оправдывает средства, то стоило так и написать или объявить, что они придерживаются «объективистского» взгляда. В советское время классовый «объективизм» (а по существу, государственная идеологема) постоянно декларировался. На самом же деле авторы программы дисциплины «История России» досоветского периода демонстрируют причудливую смесь «имперской» и «либерально-консервативной» точек зрения. В результате получается, что восстание декабристов – это всего лишь движение за один из возможных исторических путей развития страны, а не первая попытка интеллектуалов того времени насильственным, революционным путем изменить ход истории. Оказывается, самодержавная власть целенаправленно и поэтапно вела реформаторскую и просветительскую, цивилизационную работу со своим народом (по-видимому, только с русским, поскольку о других народах империи практически ничего не говорится), а в 1917 г. произошел внезапный «цивилизационный слом». С последним понятием мы встречаемся только в этой программе по отношению к Октябрю 1917 г. и построению большевистского социализма. Этого термина нет ни в программе по всеобщей истории, ни в программах других общепрофессиональных дисциплин. Но если революция 1917 г. и последующие события вызвали «слом», т. е. противоестественное отклонение, исторический «вывих» в сторону от ранее восходившего цивилизационного процесса, то неясно, почему авторы не считают такими же явлениями Смуту конца XVI в. или развал СССР и перестройку конца XX в.? Сюда же можно отнести и петровский «слом» русской истории. Не удалось найти упоминания и о том, что Российская империя

формировалась не только как многонациональная континентальная держава, постоянно ведущая агрессивные колониальные войны, но и как многоконфессиональное общество, сумевшее на протяжении тысячелетия не затеять ни одной значительной религиозной войны. Наиболее удачной частью, с моей точки зрения, является история Советского Союза и России XX – XXI вв. Пожалуй, именно в этом разделе авторам удалось представить конспект хорошо сбалансированной и многоаспектной истории страны. Конечно, и здесь можно поспорить о том, насколько значимы оказались те или иные имена и почему. Например, отмечается творчество В.С. Высоцкого, но не упоминается имя не менее талантливого Б.Ш. Окуджавы, первым взломавшего послевоенный лед официальной культуры.

Не имея возможности подробнее остановиться на программах других учебных дисциплин, позволю себе отметить только программы курсов «Теория и методология истории» (авт.: д-р ист. наук, проф. О.М. Медушевская, канд. ист. наук, доц. М.Ф. Румянцева) и «История исторической науки» (авт.-сост. д-р ист. наук, проф. В.А. Муравьев). Если первая дисциплина в советское время практически не преподавалась или была представлена в виде псевдонаучного суррогата под названием «Теория и методология марксистско-ленинской исторической науки», то «Историография» преподавалась все годы существования МГИАИ. В первой программе авторы, располагая очень небольшим объемом лекционных часов, по крайней мере, обозначают важнейшие историософские школы и направления Нового и Новейшего времени. Исходя из собственного опыта чтения похожего курса, можно предложить вынести проблемы методологии исторического познания во вводный раздел курса источниковедения, сосредоточившись не только на так называемых научных концепциях исторического развития, но и на религиозных и иных моделях. Причем не только иудейско-христианских, но и исламских, буддийских, конфуцианских, мистических, атеистических, естественно-научных, претендующих на объяснение исторических и социальных феноменов и даже псевдонаучных, типа Морозова – Фоменко, включая нацистские, расистские и иные. Представление об историософском разнообразии и взвешенная критика наиболее экзотических и одиозных моделей не только бы сыграли большую просветительскую роль в условиях естественного и очень явного давления религиозного обскурантизма и агрессивных идеологов, но и сняли проблему идеологической заданности представленного в сборнике пакета программ курсов по различным разделам истории, о чем говорилось выше. Что касается «Историографии», то именно ее авторам удалось уйти и от российско-центристской модели развития исторической науки, ввести забытые или неизвестные у нас имена и историографические школы и отойти от господствовавшего ранее библиографического стиля описания трудов историков, в ряде случаев добиваясь очень высокого уровня историографического обобщения. Конечно, и к этой программе можно сделать сходные с предыдущими замечания, но в целом программа дисциплины «История исторической науки», с моей точки зрения, получилась одной из самых целостных и проработанных. Надеюсь, что и реально читаемый курс отличается этими же достоинствами. То же самое относится и к другим упомянутым здесь курсам, ведь преподавание – это вечно живое творчество и постоянная импровизация. Даже самая лучшая программа – это всего лишь омертвевший след, зафиксировавший успехи и неудачи уже проделанной работы.

Т.М. Горяева: Данное издание – результат многолетней работы РГГУ по формированию полноценной учебно-методической базы для всех специальностей, включая «Историко-архивоведение». Публикация корпуса примерных программ учебных дисциплин вызвана необходимостью выработки единой концепции подготовки специалистов этого профиля многочисленными отделениями и кафедрами, образовавшимися в последнее время за пределами РГГУ. Расширение количества вузов, выпускающих историков-архивистов, порождено как объективными причинами экономического свойства, так и размыванием образовательной структуры Историко-архивного института, который раньше обеспечивал подготовку высококлассных специалистов и был широко известен не только в нашей стране, но и за рубежом.

Стремление университета «собрать камни» и вернуть утраченные приоритеты вызывает одобрение и поддержку. К тому же подход, использованный авторами программного цикла и сформулированный в предисловии, позволяет надеяться на то, что заложен серьезный фундамент для формирования необходимого образовательного баланса в получении гуманитарного знания и профессиональных навыков. Это обеспечивается наличием двух блоков дисциплин – общепрофессиональных и специализированных, с установкой на то, что «данные примерные программы должны послужить основой для разработки авторских программ по каждой из дисциплин» (С. 5). Тем самым составители определили главные преимущества работы – ее качество и универсальность, нормативно подтвержденные экспертизой Министерства образования Российской Федерации, с одной стороны, и творческую заостренность – с другой.

Программный комплекс воспринимается как целостный и продуманный цикл учебных дисциплин, обеспечивающий эволюцию познания от общеисторических знаний к теоретико-методологическим и узкопрофессиональным дисциплинам. Общая идея миросистемного анализа, рассматривающего историю не как совокупность отдельных феноменов, а как единую систему взаимоотношений всех ее субъектов, прослеживается во многих авторских программах дисциплин и заслуживает самых высоких похвал. Еще одно их положительное качество – это индивидуальность курсов и вытекающая отсюда оригинальность подачи материала. Таким образом достигается главная цель учебного процесса – познавательный эффект, реализуется стремление студента к обучению.

Однако другой стороной проявления индивидуальности в трактовке учебного материала является сильно выраженная субъективность, наиболее характерная в отношении событий новейшей истории. Так, если программа курса «Источниковедение» (авт.: д-р ист. наук, проф. О.М. Медушевская, д-р ист. наук, проф. В.А. Муравьев, д-р ист. наук, проф. В.В. Кабанов и др.) носит весьма консервативный в лучшем смысле этого слова характер, то программа курса «История архивов России» (авт.: канд. ист. наук, ст. преп. С.Д. Воронин, канд. ист. наук Т.И. Хорхордина) чрезмерно политизированна. В итоге впечатления от каждой из программ в отдельности слишком неравноценные, чтобы считать их закономерными.

Неравноценны программы курсов и по глубине проработки основных разделов, что, на первый взгляд, объясняется разной степенью значимости и «категорией» курса, влияющей на соотношение часов того или иного предмета в учебном плане. Однако это не так. Например, неоправданно схе-

матичными выглядят программы специальных дисциплин архивоведческого направления, существенно проигрывающие блоку историко-методологических курсов.

Обращает на себя внимание еще одна характерная особенность программ специальных дисциплин – общность предметов и объектов исследования. Всем известно основополагающее значение базовых понятий и терминов в теоретико-методологическом разделе учебного курса научной дисциплины. Поэтому для наук и научных дисциплин, предметы и объекты которых пересекаются частично или совпадают, вопросы терминоведения, наверное, следовало бы выделить в самостоятельный курс, одно время читавшийся на кафедре архивоведения ИАИ проф. Э.И. Хан-Пирой. Во всяком случае, пока многие программы начинаются с одних и тех же определений: «документ», «исторический источник» и пр.

Наиболее ценной и информационно насыщенной частью каждой программы является характеристика учебно-методического обеспечения курса, оформленная в соответствии с ГОСТом и поделенная на разделы – источники, учебные и методические пособия, основная и дополнительная литература, справочники. Здесь, наряду с не вызывающими возражений историографической классикой и полемическими работами последнего периода, все же отмечается неоправданный перекося в сторону вторичной информации. Хотелось бы пожелать, чтобы при переиздании составители сборника проявили большую эрудицию, ведомственную отстраненность и тщательность в работе с библиографическим материалом. Надеюсь, что опечатка в моей фамилии, встречающаяся в нескольких разделах, – досадное исключение.

Отмечая качественно новый этап в подготовке профессиональных архивистов, можно мечтать о том, что в результате многолетних усилий профессорско-преподавательского состава университета по созданию всеобъемлющего образовательного комплекса и формированию новых представлений об истории и глобальной информационной среде выпускники РГГУ наконец придут на работу в архивы и смогут на практике продемонстрировать эффективность созданной образовательной системы. Современные архивные учреждения, оснащенные компьютерной техникой, сотрудничающие с академическими структурами, вузами, ведущими музеями мира, средствами массовой информации, продюсерскими компаниями и фондами, остро нуждаются в омоложении кадрового состава и с нетерпением ждут нового поколения.

Т.В. Батаева: Положительно оценивая большую и плодотворную деятельность коллектива преподавателей и ученых РГГУ по подготовке, унификации и структурированию сборника примерных программ федерального компонента в целом, хотелось бы высказать мнение по существу некоторых из них.

Мое внимание как специалиста привлекла примерная программа дисциплины «Археография» (авт.: д-р ист. наук, чл.-корр. РАН В.П. Козлов, канд. ист. наук В.В. Крылов, д-р ист. наук, проф. А.Д. Степанский).

В первую очередь необходимо отметить явное несоответствие между структурой курса, его целями и задачами и построением учебной программы. Так, по мысли авторов, курс состоит из трех блоков (теория археографии, ис-

тория и современное состояние археографии, археографический фонд исторической науки), согласно которым сформулированы его цели и задачи. Однако целей оказалось только две (всего курса и исторического раздела в отдельности), а задачи (связанные лишь с раскрытием проблематики и основного содержания археографического фонда) воспринимаются как самостоятельная цель (С. 539). Структура программы курса также не учитывает его деления на три части, поэтому добраться до характеристики археографического фонда, его проблематики и особенно содержания непросто.

В программе девять разделов, четыре из которых, теоретического порядка (на них отводится 24 лекционных часа, при этом непосредственно на организационные, методические и технологические основы подготовки документальной публикации – всего два часа), предшествуют историческому циклу. Ему (раздел 5, состоящий из трех тем) отведено 18 часов, а далее следуют разделы 6 – 8, посвященные публикациям исторических источников по истории России XI – XX вв. Очевидно, в них раскрываются проблематика и содержание археографического фонда (на лекции выделено 14 часов), но тогда так и стоило назвать эту часть программы. Это было бы логичнее, поскольку в разделе «Учебно-методическое обеспечение курса» перечень публикаций озаглавлен именно как «Археографический фонд России» (С. 563 – 565). Правда, в нем названы всего 84 публикации документов XVIII – XX вв., изданные в советское и последующее время, и его нельзя признать полным (отсутствуют многотомные издания «Профсоюзы СССР», документов КПСС, ВЛКСМ и др.) даже применительно к советскому периоду. Кроме того, в археографический фонд России должны входить и дореволюционные издания.

К сожалению, в этой наиболее насыщенной части программы, посвященной характеристике отечественного археографического фонда, не выдерживается единый порядок группировки материала. В разделе 6 публикации сгруппированы по происхождению, виду (нарративные источники, юридические и делового характера) и по тематическому признаку (история общественных объединений), в разделе 7 – то по тематике (политической и социально-экономической истории, внешней политике и т. д.), то по происхождению (публикации документов императоров, высших и центральных государственных учреждений), а в разделе 8 – в основном по хронологии (1917 г., конец 1917 – начало 1920-х гг., начало 1920-х – середина 1950-х гг. и середина 1950-х – начало 1990-х гг.). Правда, и здесь единый принцип не выдержан: последняя тема посвящена публикациям по истории литературы советского периода, а издания постсоветского времени в ней отсутствуют.

Итак, заявка авторов на то, что курс состоит из трех крупных блоков, не реализована. Очевидно, следовало выделить соответственно трем блокам три части, а внутреннюю систематизацию публикаций осуществить более последовательно.

Критически воспринимается и важнейший раздел программы «Основы археографической теории». Первая его тема, отведенная объекту и предмету археографии (С. 541), по существу не раскрыта (выделено 2 часа лекций). Это совершенно необоснованно, если вспомнить дискуссию по поводу статьи В.П. Козлова в журнале «Отечественные архивы» в 2001 – 2002 гг. Именно вопрос об объекте и предмете археографии оказался цент-

ральным в полемике, позиция автора была серьезно атакована и скорректирована, в частности председателем Археографической комиссии РАН С.М. Каштановым. Весьма полезно было бы дать в программе определения, а не делать их «фигурой умолчания». В характеристике следующей темы, посвященной взаимосвязям среды, документальной публикации и принципам выявления документов для издания, удивляет используемая авторами терминология («принципы горизонтального, вертикального и разломного зондирования» и др.), а кроме того – отсутствие принципов полного выявления документов, зависимости от типа издания. Нельзя признать оправданной замену общепринятого термина «отбор документов к печати» на восемь критериев «фильтрации документов» (С. 541). Формулировки этих критериев ультрасовременны (например, «критерий звенности документа в документационном ряду», «критерий системности документа», «критерий многополярности документа», «критерий сложения и разложения документов» и т. п.), но далеки от конкретных исторических приемов отбора, нуждаются в серьезном разъяснении и обосновании. Удивительно, что в названии темы 2 (С. 541) упоминается только выявление документов для публикации, хотя в распределении часов курса (С. 558) эта тема сформулирована традиционно: «Основные критерии и принципы выявления и отбора документов для документальной публикации». Вряд ли будут понятны специалистам включенные в программу принципы «гармоничности систематизации документов в документальной публикации» (С. 541), «заданной точности передачи текста документа» и «точности воспроизведения текста документа», а также «регистрации текстов документов» (С. 542). К сожалению, не учтена доброжелательная критика о неприемлемости термина «конвой», введенного в археографию взамен термина «научно-справочный аппарат». Зачем нужна эта терминологическая революция (как справедливо отметил С.М. Каштанов), если неудачный термин, уже введенный в кодикологию Д.С. Лихачевым, оказался и там неуместным и, по крайней мере, неточным (ведь в кодикологии верен термин «литературное окружение»)? В археографию же авторы программы вносят этот термин совсем с другим смыслом, не раскрывая при этом его сущности. В конечном счете после ознакомления с подобными новациями у опытного археографа закономерно возникает сомнение в их необходимости.

Освещение вопросов типологии документальных публикаций в отличие от других, на мой взгляд, удалось. Авторы сумели преодолеть прежнее разнобразие деления на типы, виды, формы публикаций и классифицировать документальные публикации соответственно цели, характеру подбора документов, способу воспроизведения текстов, форме воспроизведения и степени утраты документацией первоначальной целевой функции (С. 542 – 543).

Стремление авторов программы придать курсу философское осмысление негативно сказалось на разделе, раскрывающем взаимодействие документальной публикации и общественного сознания. «Вторжение в прошлое, познание прошлого» свойственно не только документальной публикации, но и всей исторической науке, напротив, «стержень исторического познания» в качестве необходимого элемента определения документальной публикации присущ далеко не всем публикациям.

Неуместна в этой философской среде формулировка «Модель документальной публикации и ее калибровка». Ведь с точки зрения бытующей ар-

географической терминологии слово «калибровка» совершенно инородное, неясное по сути.

О разделе 5 «Отечественная археография: история и современность» недостаточно сказать, что он скуп и безлик, особенно в той части, где речь идет о XX в. (С. 546 – 548). Он обезличен, здесь названы только партийные лидеры (Л.Б. Каменев, Л.Д. Троцкий) наряду с М.Н. Покровским, М.С. Ольминским, Б.И. Николаевским, В.И. Невским и Д.Б. Рязановым, но это, как известно, первое десятилетие советской власти. Авторы программы не упомянули ни С.Н. Валка, ни П.В. Софинова, ни одного ведущего археографического центра, ни ВНИИДАД, сыгравший свою роль в развитии теории и методики археографии, переиздании общесоюзных правил публикации исторических документов. Об Историко-архивном институте – одна скупая фраза, не вполне ясная по содержанию (С. 547). А ведь здесь, как известно, была создана первая в стране кафедра археографии, защищались диссертации по этому профилю. Небольшой коллектив в 1955 г. подготовил единственную «Хрестоматию» (она включена в список литературы без указания фамилий составителей), написал историю археографии – советской и дореволюционной (эта работа тоже вошла в библиографический список без указания фамилий авторов), первое «Методическое пособие по археографии». Члены кафедры входили в состав разработчиков первых «Правил издания исторических документов» (М., 1955), где ведущую роль играли С.Н. Валк, Институт истории СССР АН СССР и Главархив СССР. Это важное напоминание потому, что история археографии не может преподаваться без персоналий, без раскрытия роли археографических коллективов. Такие фразы, как «археографическая мысль 1920-х годов», «археографическая мысль 1930-х годов», бессмысленны без упоминания конкретных лиц, раскрытия сущности этих идей. Думаю, что все это не ново для авторов программы, каждый из которых определенное время заведовал кафедрой археографии в ИАИ. Говоря о планировании (1950 – 1980 гг.) публикаций, авторы почему-то не упоминают присущую тому времени координацию деятельности архивов и академических институтов СССР, давшую значимые результаты, а выделяют только документальные издания, подготовленные совместно с научными учреждениями зарубежных стран.

Возражения вызывает объединение в рамках одного периода археографической деятельности 1950 – 1980 гг. (С. 548). По смыслу получается, что издание учебных пособий, появление работ по теории и истории археографии в середине 1960-х гг. началось после перестройки. Вряд ли оправданно выделение периодов: 1917 – 1920 гг.; 1920-е гг.; 1930 – 1940 гг., куда вошел период Великой Отечественной войны, ставший особенным в археографии. Внутри периода 1930 – 1940 гг. авторы отмечают «фактический развал "новой археографии"», а затем называют издания ИМЭЛ, редакций «История гражданской войны» и «История фабрик и заводов» в подтверждение тезиса «археография на службе тоталитарного общества». Однако это и была тогда «новая археография», что противоречит последующему утверждению об оживлении «старой» археографии – публикаторской деятельности научных учреждений АН СССР, библиотек, музеев (С. 547). Совершенно необъяснимо отсутствие упоминания в тексте Археографической комиссии АН СССР (ныне РАН) и ее «Археографического ежегодника».

Бросается в глаза скудость раздела о зарубежной археографии при наличии разработанного Г.И. Королевым соответствующего курса.

В заключение отметим, что по всему тексту программы встречаются более общие, но тоже неприемлемые терминологические новшества. Например, термином «археография» подменяется термин «документальные публикации»: «журнальная археография», «бесцензурная археография», «историко-литературная археография» и другие, а «научная дисциплина» заменена «практической деятельностью». Оформление библиографического списка не отвечает правилам: не указаны фамилии составителей, редакторов изданий, количество страниц в книгах.

Общее впечатление от программы неудовлетворительное. Она задумана и выполнена так, что сущность работы археографа не раскрыта, история не полна и не глубока, а введение новой терминологии выглядит оригинальничаньем.

Несколько о программе курса «Источниковедение», которая подготовлена высокопрофессионально, четко структурирована, сопровождается полными списками литературы (учебные издания, продолжающиеся издания) и опубликованных источников. Правда, в перечень законодательных актов (С. 385) в отношении «Декретов Советской власти» нужно внести поправку: вместо «1957 – 1989. Т. 1 – 13» написать: «1957 – 1997. Т. 1 – 15».

Мое замечание касается такой группы источников, как «Дипломатические документы», которая весьма специфична и прежде выделялась в каждом периоде истории России. В настоящей программе она присутствует только в разделе «Древняя и средневековая Русь», отдельные виды дипломатических источников разбросаны по разным темам. Так, в Новейшем времени (раздел 3) в теме 2 «Законодательные акты» помещены «Международно-правовые акты» (С. 343); в теме 5 «Делопроизводственные материалы...» дан абзац «Дипломатическое делопроизводство», а в нем – послания глав государств и правительств, ноты, меморандумы, памятные записки, дневник посла и т. д. (С. 346). Думается, что более правильным был подход В.В. Кабанова в его учебнике и главах по XX в. в учебном пособии «Источниковедение. Теория, история, метод. Источники Российской империи» (М., 1998; 2000), подготовленном в ИАИ И.Н. Данилевским, В.В. Кабановым, О.М. Медушевой, М.Ф. Румянцевой. Там дипломатические документы были представлены полнокровно, самостоятельной темой. Что касается плановой документации, то сейчас она включена в тему «Законодательные акты» (С. 343), поскольку планы развития народного хозяйства вводились после принятия их как закона. Однако при этом упущено, что план ГОЭЛРО, пятилетние и другие планы – особый вид со своей спецификой разработки, принятия, выполнения. Планирование всего развития страны в советские годы – тоже особенность нашей истории. Думается, что справедливее было бы не смешивать эти источники с другими законодательными актами.

М.В. Ларин: Комплекс примерных учебных программ по специальности «Историко-архивоведение» был с большим интересом встречен во ВНИИДАД. Наши ведущие специалисты положительно оценили сам факт концентрации в одном сборнике всех примерных программ для организации подготовки выпускников по данной специальности. Они охватывают

широкий круг важнейших и необходимых тем по каждому предмету, наполнение которых в совокупности соответствует установленным государственным стандартом требованиям к содержанию образования и модели подготовки историка-архивиста. Мне бы не хотелось здесь вступать в дискуссию о качестве подготовки историков-архивистов, их профессиональном предназначении, необходимости пополнения государственных архивов выпускниками вузов со специальной подготовкой. Уверен, что выпускники Историко-архивного института со временем придут в государственные архивы, однако их необходимо к этому целенаправленно готовить.

Пока нас тревожит снижение удельного веса архивоведческого и документоведческого образования в институте. Для всего высшего архивного образования проблема состоит в значительном расширении, подчас без должных предпосылок, количества вузов, ведущих подготовку архивистов. То же самое можно сказать и о подготовке документоведов.

Сейчас многие периферийные вузы обучают уникальных специалистов, не обладая достаточным опытом и квалифицированными педагогическими кадрами. Именно поэтому столь важным представляется появление обсуждаемого комплекса, который поможет выстроить корпоративную систему требований в рамках специальности «Историко-архивоведение» для всех участников образовательного процесса.

Это первая попытка создания весьма сложного и значимого документа. Вполне естественно, что в нем есть положения, требующие обсуждения, а иногда и уточнения.

Мы считаем, что для программ архивоведческих дисциплин характерны неоправданная политизация в трактовке определенных тем, ориентация в основном на работы преподавателей ИАИ РГГУ, а также отрыв от практики архивов. Это приводит не только к субъективизму в изложении конкретных направлений архивоведения, но и к обеднению обучения в целом, а порой и к искажению реальной картины развития архивного дела в России. Так, при всей актуальности и важности спецкурса «История архивоведческой мысли» бросается в глаза, что его программа нацелена на освещение деятельности определенных личностей, а не развития архивоведческих идей; в большей степени организационных вопросов, а не научных проблем архивного дела, что препятствует комплексному изучению поэтапного развития архивоведения как самостоятельной научной дисциплины (С. 823 – 829).

Между отражающими архивную сеть дисциплинами специализации («Государственные и ведомственные архивы», «Негосударственные архивы», «Научно-технические архивы», «Аудиовизуальные (электронные) архивы»), к сожалению, отсутствует внутренняя связь, трактовка же электронных архивов только как части аудиовизуальных неверна по сути. К тому же сам термин «электронный архив» носит дискуссионный характер, он не проработан ни теоретически, ни практически.

Далеко не во всем удачны программы федерального компонента блока общепрофессиональных дисциплин, имеющих основополагающее значение для подготовки историка-архивиста. Например, программа курса «История архивов России» практически не раскрывает современное (после 1993 г.) состояние отечественных архивов, науки об архивах и их деятельности (С. 457). В учебной программе недостает сведений о преобразованиях ар-

хивной сети, основных направлениях архивного дела, которые не восполняет весьма фрагментарный список литературы ко второму разделу.

Нельзя признать достаточно полными и некоторые разделы программы курса «Теория и методика архивного дела». Здесь обойдены вниманием основные вопросы, касающиеся сущности экспертизы ценности документов и комплектования архивов (С. 474), недостаточно источников в библиографическом списке (С. 498 – 499). Стремясь передать студентам оптимальный объем современных знаний в области научно-справочного аппарата (НСА) к архивным документам, нельзя упускать из виду, что теоретические основы классификации в архивоведении не ограничиваются только классификацией архивных документов (С. 475). Принципиально важна и классификация документной информации Архивного фонда. Это важнейшее положение обосновано и закреплено в монографии К.И. Рудельсон «Современные документные классификации» еще в 1973 г. Включив ее в список основной литературы по учебной дисциплине, составители программы сосредоточились на «развитии идей научных классификаций в Европе и их влиянии на отечественное архивоведение» (С. 475) и совершенно обошли вниманием вопросы теоретической разработки классификационных построений в нашей стране. При этом они допустили ошибку, перечисляя основные классификационные единицы Архивного фонда Российской Федерации: как известно, это – архивный фонд, единица хранения (дело) и документ. По мнению специалистов ВНИИДАД, программа должна включать положения об описании архивной документной информации, дифференцированном описании как универсальном методе преобразования (уплотнения, сжатия) архивной документной информации на всех этапах работы с ней в архивах, оптимальных пределах сжатия информации, элементах, форматах, унификации и стандартизации описания. В нынешних условиях развития автоматизированных информационно-поисковых систем эти положения принципиально важны. В программе курса необходимо предусмотреть целенаправленное изучение методики подготовки автоматизированного НСА к документам архивов. Кроме того, студенты должны получать представление о возможных и целесообразных путях повышения информативности отдельных элементов НСА, в первую очередь архивной описи – базового архивного справочника, от качества которого зависят эффективность поиска архивной документной информации и качество подготовки других архивных справочников. То же самое относится и к каталогам, при создании которых необходимо уделить больше внимания современным методам индексирования каталожных карточек. Вряд ли составители программы не осведомлены о том, что в настоящее время в архивной отрасли заканчивается создание универсального Единого классификатора документной информации Архивного фонда Российской Федерации, ведь об этом были публикации в отраслевых периодических изданиях, доклады на научных конференциях. Для совершенствования текста программы можно воспользоваться и научным докладом «Описание архивной документной информации. Теория и методика», подготовленным сотрудниками ВНИИДАД и депонированным в СИФ ОЦНТИ по документоведению и архивному делу. Думается, что студенты нуждаются в новейших и полных представлениях о перспективах развития классификационных систем в архивной отрасли.

К сожалению, вопросы учета и обеспечения сохранности архивных документов тоже отражены в программе в отрыве от современной науки и отечественного опыта. Характеристика системы учета архивных документов обрывается на 1970 – 1980-х гг. и не включает централизованный учет на базе программных комплексов «Архивный фонд» и «Фондовый каталог». А многоаспектная и важная проблема обеспечения сохранности архивных документов попросту отсутствует в данном разделе.

Работники института особо отметили терминологические огрехи программы. Так, в разделе, посвященном классификации архивных документов, «Архивный фонд КПСС» неверно назван «Партийным архивным фондом СССР» (С. 476). В разделе о НСА к архивным документам тоже встречаются некорректные формулировки. Например, слишком общее понятие «система» должно быть заменено на «система НСА»; «первичная информация» – на «первичная документная информация»; «вторичная информация» – на «вторичная документная информация» (С. 481), «сущность дифференцированного уровня описей» (С. 483) – на «сущность дифференцированного описания на уровне архивной описи».

План подготовки историка-архивиста включает специальную дисциплину «Историческая эвристика», предназначенную для формирования у студентов целостного понимания особенностей создания, распространения и выявления источников информации по гуманитарным наукам. Здесь вопросам организации поиска архивной документной информации должно быть отведено значительное место. Однако в реальности архивы упомянуты в программе лишь однажды, наряду с другими информационными и информационно-культурными центрами (С. 619). Данная программа не раскрывает ни алгоритмов поиска архивной документной информации, ни порядка его организации, ни методики выявления архивной информации и оформления ее результатов, а значит, основного компонента, ради которого она и создавалась, т. е. программа не раскрывает специфику поиска ретроспективной документной информации.

В примерной программе дисциплины «Автоматизированные архивные технологии» полностью проигнорирован опыт создания АСНТИ по документам ГАФ СССР коллективом ВНИИДАД, не упоминаются разработки института в этой области. Кроме того, АСНТИ по документам ГАФ СССР ошибочно названа «Автоматизированной системой научно-технической документации (АСНТИ) на основе Центрального фондового каталога (ЦФК) Государственного архивного фонда СССР» (С. 976). При изложении материала о межфондовых справочниках с описанием документов на уровне фонда рассматривается опыт только республиканских, областных и краевых архивов, а наиболее продуктивный вклад федеральных архивов совершенно не представлен.

Программа курса «Архивное право» не дает четкого представления о том, насколько подробно и по каким странам предполагается изучение зарубежного архивного законодательства. Судя по контрольным вопросам (п. 15), от студента требуется знание законодательства «любой страны», а это вряд ли возможно. Рассматривая проблему доступа к архивным документам в рамках темы о правовом регулировании использования информации, необходимо выделять три группы документов: общедоступные, содержащие отнесенные к государственной тайне сведения и конфиденциальную

информацию. По нашему мнению, здесь же стоило осветить формы собственности на архивные документы, права собственников на ограничения доступа к документам при их передаче на постоянное или временное хранение в архив, а также раскрыть нормативную базу рассекречивания документов, обязанности и права государственных архивов, исходя из ныне существующих законодательных и нормативных документов, права и ответственность пользователей, обращающихся в государственные архивы.

Серьезные пробелы отмечены и в содержании программы курса «Государственные и ведомственные архивы». В первой части опущен материал по государственным архивам субъектов Российской Федерации, не отражены изменения понятия «ведомственные архивы» в современных условиях, его внутренняя структура. В характеристике источниковой базы не нашлось места материалу, касающемуся приватизации, акционирования, отсутствуют сведения о классификации ведомственных архивов по формам собственности, архивах муниципальных образований. Ученые института считают, что программа курса должна учитывать новые Правила работы государственных архивов и архивов организаций (М., 2002).

Углубления и дополнения требует и программа курса «Научно-технические архивы». В первую очередь им необходимо определиться с неравнозначными понятиями «научно-технический архив» и «архив научно-технической документации», «архив, хранящий научно-техническую (техническую) документацию», границами понятия «научно-техническая документация», системностью его составляющих, классификацией НТД по носителям информации, динамикой развития понятия «НТА организаций, учреждений и предприятий». Конечно же, в программе нельзя обойти Федеральный закон о техническом регулировании и его роль для всей системы нормализации работы с НТД.

Программа курса «Аудиовизуальные (электронные) архивы» оставляет противоречивое впечатление из-за удовлетворительной проработанности до 1900-х гг. и недостаточной продуманности некоторых базовых понятий, в первую очередь «электронные документы». Специалисты ВНИИДАД считают, что настало время предложить студентам самостоятельный курс «Архивы электронной документации». В уже существующей программе неплохо было бы расширить материал о постоянно совершенствующейся структуре и сети видеоорганизаций, сети архивных учреждений, хранящих аудиовизуальные документы (федерального уровня), а список литературы пополнить правовыми и нормативными материалами.

Очевидно, что многих недостатков можно было бы избежать путем привлечения к анализу и рецензированию программ специалистов архивной отрасли и ВНИИДАД. Совместные усилия могли бы способствовать улучшению качества представленных учебно-методических материалов. Мы надеемся, что наше мнение коллеги в РГГУ встретят с пониманием и в дальнейшем мы будем активнее сотрудничать в подготовке историков-архивистов.

85-летию Екатеринбургского губархива посвящается

**«В исполкомах... сидят люди,
не признающие архивов...»**

**Деятельность архивистов по спасению документов.
1919 – 1922 гг.**

Гражданская война отсрочила воплощение в жизнь декрета СНК «О губернских архивных фондах (Положение)» от 31 марта 1919 г. на Урале¹. Екатеринбургское управление губернским архивным фондом было создано в сентябре 1919 г. (Екатеринбургская губерния выделилась из состава Пермской в июле 1919 г.² Включала территории современных Свердловской и частично Челябинской и Курганской областей, наследовала прежнюю систему внутригубернского деления на уезды и волости. Как отдельная административно-территориальная единица упразднена в связи с образованием Уральской области 3 ноября 1923 г.³)

Первоначально штат Екатеринбургского губархива состоял всего из четырех человек⁴. Однако это были беззаветно преданные, влюбленные в свое дело люди. В те годы основной и важнейшей задачей сотрудников всех губархивов, включая и Екатеринбургский, было спасение архивных документов от бездумного и бездушного их истребления. Документы подвергались варварскому использованию для бытовых нужд, в качестве сырья для писчебумажных фабрик и т. д. Тогда упорядочение и описание документов отступили на задний план. Первоочередными становились регистрация, постановка на учет и централизация архивов в помещениях, пригодных для хранения документов. У истоков выявления и собирания исторического наследия губернии стояли такие известные люди, как В.П. Бирюков⁵, А.А. Наумов⁶, Н.Г. Стрижев⁷. А первым заведующим стал выпускник Петроградского университета Борис Михайлович Липин, арестованный уже весной 1920 г. по неизвестному для нас обвинению.

В ноябре 1919 г. Екатеринбургским губархивом во все волисполкомы были направлены письма с просьбой «принять все меры к сохранению имеющихся в районе его ведения архивных материалов в виде летописей, рукописей, писем и т. п., находящихся в управлениях, монастырях, церквях, школах, имеющих огромную ценность для истории края»⁸. В газете «Уральский рабочий» 11 декабря 1919 г. опубликовано обращение «Сохраняйте архивы». В июне 1920 г. в Тобольское, Барнаульское, Омское, Пермское, Оренбургское и Уфимское управления архивным фондом разосланы запросы о наличии на территории этих губерний архивов Екатеринбурга и Урала⁹.

Постепенно формировалась и структура губархива, к январю 1920 г. состоявшего из следующих подразделов или секций: народного образования, историко-экономической, историко-революционной, внутреннего управления и самоуправления¹⁰. По мере его становления расширялись и функции, повышалась квалификация работников. Так, в июне 1920 г. в Екатеринбурге появился первый исследователь – Николай Николаевич Суханов, занимавшийся изуче-

нием документов по истории Гражданской войны¹¹. В августе того же года введена ежемесячная отчетность Екатеринбургского губархива перед Главархивом РСФСР¹². В сентябре в Москву на курсы по архивному делу отправился сотрудник губархива Иван Николаевич Сидоров¹³.

С 1 апреля 1922 г. Екатеринбургское управление губернским архивным фондом преобразовано в губернский отдел Центрархива РСФСР¹⁴, а в декабре 1922 г. – в Екатеринбургское губернское архивное бюро¹⁵.

23 июня 1922 г. отделом проведена общегородская конференция архивистов¹⁶ с целью выявления положения архивов организаций и учреждений и информирования лиц, ответственных за ведомственные архивы, о нормативных документах по архивному делу. Тогда же начались планирование работы и деятельность по использованию документов в интересах граждан (выдача справок).

С образованием в ноябре 1923 г. Уральской области Екатеринбургское губернское архивное бюро было ликвидировано, а 23 января 1924 г. вышло в свет постановление президиума Уральского облисполкома об организации Уральского областного архивного бюро¹⁷. Недолгий период существования Екатеринбургского губархива закончился. Однако он внес свою немалую лепту в архивное строительство на территории Свердловской области.

Публикуемые документы освещают героическую работу первых архивистов. В холодных железнодорожных вагонах, на лошадях, а иногда и пешком отправлялись они в самые отдаленные уголки губернии. Как детективы, выискивали следы архивных документов, перевозили архивы в губернский центр, нередко рискуя жизнью. Понимая важность своей миссии, сотрудники губархива спасали не только документы, но и книги, иконы, предметы старины, пополняя местные библиотеки и музеи.

К сожалению, их самоотверженные усилия не смогли обеспечить сохранность значительной части архивного наследия Урала. Почти во всех отчетах о командировках указано на безвозвратные потери архивных фондов.

Документы выявлены в фонде архивного отдела Свердловского областного Совета народных депутатов (Р-316). Здесь отложился достаточно полный комплекс источников, отражающих становление и развитие архивной системы региона, начиная с момента ее образования в 1919 г. В нем содержатся также документы органов управления архивным делом населенных пунктов за период существования Уральской области (1923 – 1934), находящихся ныне на территориях Курганской, Пермской, Тюменской и Челябинской областей.

В фонде разнообразные виды документов: от приказов, распоряжений, планов, отчетов, переписки, статистических отчетов до шуточных поздравлений сотрудников с Новым годом. Источники достаточно подробно освещают основные этапы зарождения и деятельности архивной системы Свердловской области.

Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии
Е. В. ШИМОНЕК.

¹ *Максаков В.В.* История и организация архивного дела в СССР (1917 – 1945). М., 1969. С. 58; ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 17. Л. 12 об.

² ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 14. Л. 46.

³ *Бакунин А.В., Плотников И.Е.* Уральская область // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 538.

⁴ ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 3. Л. 104.

⁵ Бирюков Владимир Павлович (1888 – 1971) – фольклорист, диалекто-

лог, краевед, член Союза писателей СССР. Окончил Казанский ветеринарный институт, Московский археологический институт. С 1917 по 1931 г. работал директором основанного им Шадринского научного хранилища, с 1931 по 1936 г. в Уральском областном краеведческом бюро. С 1939 г. читал лекции по фольклору и древнерусской литературе в Шадринском, Свердловском и Челябинском пединститутах. Автор 30 книг и брошюр, более тысячи статей по истории и куль-

туре Урала, организовал десятки фольклорных, географических, этнографических и археологических экспедиций по Уралу. Подробнее см.: *Панов Д.А.* Уральский краевед и писатель Владимир Павлович Бирюков. Шадринск, 1958; *Кондина Л.И.* Шадринский городской архив // Отечественные архивы. 2001. № 6. С. 73 – 82; и др.

⁶ Наумов Александр Андреевич (1865 – ?) – педагог, краевед. Окончил Казанскую духовную академию. Преподавал в Камышловском духовном училище. Член-корреспондент Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ). Организатор краеведческого музея в Камышлове. Автор работ «Камышлов и его окрестности», «Картофельный бунт в Зауралье», многих статей и заметок в периодике. С марта 1920 по май 1923 г. сотрудник Екатеринбургского губархива по Камышловскому уезду. С 1999 г. в Камышлове проводятся Наумовские чтения.

⁷ Стрижев Николай Григорьевич (ок. 1841 – ?) – предприниматель, общественный деятель, личный почетный гражданин. Родился в семье крепостных

крестьян. Окончил Московскую земледельческую школу. Имел ряд мелких предприятий в Екатеринбургском уезде: мукомольную мельницу, кузницу, гвоздарную фабрику, костеобжигательную печь, ряд рудников. С апреля 1886 г. редактор-издатель «Делового корреспондента», первой ежедневной городской газеты. Инициатор создания Екатеринбургской товарной и горнопромышленной биржи, активный деятель биржевого комитета, принимал участие в съездах золото- и горнопромышленников. С октября 1919 г. в Екатеринбургском губархиве.

⁸ ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 6. Л. 19.

⁹ Там же. Д. 5. Л. 6.

¹⁰ Там же. Л. 41.

¹¹ Там же. Д. 1. Л. 46.

¹² Там же. Л. 65.

¹³ Сидоров Иван Николаевич (ок. 1885 – ?) – сотрудник Екатеринбургского губархива. Окончил учительскую семинарию (Там же. Д. 4. Л. 133).

¹⁴ Там же. Д. 23. Л. 4.

¹⁵ Там же. Л. 70.

¹⁶ Там же. Д. 1356. Л. 159 об.

¹⁷ Там же. Д. 42. Л. 37.

№ 1

Из отчета о командировке сотрудника Екатеринбургского губархива Н.Г. Стрижева на Билимбаевский¹, Шайтанский², Хромпиковский³ и Ревдинский⁴ заводы

18 октября 1919 г.

По прибытии в каждый из названных заводов я являлся в управление заводом и предъявлял свои полномочия, и управления в лице своих представителей оказывали полное содействие к целям моего посещения. При передвижениях моих по заводам предоставляли мне заводскую лошадь. Так, из Билимбая меня бесплатно отвезли до Шайтанки, из Шайтанки до Ревды и из Ревды до Хромпика.

При объезде заводов и осмотре местных архивов, контор и других заводских учреждений я вынес следующее.

В БИЛИМБАЕВСКОМ ЗАВОДЕ* архив находится в особом здании, помещается в 24 шкафовых отделениях, но не имеет описи дел. Ключ от

* Здесь и далее выделено в документе.

первого шкафа, где должны храниться прочие ключи, потерян, а потому пришлось шкаф вскрывать при посредстве слесаря. В шкафах дела сложены без всякой системы, без обозначения годов и не по родам заводского производства.

К сожалению, в архиве не оказалось старых дел прошедшего столетия. Говорят, часть дел сгорела во время пожара в столярной, где тогда помещался архив, часть дел и указов особенно интересных изъяли из библиотеки архива бывший член заводской конторы Н.В. Воронов (теперь умерший) и бухгалтер конторы А.Я. Власов, интересовавшийся заводской стариной. Чтоб разыскать что-либо годное для моей цели, мне пришлось дело за делом перебрать все дела, извлекая из архивной пыли. При таких условиях мне удалось зарегистрировать лишь 46 деловых бумаг и производств, опись при этом представляется. Конечно, копию приказов и владельческих актов можно будет достать из Уральского горного управления⁵. Посетив бывшего управляющего заводом, теперь пенсионера, инженера-технолога Н.А. Тунева, я узнал, что и он в свое время занимался собиранием сведений о Билимбае и записал кое-что в своих трудах по этому предмету. Из его данных оказалось, что указ о разрешении постройки из Берг-коллегии* последовал в 1730 г., а завод пущен в ход в 1733 г.; у инж[енера] Тунева имеются сведения о заводской производительности Билимбае за некоторые первые годы и другие данные о заводе и его владельцах. Г-[н] Тунев охотно может предоставить свои материалы для снятия копии, если дать ему для этого соответствующие средства.

К сожалению, оставляя архив в его беспризорном положении, мне казалось бы полезным составить ему опись и привести дела в порядок. Конечно, много дел, уже потерявших интерес, можно уничтожить, но много есть таких, которые следовало бы сберечь, особенно последнего времени, начиная с пятидесятих годов. Билимбаевское заводоуправление, имея в свое время просвещенных людей, каковы: П.С. Ширин, шведы Геннин⁶ и Хусгавель, Замятин, Рогов, Тунев и др., бережет в своих архивах труды сих лиц. А если принять во внимание, что и сами владельцы в свое время были люди просвещенные и гуманные, распоряжения коих имеют следы в делах архива, то билимбаевский архив заслуживает охраны и систематизации. Советская власть, сливая Шайтанский и Ревдинский заводы в один округ⁷ с Билимбаевским, без сомнения, не раз будет обращаться к билимбаевскому архиву, где она найдет многое, достойное подражания и осуществления тех или других проектов, возникавших в Билимбаевском округе Строганова.

Осматривая другие отделы Билимбаевского заводоуправления, я могу констатировать полный разгром коллекций – минералогической и геологической, когда-то с тщанием и знанием собранных Я.А. Роговым и геологом Мельером и др. Здесь, впрочем, сохранилась геологическая карта Билимбаевских дач, которую я просил сберечь; с нее имеется копия. Там же имеется карта шести дач: Кимовской**, Ильинской, Уткинских, Билимбаевской и Шайтанской.

* Слово «Берг» вписано от руки.

** Слово вписано от руки.

В Билимбае заслуживают внимания материалы по лесоразведению и охране лесной дачи. Делом этим в свое время занимался ученый А.Е. Теплоухов*⁸.

Что касается историко-художественных произведений, то таковых в Билимбае не оказалось. Были портреты владельцев: Софии Владимировны, Наталии Павловны, Александра Григорьевича и Сергея Григорьевича Строгановых, но их в угаре Октябрьского переворота уничтожили. Сохраняются два портрета у Н.А. Тунева, но они составляют его собственность. Мне удалось приобрести уставную грамоту Билимбаевской волости, экземпляр единственный, который при этом передаю музею. <...>**

В ШАЙТАНСКОМ ЗАВОДЕ. Архив помещается в амбаре, в ряду других амбаров, хранящих заводские материалы. В амбаре у задней боковой стены имеются полки, наполненные делами, а перед ними до половины амбара дела свалены прямо на пол грудой до 1,5 [м] толщины, так что по делам этим ходят люди для того, чтобы достигнуть полок. Дела и на полках лежат без системы и порядка. Поэтому мне не удалось получить ни одного сколько-нибудь интересного дела, а между тем завод пережил и Рыжанко⁹, и Пугачева. К удовольствию моему, я разыскал у местного церковного старосты Ф.П. Злоказова брошюру о Шайтанском (Васильевском) заводе, составленную священником Топоровым. Тут есть многое, что пережили владельцы и население завода, и статистический материал. Брошюру эту г. Злоказов дал мне для ознакомления на месяц, которую тоже представляю музею. В прочих заводских амбарах ничего подходящего для меня не оказалось. Проходя заводом, между амбарами, площадью, я видел всю площадь, заваленную негодными отливками: пушками, припасами и пр. Думаю, что чугуна этого тут не менее 200 т[ысяч] пуд[ов]. Вот какое богатство.

В горном отделе тоже ничего интересного нет. Имеются два шкафа с образцами руд и друг[их] ископаемых, собранных при разведках на железные руды, но это малоинтересно, т. к. разведка производилась примитивным способом – частью шурфами, а в большинстве канавками-закопушками. Точно так же и в техническом бюро ничего нет, хотя им и заведует инженер (Вырвич).

В РЕВДИНСКОМ ЗАВОДЕ архив помещается в нижнем подвальном этаже одного из отделений конторы. Точь-в-точь в таком же небрежении, как и в Шайтанском заводе. Архивное положение ухудшается еще тем, что все старые дела сгорели во время двух больших пожаров в 1905 г., когда сгорели контора и дом лесничего. К удивлению моему, я все-таки разыскал 8 старых дел, хранящихся особо у служащего Мамонова, которые при особой описи при этом и представляю***. <...>

В ХРОМПИКОВСКОМ ЗАВОДЕ. Так как завод этот еще молодой, основан около 5 лет тому назад, то он не успел еще обзавестись особым архивом. Да и то, что накопилось в течение его жизни, революционными пе-

* Инициалы вписаны над строкой.

** Далее опущено примечание о хранившихся в билимбаевском архиве томах Свода законов Российской империи.

*** Далее опущены сведения о передаче в музей образцов ископаемых руд, Дехтерянском руднике, запасах торфа, лесных богатствах края.

реворотами расстроено. Здесь нет ни смет, ни отчетов. Текущая смета только что составляется*. <...>

О ЦЕРКОВНЫХ ЛЕТОПИСЯХ. Независимо от осмотра названных заводов ознакомился с церковными летописями церквей: Билимбаевской, Шайтанской и Ревдинской (Михайло-Архангельской). Летописи должны бы вестись по установленной епархиальным начальством форме, регулярно, без перерывов, но, однако, на деле книги летописей ведутся неисправно, факты записываются иногда без проверки или без должных оснований. Вести летописи обязано духовенство. Как на исключение я должен указать, что в Билимбае летопись велась более исправно при настоятеле Порфирии – Ипполите Славнине. Но за всем тем все-таки в них имеется кое-какой и исторический материал. Здесь нелишним считаю указать, что особого внимания заслуживают копии с картин художника Брюллова – Спасителя и Божьей Матери, оригиналы писаны Брюлловым для Преображенского собора, что на Аптекарском острове в Петрограде, где они находятся и по сей час. Копии художественные тоже, и писаны они, как отмечено в Билимбаевской летописи, местным художником А.С. Поповым. Но это неверно. Копии писаны усольским художником, крепостником гр[афа] Строганова, но фамилию которого запомнил. Вообще Билимбаевский храм, особенно его средний придел, – величественное художественное здание, основанное около 1835 г.

Н.Стрижев

ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 4. Л. 49 – 51 об. Подлинник.

№ 2

Из отчета о командировке сотрудника Екатеринбургского губархива Н.Г. Стрижева на Кыштымский¹⁰, Каслинский¹¹, Верхне-Уфалейский¹², Нижне-Уфалейский¹³ и Нязепетровский¹⁴ заводы

26 марта 1920 г.

До Кыштыма я решил поехать по железной дороге. На Екатеринбургский вокзал приехал под** вечер 26 декабря и только в 10 час. вечера и с помощью проводника-носильщика, которого кое-как убедил за 100 р., а он просил 200, посадить меня в вагон, я с трудом добрался до поезда, затерявшегося где-то на седьмом пути рельсовой сети. Вагон оказался неосвещенным, неметеным, без печки и нар, но уже наполовину наполненный пассажирами, большинство которых состояло из солдат. Солдаты живо разыскали где-то на путях печку, принесли дров и устроили отопление. После строительных трудов улеглись на полу, кто сидя, кто лежа, на отдых. Так пробыли до 6 час. утра следующего дня, тогда только тронулся поезд. К этому времени в вагоне набилось публики до 55 человек, в пути уже ока-

* Далее опущены сведения о заводе по производству калиевого хромпика.

** Вписано над строкой.

залось, что здесь было трое больных, двое раненых и один сильно истощенный. Большинство публики были голодные и без стеснения просили у других хлеба: или купить, или одолжить. Чаю ни у кого не было, пили один кипяток и тот не всегда прокипяченный, а слегка подогретый, отчего многие потом начали страдать поносом, а вагоны были без уборных, поэтому как на Екатеринбургском вокзале, так и при остановках иногда между станциями нуждающиеся выскакивали из вагонов и, образуя цепь сбоку поезда, опорожнялись в глазах едущих людей, загрязняя пути. Равно и на станциях, на которых поезд простаивал по часу и более (напр[имер], на ст[анции] Уфалей стояли 6 час.), публика не могла пользоваться уборными, которые загажены человеческими экскрементами до невозможности. На все это никто из начальствующих лиц не обращает внимания, и отвратительное состояние путей и уборных стало обычным явлением. Ни во время посадки, ни в пути я не видел ни одного кондуктора, ни кого-либо из железнодорожных служащих, ни контроля билетов, большинство, по-видимому, ехали бесплатно. При посадке пассажиров происходили ссоры, брань, сквернословие, угрозы, просьбы, мольбы и даже слезы: каждому хотелось попасть на поезд, а ранее севшие в вагон пассажиры не пускали опоздавших, безжалостно их отталкивая, порядка установить было некому. При таких условиях 55 пассажиров нашего вагона доехали до ст[анции] Мраморской, здесь солдатики раздобылись досками и устроили нары. Публика отчасти разместилась, но все-таки более скромным и тихим пришлось сидеть или лежать на полу, теснясь друг на друге, нередко накладывая ноги на другого, а тут были и раненые, понятно, ропот, неудовольствие и стоны обеспокоенных. Только в 12 час. ночи 27-го числа мы достигли Кыштыма. Пришлось заночевать на вокзале.

28-го было воскресенье. Занятия в учреждениях Кыштымского завода не было, а потому я пошел в местный собор, храм этот стоит на горе, двухэтажный, построен прочно в 1857 г.*, в верхнем этаже обилие света. Настоятель собора отец Константин Пьянков эвакуировался с белыми, забрав или скрыв все церковные документы. Вновь определенный священник Василий Хлопотов не мог удовлетворить мое любопытство о старине и редкостях храма, ничего об этом не сообщил и церковный староста. Он сказал только, что в заводе большая смертность от тифа, за две недели построено 70 гробов, мрут преимущественно мужчины от 25 до 35 лет. Были дни, когда отпевались в двух Кыштымских церквях до 21 покойника, средняя смертность до 15 человек в день, печальное известие для приезжего, по-видимому, не производящее особого впечатления на население.

29 декабря по явке своих полномочий местному Совету и комитету главного правления заводов я приступил к осмотру заводских архивов. Один из них – главный, помещается в здании главного правления, в особой кассовой комнате за железной дверью, где хранились более важные документы: акты, купчие крепости, уставные грамоты и т. п. Второй архив, обычно заводской, помещается в том же здании, но в подвальном этаже и имеет общий со двора вход. Здесь хранятся все прочие заводского округа дела. Оказалось, что первый, главный архив совсем пуст: все – акты, грамоты, уставы и купчие, а также о переходе заводов в акционерное общество – взято бывшим при бе-

* Вписано над строкой.

лых заводским начальством и увезено из архива. Остались одни папки с надписями, свидетельствующие о содержавшемся в них. Здесь мне не пришлось взять ни одного дела, отобрал лишь шесть фотографий Гринвальда в рамках со стеклами Александра II, Александра III, Николая II, Марии Федоровны, Николая Николаевича и бельгийского короля Альберта. Во втором архиве тоже мало интересного, так как и здесь все более архивно-ценное погибло частью при захвате власти Советами, частью при последнем эвакуировании белых, сознательно отобравших нужные им дела. Архив оставшихся дел содержится в порядке, и самые дела легко разыскиваются служащим здесь опытным архивариусом. Из имеющихся налицо архивных дел я отобрал дела, озаглавленные «*Повелениями*» владельца Демидова заводской конторе и некоторым служащим», за 22 года в числе 26 том[ов] и статистические сведения о действиях заводов за три, 1913 – 1915, года.

По сообщению архивариуса Дягилева**, выясняется, что распоряжением конторы уничтожены многие старые дела, в том числе секретные, и журналы исходящих бумаг за 1833 – 1861 гг., осталась невыясненной причина уничтожения дел именно*** за 1853 – 1861 гг., а выяснить ее, конечно, можно, если это признано будет нужным. Несколько ранее в Кыштым было два архива – «старый» и «новый». Главное правление округом до 1850 г. (точно не установлено) было в Каслинском заводе и затем переведено в Кыштым. Вот, может быть, причина разделения архивов. Кроме того, формирование заводов – Каслинского, Кыштымского, Нязепетровского и Шемахинского¹⁵ – в один округ и скупка окрестных башкирских земель не имеют до сих пор полного освещения. Здесь историку предстоит большая, но интересная работа, ибо, по слову евангельскому, «нет ничего тайного, что не сделалось бы явным». А здесь свет необходим. Он покажет, каким невзгодам подвергалось местное заводское и окрестное башкирское население. Башкирские земли в старину служили объектом скупки не одними только кыштымско-каслинскими владельцами, но и другими лицами – шайтанскими заводчиками Бергами, помещиком Зубовым и другими окрестными помещиками. Горячая огульная скупка происходила около 150 лет назад, цены на земли существовали тогда дешевые до ничтожности. Так, владелец Демидов приобрел огромную часть башкирских земель по первому акту 12 600 десятин за девяносто рублей, тогда ассигнационных, с придачею трех кобыл и 20 караваев хлеба. Впоследствии его наследники прихватили еще более 80 тысяч десятин**** <...> решением Правит[ельствующего] Сената*****. Материал об этом последнем процессе приобретен мною в одном из местных учреждений, о чем будет сказано ниже. По исследованию Л.Сабанеева, владельца Кыштымских, Каслинских, Нязепетровских и Уфалейских заводов, куплены у башкир, составляющих коренное население, до 150 т[ысяч] дес[ятин] за 150 руб. Это было около 1756 г. Продаже этой земли башкирами содействовало будто бы само правительство, желавшее после Пугачевского разгрома дать на Урале преобладание русскому населению.

* Подчеркнуто в документе.

** Фамилия вписана.

*** Слово вписано.

**** Далее документ поврежден. Текст восстановить не удалось.

***** Слово вписано.

Цель была отчасти достигнута, так как на вновь приобретенные земли с дремучими лесами, рыбными озерами и тучными пашнями были покупателями переселены крестьяне из внутренних губерний. Теперь от башкирских земель остались лишь немногие части в волостях: Саранской, Кара-больской и Кульмяковской Екатеринбургского уезда и в нескольких волостях Красноуфимского уезда.

При отъезде моем на заводы* Онисим Егорович¹⁶ просил меня обратить внимание на планы заводских дач, особенно тех, в которые вошли башкирские земли. Памятуя это поручение, я тщательно осматривал лесные и заводские планы, но предусмотрительное заводское начальство все старинные планы забрало с собою. Однако мне удалось увидеть план Кыштымской дачи 1807 г., находящийся в Кыштымском райлескоме, который я письменно просил выслать в музей Екатеринбурга. Я бы привез его с собою, но заведующего в Кыштыме не было, он был в Екатеринбурге, а заместитель его отдать своею властью не решился. Кроме названного плана в Кыштымском райлескоме я ничего подходящего не нашел.

Музей Кыштымского округа представил некоторый интерес. Он сохранился в том же виде, как был до революции и до отхода белых. Сохранностью своею он обязан заведующему музеем, не покинувшему свой пост и по сейчас. Содержимое музея зарегистрировано в каталоге и находится налицо. Главное богатство музея состоит из изящно-художественного чугунного ваграночного литья Каслинского завода. Там имеется 53 бюста и статуэток разных знаменитых людей, ученых, поэтов, художников и др., до 40 статуэток богов, богинь, животных, различных групп, предметов и т. п., много ваз, держателей для бумаг, коробочек, канделябр[ов], кронштейнов, ножей для бумаг, пепельниц, печатей, подсвечников, подставок, подчасников, портсигар[ов], пресс-папье, рамок, спичечниц, тарелок, чернильниц, шахмат, брелок[ов], булавок и т. п. Всего до 767 предметов. При этом представляю альбом и прейскурант поименованных предметов. Из этих предметов я ничего не взял, так как они более или менее известны всем нам по образцам, продававшимся в здешних лучших магазинах (Захо, Каслинская лавка), но в будущем это окажется уже редкостью, ибо Каслинский завод плохо функционирует и художественная часть отливок заброшена, поэтому ценность сохранившихся экземпляров возрастает до высших пределов**. <...>

Современная советская власть довольно широко развила свою деятельность по отделу народного образования, открыв 18 школ 1-й ст[упени] и 2 школы 2-й ст[упени]***. <...> В одном из учреждений будто бы имеются копии с уставных грамот по Кыштымскому заводу и Сак-Елгинскому о[бщест]ву. О высылке сих документов в Екатеринбург на имя музея писано мною исполкому от 2 января с. г. Самому получить названные грамоты мне не удалось, т. к. Совдеп в то время перемещался на другую квартиру, а потому не имел возможности передать мне и обещал выслать...

3 января с. г. я передвинулся в Каслинский завод. На другой день приступил к осмотру заводского архива. Из собеседования с архивариусом

* Слово «на заводы» вписаны над строкой.

** Далее опущены сведения об экспонатах музея, о производстве никеля.

*** Далее опущены сведения об учреждениях народного образования и социального обеспечения.

В.Ф. Щипановым выяснилось, что Щипанов, хотя служит в архиве с 1903 г., однако описи дел не составил, да это ему никто не поручал. Дел же разыскивает по памяти, но когда я попросил найти мне одно из интересующих меня дел, то Щипанов искал не менее часа. По его словам, все старые дела по 1903 г. из каслинского архива взяты и отправлены в Кыштым, в главное управление округа. Я интересовался делами по статистике и отобрал за три года, 1914 – 1916, и еще несколько дел о заводских устройствах в 1915 и 1916 г., всего отобрал 11 дел, о высылке которых просил заводоуправление от 9 января. Архив помещается в подвальном этаже заводской конторы, отапливается по временам только. Имеющиеся заводские дела разложены по полкам и как будто в порядке, а дела лесного ведомства свалены в углу архива без разбора и системы, и архивариус не считает их находящимися в его ведении. Понятно, что лесные дела требуют охраны. А карты Каслинской лесной дачи в бумажной гряде лесного ведомства мы не нашли, равно старых карт дачи не нашли и в отделе лесничества, которым теперь заведует Закожурников. Он, между прочим, сообщил мне, что в Карабаше¹⁷ должны иметься разные интересные лесные отруба*. <...>

Окончив в Каслях свое обследование, я получил сведение, что обнаружена хорошая со старообрядческими книгами библиотека, собранная местным богачом – старообрядцем Никитой Беленьковым. Мне была уже подана лошадь, поэтому заявительницу о библиотеке я направил к местному заведующему отделом народного образования, у которой уже хранится большая библиотека эвакуированного М.С. Ногаева (адвоката). Остается нечто сказать о местных хранилищах**, их три в заводском селении: Успенская, Вознесенская трехпрядельная и Успенская единоверческая, и четвертая Казанско-Богородицкая в женском монастыре. На месте православного Успенского храма до 70-х годов XIX столетия существовал деревянный храм, сгоревший во время Пугачевского нашествия. Нынешний Успенский храм заложен в 1777 г., а освящен в 1785 г. 8 ноября. В 1855 [г.] образован второй приход при вновь выстроенном храме Вознесения. В охране*** этой церкви имеется памятник св[ятому] Александру Невскому, о единоверческом храме сведений не имею.

Из Каслинского завода я отбыл в Верхне-Уфалейский завод, отстоящий от Каслинского в 45 верстах. Ехать пришлось через станцию Маук, где имеется каслинская лесопилка. Дорога пролегла между, можно сказать, величественных Уральских высот и переваливает на европейскую сторону. В Уфалей я прибыл вечером 10 января с. г., остановился в приемном заводском доме. Как раз в это время происходила смена членов местного Совдепа на вновь избранных. В советских учреждениях я ничего интересного не нашел, так как дела, подлежащие ведению Совета, уничтожены и частью эвакуированы белыми*. <...> Все заводские учреждения не дали мне материала для исследований.

* Далее опущены сведения о музее заводов, производстве эмалированной посуды, состоянии учреждений народного образования, деятельности Казанско-Богородицкого Каслинского женского монастыря, скупке земель у башкир.

** Имеются в виду церкви.

*** Так в документе. Имеется в виду – в ограде.

Архив самый маленький, помещается в подвале заводской конторы, в неотапливаемой и неосвещенной комнате. Описи нет, дел старше 1908 г. нет: все уничтожены, частью прежде бывшим пожаром, частью при переворотах красными и белыми, поэтому я не получил ни одного старого дела, а из молодых, лежащих в беспорядке, тоже за отсутствием тепла и света невозможно было найти что-либо подходящее. В одном лишь лесном отделе я получил незасвидетельствованную копию с уставной грамоты Верхне-Уфалейского и Суховязского¹⁸ заводов наследников Губина, составленную в 1862 г., при этом доложу, что все начальствующие как в Совете, так [в] заводе и лесном отделе были ко мне предупредительны. Заведующий лесным отделом Н.Е. Абаймов рассказал мне о разгроме дел, а председатель заводской коллегии Тарасов сообщил, что архив бывшего главного правления заводов Сергинско-Уфалейских теперь находится в Екатеринбург[урге] по Уктусской¹⁹ ул., д. № 3, вверху, где, вероятно, можно найти кое-что интересное; что в Нижне-Сергинском²⁰ заводе, где ранее была главная контора наследников Губина**, куда отчитывались и Уфалейские заводы, можно найти материал из заводской старины***. <...>

В Нижне-Уфалейский завод, отстоящий от Верхнего в 23 верстах, прибыл 13 января в десятом часу утра. По обычаю приступил к объезду заводского архива. Особого помещения для архива не имеется, а дела сложены, лучше сказать, свалены, в груды на полу террасы заводской конторы, куда нужно пробираться через огород по глубокому снегу. Описи дел не имеется, да таковой не было составлено и ранее. В груды лежат по преимуществу счетные книги, табеля и талонные книжки по отпуску различных материалов; дел же архивных весьма мало, да и из них трудно найти что-либо подходящее. При таких условиях я не мог получить ни одного интересного для меня дела. По отзыву бухгалтера можно судить, что все дела, имеющие общественный, исторический и статистический интерес, отправились в главную контору заводов в Нижние Серги или в главное управление округа в Екатеринбурге, Уктусская, 3, там будто бы наверху управления находятся эти дела и посейчас****. <...> Ни в заводской конторе, ни в ее отделениях ничего интересного не нашел.

В лесном отделе нашлась уставная грамота по Нижне-Уфалейскому заводу, составленная 23 января 1862 г., но лишь в копии, засвидетельствованной мировым посредником. Там же имеется юридическое дело с башкирами деревни Аптряковой, состоящее из следующего: 1) копия с утвержденной копии межевой копии Пермской губернской чертежной, выданной Обухову, от 14 июля 1903 г. за № 1289; 2) копия с купчей крепости от 2 мая 1903 г. за № 3680; 3) копия указа за № 5905; 4) копия с объявления поверенному товарищества Сергинско-Уфалейских заводов Э.А. Гульбету из губернского присутствия от 6 октября 1893 г. за № 1105; 5) копия с отношения пермскому губернатору из земского отдела по пятому делопроизводству [от] 30 сентября 1886 г. за № 11379; 6) копия из Пермского губернского

* Далее опущены сведения о деятельности Совета и заводоуправления, положенни дел в данной местности.

** Фамилия вписана над строкой.

*** Далее опущена часть текста об истории возникновения Верхне-Уфалейского завода.

**** Далее опущены сведения о заводских производствах.

го правления из губернской чертежной соликамскому уездному землемеру Васильеву от 3 июня 1889 г. за № 335.

Но местный отдел лесничества не решился выдать мне юридическое дело, а спросил об этом районный лесной отдел, резиденция которого в Кыштыме, но так как ответа на это не последовало, то заведующий в то время отделом Александр Яковлевич Ахматов решился мне выдать эти дела, которые я и получил, выдав за них расписку.

В Нижне-Уфалейском исполкоме предложили мне рассмотреть заключающиеся в кошельке мелкие медные монеты якобы старой чеканки. По осмотру я отобрал десять монет времен Павла и Екатерины и одну, по-видимому, китайскую; монеты эти при этом представляю*. <...>

До установления советской власти оба Уфалейские завода входили в округ Сергинско-Уфалейский, принадлежавший ранее наследникам Губина, перешедший по несостоятельности наследников в конкурсное управление, которое продало их товариществу Сергинско-Уфалейских заводов**. <...> При этом прилагаю печатный бланк, заполненный текстом договора купли-продажи конкурсным управлением товариществу***. <...>

Из Нижнего Уфалея я на заводской лошади, за прогоны, отбыл в Нязепетровский завод, он же Ураим, отстоящий от Н[ижнего] Уфалея в 40 верст[ах]. На половине пути лошадь устала и далее везти отказалась, а день клонился к вечеру. Пришлось лошадь покормить имевшимся овсом. Лошадь была изнуренная, с избитыми плечами, плохо кованная, так как у правой ноги торчали гвозди, которыми она засекала левую ногу до кровавых ран. Подкормив, поехали далее, опять верст через 10 вновь стали, вновь подкормили, затем кое-как шагом, а я и ямщик пешком, дотащились к 9 час. вечера до Нязепетровского завода и благодарили Бога, что доехали живы и сохрани.

Нязепетровский завод основан в 1749 г. купцом Осокиным. Первоначально предполагено было завод построить на р. Ураимке в 4 верстах от нынешнего завода, но передумали и построили на р. Нязе в 5 вер[стах] от впадения ее в Уфу, реке значительно большей, чем Ураимка. Вот почему Нязепетровск носит еще название Ураима, под которым он более известен, чем под названием Нязепетровск. Впоследствии завод перешел к Хлебниковой, но данных об этом не нашел, а Хлебникова в 1809 г. перепродала его вольскому купцу Льву Ивановичу Расторгуеву, который и зачислил его в округ Кыштымских заводов, где он числился до образования советской власти, а сия последняя перечислила его в округ Сергинских заводов, бывшая контора которых отстоит от Нязепетровска в 7 верстах. Перечисление это невыгодно отзывается на производительности Нязепетровска****. <...>

Архив Нязепетровского завода помещается в подвальном этаже заводской конторы в небольшой комнате, отапливаемой и освещаемой одной эле-

* Далее опущены сведения о состоянии учреждений народного образования и детских приютов.

** Далее опущены сведения о межевании земель Сергинско-Уфалейских заводов.

*** Далее опущены сведения о состоянии местного храма.

**** Далее опущены сведения о состоянии завода, заводского оборудования и поселка.

ктрической лампочкой. Заведует особый архивариус, имеется опись делам. Все дела по 1898 г. отправлены в Кыштым в главное правление Кыштымского горного округа, где числился и Нязепетровский завод...

Конечно, после разрухи здешнего архива в нем к настоящему времени осталось мало дел, так как ежегодно формируется всего 40 – 50 дел. Как исключение в числе дел оказалось производство по наделению землею горнозаводских крестьян. Здесь оказались пришитыми две копии с уставных грамот по Нязепетровскому и Шемахинскому заводам. Копии эти заверены подлежащими заводскими конторами, но не имеют заверки со стороны официальных властей. Но они все-таки подробно освещают план устройства вышедшего из крепостной зависимости населения, поэтому я их получил для Екатеринбургского музея. Затем в архиве не нашлось более ничего интересного, но в архивных делах имеются следы о забастовке завода в 1914 г. Дело началось из-за больничных касс, которые губернскому начальству хотелось бы ввести в среде рабочих во что бы то ни стало. Рабочие по опыту и* инстинктивно чувствовали, что кассы эти будут обузой для них, отказались вводить, пока не ознакомятся с делом во всей подробности. Для освещения этого вопроса и попутно для уяснения второго вопроса (земельного надела) мастерским обществом Нязепетровского завода и волости избрано пять** уполномоченных для поездки в центральные учреждения в Петербурге. Узнав об этом, губернатор Кошко распорядился арестовать уполномоченных и административно выслать из завода. Когда стали происходить аресты уполномоченных, общество заволновалось и на защиту своих прав стало как один человек. Заводские рабочие остановили земского начальника и полицейского надзирателя, орудовавших при аресте к высылке доверенных, арестовали при волостном правлении и потребовали от них немедленного возврата уже отправленных доверенных. Дело происходило в конце Пасхальной недели. Это воздействовало: арестованных вернули, которых весь народ встретил за несколько верст от завода и как пострадавших за общественный интерес с почетом проводил по домам. Финал этого дела был таков. Следствие, выезд судебной палаты, приговор и решение – выслать 12 чел[овек] в Енисейскую губ[ернию] на срок от 1-го до 2 лет, а более 50 выдержать при тюрьме сроками от 3 до 9 месяцев. Приговор немедленно, по вступлении в законную силу, привели в исполнение. Народ притих, затаил горечь обиды на своем сердце. Надлежало бы написать подробную историю рабочей забастовки, глумления губернатора над обществом, судебного процесса и страданий людских.

В лесном отделе заведующий М.П. Киреев предложил мне взять для музея деревянные обугленные безделушки: обломок соснового сука до 3 вер[шков] длиною, бутылку, ложку, двуглавого орла, рыбку, цветки на дощечке, обещав эти угли переслать в Екатеринбург. Засим он любезно вручил мне записку о состоянии дачи, при сем предложенную. Из текущих бухгалтерских дел – инвентарной книги – я сделал выписку с действующих заводских устройств и сооружений***. <...>

В Нязепетровском заводе имеется три церкви. Одну посетил. Это каменный двухэтажный храм, в верхнем этаже придел во имя апост[олов] Петра и

* Слова «по опыту и» вписаны над строкой.

** Вписано над строкой.

*** Далее опущены сведения о состоянии местных приютов.

Павла, освящен 3 сентября 1878 г.; а в нижнем* – во имя пр[аведных] Захария и Елизаветы, освящен ранее, а именно – 12 октября 1865 г. Достопримечательностей в нем не оказалось. Священник, посвященный на днях только из дьяконов, Мих[аил] Вахрушин, ничего о прежнем времени не сообщил. Предместник его и церковный староста эвакуировались с белыми. Церковной летописи не оказалось. Ранее существовала деревянная церковь во имя Петра и Павла. Все население завода состоит из 20 тыс[яч] жителей. Здесь начался тиф и развился. Продовольствие скудно. В приемном советско-заводском доме для приезжего отпускают всего 1,5 фунта черного хлеба, а если захотеть пообедать, то подают лишь один картофель: или в виде похлебки, или подогретый на сковородке без масла. Вместо чая поджаренная морковь.

Узнав 16 января, что назавтра утром идет последний поезд через Кузино в Екатеринбург, я рано утром выехал из завода на станцию. Несмотря на мои служебные документы и разрешение проезда обратно в Екатеринбург, я кое-как мог получить проездной билет: начальник станции не позволял мне сесть в вагон. Спасибо, за меня заступился представитель нязепетровской советской власти, и я сел. Поезд № 22 вышел в 6,5 час[ов] утра. Он вез с собою до 100 человек служащих службы движения Западно-Уральской ж[елезной] д[ороги], так как дорога эта закрывалась на неопределенное время. Поезд шел очень тихо, по временам останавливался по слабости паровоза. В Арасланове стоял 6 часов. На одной из станций при смене машинистов не было обращено внимания на то, что в паровозе было мало воды: сменившийся не предупредил об этом сменяющего, а этот последний не осмотрел паровоз и, не удостоверившись в достаточности воды, поехал, и на половине пути поезд встал. Пришлось, оставив поезд, паровозу одному ехать за водой, причем прошло добрых два часа. Словом, при таких порядках я ехал до Билимбая (180 вер[ст]) четверо суток.

В Билимбае получил из заводского архива 22 тома Свода законов и их продолжений из 1832 – [18]35 – [18]37 гг., т. е. первое издание законов Сперанского. Законы я привез с собою в Екатеринбург и сдал в музей.

Н.Стрижев

ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 4. Л. 52 – 64 об. Подлинник.

№ 3

Докладная записка Н.Г. Стрижева руководству Екатеринбургского губархива о результатах розыска документов Екатеринбургского уездного съезда земских начальников

26 апреля 1920 г.

В исполнение данного мне губархивом поручения разыскать архив Екатеринбургского уездного съезда, я отбывал в местонахождение съезда (уг[ол] [ул.] Механической²¹ и Соборной²² площади). В этом помещении теперь расположено Гл[авное] управление н[ачальни]ка военных инженеров

* Слова «в нижнем» вписаны.

армии. Временно заведующим названным управлением состоит Мурель Борис Михайлович, который сообщил мне, что дом этот, где был уездный съезд, управление начальника инженеров заняло в октябре 1919 г. В числе комнат находилась одна, запертая на замок и припечатана. Оказалось, что комната эта была уже в ведении Екате[ринбургско]го уездно-городского продовольственного к[омите]та. Так как комната эта понадобилась управлению, то по требованию одного продовольственный к[омите]т открыл, где оказалось много (несколько возов) дел, по-видимому, принадлежавших бывшему съезду. Люди, открывшие комнату, тут же начали рассматривать дела, вырывать из дел чистую бумагу; затем архив этот увезли. Также сообщение тов. Муреля подтвердил сидящий с ним в одной комнате заведующий хозяйственной частью управления Баранов Владимир. При дальнейших моих справках я получил сведение, что в октябре 1919 г. в качестве коменданта этого дома состоял нек[ий] Сачков, теперь служащий в штабе «тройки». Когда я был в штабе «тройки», то мне сказали, что Сачков откомандирован для заведования работами, производящимися в Верх-Исетском театре²³, но и там я не нашел Сачкова, да и работ никаких не производится. В Гл[авном] управлении н[ачальни]ка военных инженеров армии я был 21 сего апреля, и в тот же день отправился в уездно-город[ской] продовольственный к[омите]т, где меня направили к бухгалтеру комитета Николаю Александровичу Бородину, который, не отрицая факта получения архива уездного съезда в октябре, обещал навести точные справки об участии [его] и сообщить мне, но не ранее, как 26 апреля. Аккуратно сего 26 апреля я явился в к[омите]т к Бородину, который сообщил, что весь архив погиб от расхищения при перевозке и потом на складе к[омите]та. То же, но в более резкой и довольно грубой форме подтвердил и глав[ный] бухгалтер к[омите]та Артемий Барболин. Когда я заметил, что раз они забрали архив, то согласно декрета 1 июня 1918* [г.] должны были хранить его или передать губархиву. В ответ получил отзыв Барболина, что «тогда не такое было время, чтоб заботиться об этом, да и что такое декрет – одна бумага»; причем скривил рот в саркастическую улыбку. И мы расстались.

О вышеизложенном долгом считаю доложить губархиву.

Сотрудник

Н.Стрижев

ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 4. Л. 87 – 87 об. Автограф.

№ 4

Отчет о командировке научного сотрудника Екатеринбургского губархива В.П. Бирюкова в г. Ирбит²⁴

7 августа 1920 г.

Сообщаю о своей поездке в г. Ирбит.

В лице заведующего секцией искусств Максима Владимировича Титгенса мне удалось найти человека, согласившегося быть временным сотруд-

* В документе ошибочно «1818».

ником губархива по г. Ирбиту и его уезду. При осмотре городских архивов я нашел следующее.

Архив земской управы свален в кучу на чердаках, во-первых, сарая, а во-вторых, управского здания. Часть дел, переложенных как книги, хранится в громадном шкафу в верхнем этаже большого здания, занимаемого теперь комхозом; шкаф этот стоит без затвора. В здании городской управы в настоящее время помещается госпиталь. Вход в архивное помещение наглухо и основательно забит досками и туда попасть теперь нельзя, не нарушая госпитальных порядков.

Архив полиции свален на полках какого-то амбара при управлении городской милиции. Архив этот, к моему удивлению, включает дела еще XVIII столетия. Всех дел сохранилось немного, едва ли больше пудов 80 – 100. Им ежеминутно грозит опасность уничтожения, потому что в амбаре помещается каптенармус²⁵, который берет и выдает из этого амбара съестные продукты чинам милиции. И дела у этого каптенармуса идут на обертку продуктов. Во-вторых, пожарная опасность. Ввиду исключительной ценности этого необходимого остатка, разграбленного в 49 – 50 частях полицейского архива, необходимо принять самые энергичные меры к переносу дел в другое помещение.

Тюремный архив лучше: весь подобран и перевязан в пачки по годам, но, по-видимому, за неимением бумаги для письма понемногу использован конторой тюрьмы. Значит, тоже необходимо его спасти.

Архив казначейства, похоже, что весь уцелел, хранится в приспособленном для того месте. Там есть дела с 1830-х гг. Зная, что г. Ирбит когда-то был городом исключительным по своей торговле, сохранение казначейского архива для истории – дело первостепенной очереди.

В одном из складов комхоза – складов, находящихся в заведовании некоего Овчинникова, свален архив съезда земских начальников и потом мировых судей. В том же складе (это вблизи пассажа) хранится несколько дел какой-то воинской части. Перед моим приходом в складе были посланные от комхоза, перелистывали и определили количество бумаги, чтобы свезти на писчебумажную фабрику. Ясно, что за спасение этих двух архивов нужно принять самые быстрые меры.

Что касается организации центрального уездного архива, т. е. спасения архивных остатков, то г. Ирбит, располагающий массой пустующих помещений, в этом отношении является одним из счастливых.

Сообщая все это губархиву, я прошу послать М.В. Титгенсу, во-первых, надлежащие документы и инструкции, во-вторых, копию всего того, что я написал выше о состоянии ирбитских архивов, чтобы, руководясь этим, он скоро мог бы принять соответствующие меры к спасению гибнущих документов.

Адрес М.В. Титгенса: г. Ирбит, отдел народного образования.

Научный сотрудник губархива

В.П. Бирюков

№ 5

Отчет о командировке сотрудника Екатеринбургского губархива И.Н. Сидорова в города Камышлов²⁶, Шадринск, Далматов²⁷ и села Камышловского уезда

15 марта 1921 г.

31 января, согласно командировке губархива, я выехал для обследования состояния архивного дела в вышеозначенные места Камышловского и Шадринского у[ездов].

Прежде чем приступить к описанию состояния архивов посещенных мною мест по отдельности, я постараюсь сделать о них общее замечание, т. к. состояние архивов в большинстве сельских местностей одинаковое, как одинаковые же и причины, от которых там погибли и гибнут по сие время архивы.

В отношении архивов г. Камышлова, Шадринска нужно сказать, что благодаря любви к архивам и трудам по охране их сотрудников Наумова и Бирюкова, сохранилось очень многое и ими все время принимаются меры к охране архивов и в настоящее время. Об этих двух сотрудниках без преувеличения можно сказать, что они ревностно охраняют архивы.

Что же касается самих уездов, то в них дело охраны архивов обстоит плохо. В большинстве посещенных мной мест архивы погибли большей частью. Прежде всего нужно отметить то обстоятельство, что во всех посещенных мною местах [в] волисполком[ах] не встретишь из членов их хотя бы одного мало-мальски развитого человека, который бы ценил архив как культурную ценность. Везде на архивы смотрят, в лучшем случае, как на источник бумаги для письма и, в худшем, как на ненужный хлам, пригодный для курения и других надобностей домашнего обихода.

Обыкновенно архивы расхищали прежде всего сами исполкомы. Они первые начали выбирать из архивов бумагу для переписки в своих канцеляриях, затем разрешали это делать комиссии по ликвидации безграмотности, а остатки брали все кому не лень. С ценностью документов и дел совершенно не считались и уничтожали все, отчего теперь в большинстве волисполкомов за прошлые годы невозможно получить пустяковую справку.

В первых числах февраля я побывал в сельских советах с. Троицкого и Уецкого, но кроме убожества там ничего не нашел. На меня смотрели там со страхом или опаской и только.

2 февраля был в Талицком²⁸ заводе. Из опроса председателя волисполкома выяснилось, что от архива б[ывших] волости и земской управы не осталось и следа, т. к. он частью был эвакуирован белыми в Сибирь, частью разгромлен, а остатки его использованы исполкомом для переписки. Между прочим, мне сообщили, что в декабре 1920 г. из Омска получены поземельные списки.

Кроме вышеуказанного архива, я пытался разыскать и обследовать следующие архивы: 1) лесной школы; 2) заводской; 3) школьные архивы вообще и 4) Петропавловской церкви, но попытка эта оказалась безуспешной, т. к. от первых трех архивов не осталось и следа, а церковный архив не удалось осмотреть, т. к. некому было его показать. Самый же большой архив

лесной школы в самой ценной своей части был эвакуирован в Сибирь, а остальное расхищено.

5 фев[раля] приехал в Камышлов, где, как уже замечено выше, архивы находятся под наблюдением сот[рудника] Наумова. Среди них имеется архив Пермской губ[ернской] земской управы, эвакуированной туда в 1919 г. Единственно, что мною было сделано там совместно с Наумовым, так это [вы]хлопотали* помещение под архивы, для чего вели переговоры с исполкомом, а затем с отделом коммунального хозяйства. Нам отвели очень удобное для архивов помещение, большой ломбард. Помещение вполне удовлетворяющее всем требованиям архивной техники – каменное, окна с решетками, двери с крепкими затворами. В длину оно будет приблизительно около 12 аршин, в ширину около 8 аршин.

8 фев[раля] приехал в с. Никольское. Архивы бывшей волости и земской управы расхищены совершенно. Инициатором этого был волисполком. В школе архив был, но уничтожен белыми вместе с библиотекой. Церковный архив содержится в порядке. Все дела подшиты. Имеются летописи, хотя и с очень скудными сведениями. 9 фев[раля] приехал в с. Закамышловское. Архив хранится при исполкоме в каменном и сухом подвале, причем ключи от замков находятся в исполкоме, а двери, кроме того, опечатаны милицией. Таким образом, архив содержится в благоприятных условиях для хранения и вполне застрахован от расхищения.

10 февраля был в с. Каменском, но архива не нашел, т. к. оказался совершенно расхищенным тоже трудами волисполкома. Церковного архива осмотреть не пришлось за отсутствием священника. В с. Новопышминском архив оказался тоже расхищенным. 11 фев[раля] из с. Новопышминского я проехал на писчебумажную фабрику в надежде найти там среди брака архивные материалы, а также спасти некоторые ценные издания, отправленные, по словам камышловцев, из центральной библиотеки камышловского у[ездного] отдела народного образования просто как старые и негодные, а на самом деле ценные для хранения в музеях, но ничего также не нашел, т. к. весь поступающий материал сразу же подвергается переработке.

С писчебумажной фабрики я проехал в г. Шадринск, оттуда по намеченному совместно с сотр[удником] Бирюковым плану должен был двинуться в уезд, но ввиду происходивших там волнений пришлось поездку отложить и ехать обратно в Екатеринбург. На пути я остановился в г. Далматове, но кроме архива Далматовского монастыря ничего не нашел, т. к. архив б[ывшей] земской управы оказался уничтоженным совершенно и тоже по инициативе исполкома.

17 фев[раля] я вернулся в г. Екатеринбург. Из поездки вынес самое безотрадное впечатление и из всех своих наблюдений делаю такой вывод – архивы на две трети, бесспорно, погибли и гибнут от расхищения по настоящее время. Для спасения их необходимо принять самые срочные меры и в самое ближайшее время и короткое время, иначе будет уже поздно.

Нужно отметить, что единственными вольными и невольными хранителями архивов являются местные исполкомы, т. к. всякое вмешательство в это дело кого-либо другого там бу[дет] понято иначе, поэтому, например, та же единственная интеллигентная сила в деревне – учитель – стоит от

* В документе «охлопотали».

всего в стороне. В исполкомах же по большей части сидят люди, не признающие архивов, и для воздействия на них мало одного или даже нескольких воззваний, поэтому наряду с воззваниями об охране архивов необходимо издать особое постановление центральной власти, с которым там только и будет считаться.

Сотрудник губархива

[Сидоров]*

ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 4. Л. 146 – 146 об. Копия.

№ 6

Из доклада и. о. заведующей Екатеринбургским губернским отделением Центрархива А.И. Тихоновой²⁹ на общегородской конференции архивных работников о деятельности губархива за 1919 – 1922 гг.

[Не позднее июня 1922 г.]**

<...>*** В сентябре месяце [1919] г. Екатеринбург посетил один член из московской инспекции, который и организовал губернское управление архивным делом. Первоочередной задачей губархив поставил, как и Главархив, собирание архивных фондов, розыск их и регистрацию. С этой целью в первую очередь пришлось взяться за архив, который больше всего нуждается в охране, архив о[бщест]ва «Саламандра», куда были вывезены все дела общественных деятелей, уральских заводчиков и фабрикантов, земских деятелей и вообще всех, кто в момент эвакуации оставил г. Екатеринбург. При разборке были взяты газеты: «Наш Урал» за 1918 г. (период колчаковщины); «Правительственный вестник» [за] 1918 – [19]19 гг.; «Известия Совета р[абочих], с[олдатских] и к[рестьянских] д[епутатов]» за 1918 г.; «Вятская жизнь» за 1905 – 1906 гг.; «Голос» за 1778 [г.] – первая газета в г. Екатеринбурге.

Газеты были подобраны комплектами. Кроме газет взяты: 1) справочники по Уралу за 1889 – 1914 гг. Последний – в двух экземплярах; 2) отчеты земских губернских собраний Екатеринбургского уездного земства; 3) проекты уральских железных дорог; 4) личная переписка инженера Фадеева; 5) записки известного на Урале старообрядца Казанцева****³⁰. <...>

Затем был осмотрен архив бывшего окружного суда, который находился в деревянном помещении во дворе окружного суда, ныне Дом союзов. При осмотре найдены на полу в разбитом виде дела Комитета общественной безопасности [за] 1917 г. (март, апрель, май); Революционного трибунала за 1918 г.

В самом здании б[ывшего] окружного суда во втором этаже на полках в разбитых шкафах были подобраны 11 папок дел товарища прокурора Екатеринбург[ского] окружного суда. Дела относятся к 1904 – [190]6 гг. Мате-

* Подпись отсутствует.

** Время работы конференции.

*** Опущены сведения об истории архивного дела в РСФСР в указанный период.

**** Далее опущены сведения о составе личного фонда Г.Ф. Казанцева.

риал состоит из 11 дел о найденных революционных прокламациях, распространяемых в пределах г. Екатеринбург и его уезда. Кроме этих материалов был принят материал Уральского областного правительства³¹ 1918 г., который состоит из протоколов заседаний Уральского областного правительства; докладов о территории Уральской области³² и состоянии земельного вопроса в 1917 – 1918 гг.; комплекта постановлений Уральского областного правительства; докладов главного лесничего.

Все перечисленные материалы были изъяты из ненадежных помещений и перевезены в губархив, после чего началась их разработка. Когда материал был приведен в порядок, стали составлять описи с кратким содержанием дел. В уезды также были посланы сотрудники с целью розыска и охраны архивов. Прежде всего была сделана поездка по Верхотурскому уезду³³, как более пострадавшему от эвакуации 1918 – [19]19 гг. Осмотрены архивы заводов Туринского³⁴, Надеждинского³⁵, Богословского³⁶ и сел Петропавловского, Всеволод-Благодатского, Никито-Ивдельского и самого города Верхотурья³⁷. Все архивы имеют плачевный вид – они почти целиком разрушены. Архивы мировых судей, земских, полицейских управлений заброшены на чердаках, сеновалах, часто покрыты кучами мусора, пыли и грязи. Это в лучшем случае, а в худшем – истреблены на обертки, папиросы. Удалось вывезти архивы: 1) Верхотурского уездного исправника, относящийся к 1904 – [19]16 гг. Архив этот впоследствии при разборке оказался весьма разбитым. Совершенно отсутствуют дела за 1901 – [190]2 гг. За 1903 г. сохранились всего только две папки, за 1904 – 1905 [гг.] нет никаких документов. Наибольший интерес представляют дела 1906 – [190]9 гг. Здесь имеются в списках жандармского управления имена очень видных деятелей революции и также ряд интересных приказов, направленных против революционного движения на заводах и в армии. Интересны и ценны документы, относящиеся к периоду войны с Германией 1915 – [19]16 гг.; сведения об аэропланах, появившихся над городом Верхотурье; о германских шпионах. Секретная переписка по делу княгини Лахтиной; протоколы съезда Верхотурского Совета к[рестьянских] д[епутатов]; 2) архив Совета р[абочих], к[рестьянских] и с[олдатских] д[епутатов] с. Благодатского; 3) дело верхотурского уездного комиссара за 1916 г.; 4) дела управления Гороблагодатского горного округа.

Таким образом, за 1919 г. было взято в ведение губархива: архивных фондов – , газет – *.

Весь привезенный из уезда материал привели в порядок, разобрали, составили описи. Этим и закончилась работа губархива в 1919 г. по розыску и охране архивов.

Много в 1919 г. времени ушло на создание канцелярии, на поиски людей, хорошо знакомых с архивным делом, все это, конечно, не могло не отразиться на работе. Содействия со стороны исполкомов не было. С целью пропаганды и популяризации архивного дела было напечатано два воззвания в «Уральском рабочем»³⁸, а потом пришлось перепечатывать их на пишущей машинке и в таком виде рассылать по уездам, т. к. государственная типография была завалена другими работами, и наши заказы не принимали, мотивируя отсутствием людей и бумаги.

* Цифры отсутствуют.

1920 г.

В 1920 г. губархив продолжал двигать начатую работу. Началась перевозка архивов из ненадежных помещений в склады дома б[ывших] Атамановых, сюда привезены были архивы: 1) Первой мужской гимназии, состоящий из книг, ведомостей экзаменационных работ, отчетов; 2) Екатеринбургской уездной земской управы, который находился в подвальной помещении губернского отдела народного образования и также в помещении секретариата того отдела. Архив заключает в себе дела мелкого кредита, оправдательные документы, отчеты о состоянии земских школ, мастерских и опытных хозяйств; 3) Архив бывшего Общества финляндских строителей; 4) Избирательные записки* по выборам в Учредительное собрание в 1918 г. по Екатеринбургскому уезду; 5) Архив пожарного отдела бывшей Екатеринбургской земской управы; 6) Архив Сергинско-Уфалейских заводов; 7) Архив Военно-промышленного комитета; 8) Архив Учительского института; 9) Архив реального училища; 10) Архив золотопромышленников Пермской губернии.

Этим и закончилась перевозка архивов. Вывозить приходилось с большими затруднениями, губтрамот³⁹ давал только одну лошадь, а иногда не посылал ни одной. Произведена разборка и составлены описи на все вышеизложенные архивы.

1921 г.

Свою работу в 1921 г. губархив начал в новом помещении, переехав из бывшего дома Атамановых в немецкую кирху. Первые месяцы прошли в перевозке архивов в новое помещение, устройстве полок, постройка которых была произведена на средства, даваемые Истпартом. Кроме того, необходимость заставила вывезти Верх-Исетский архив⁴⁰, который без ведома губархива в количестве 500 п[удов] был отправлен на писчебумажную фабрику Ятеса⁴¹. Из этого архива перевезено в актохранилище 750 пуд[ов]. Весь свеженный материал подвергся снова разборке и разбивке по уездам. Секретные [дела] выделялись особо. Они являются как бы источником, где можно почерпнуть материал к составлению [истории] рабочего движения на Урале. Большая часть этих секретных дел отдана Истпарту, так как служит ценным материалом. По разборке архивов от губархива работало три сотрудника и два – от Истпарта, но работа не шла полным порядком ввиду бывших холодов, актохранилище не отапливалось. В числе работ за 1921 г. необходимо отметить собрание по г. Екатеринбург у сведений о состоянии архивов старых учреждений. Кроме того, сделана смета на 1922 г., считаясь с планом работ на 1922 г., с которым я считаю необходимым вас тоже познакомиться.

(Зачитывает план работ на 1922 г.)**

Несмотря на представление сметы в центр, все же в 1922 г. губархив вступил при полном отсутствии средств, благодаря чему развернуть свою работу не было возможности согласно того плана, который я только что за-

* Так в документе. Имеются в виду списки.

** Доклад подготовлен автором для протокола заседания конференции, поэтому здесь и далее некоторые его элементы имеют протокольную форму. План работ не публикуется.

читала. Первые месяцы по управлению всего было 3 сотрудника и по актохранилищу – 1. Всего 4. Конечно, такое количество работающих по материалу, свезенному не только с концов одного города Екатеринбург, но и его уездов, не хватает. Работа по разборке архивов очень медленная и копотная. Тем более что архивы из уездов, в связи с перевозкой из одного помещения в другое, были сложены все в одну комнату. Количество работающих по архиву и положение дел относительно рабочих сил не улучшилось. Нас в настоящее время работает за счет центра 4 человека и один человек на местные средства, но этого далеко не достаточно. В самой же жизни Главархива, а отсюда и губархивов, произошла коренная реформа, вследствие действия и распоряжения правительства. С этим распоряжением я сейчас вас познакомлю, прочитав «Постановление о Центральном архиве Российской Социалистической Федеративной Советской Республики»*. (Читает постановление.)

Таким образом, с опубликованием этого постановления мы перешли в ведение губисполкома, подчиняясь директивам Центрархива по архивному вопросу. Екатеринбургский губархив на 1922 г. объединяет 3 актохранилища: Екатеринбургское, Шадринское, Камышловское. Буду говорить сначала только о Екатеринбургском. В нем на 1 июня имелось 3 специально оборудованных помещения склада (2 – профсоюза и 1 – Истпарта), 1 амбар (Дом профсоюзов). И на наши запросы по всем учреждениям г. Екатеринбурга в апреле мы имеем сведения от учреждений, в которых имеются архивы, помещенные при этих же учреждениях**. <...> Все эти архивы внесены в картотеку по новой учетной карте, образец ее таков. (Показывает карточку.)

Поименованные фонды, находящиеся в актохранилище, разбираются и приводятся в порядок. Кроме этих архивов, поступили еще архивы ликвидируемого штаба округа в количестве [...] управлений и*** [...] отделений. На старые архивы составляются описи. Утилизации дела не подвергались ввиду того, что нет разборочной комиссии, которая должна организоваться в скором времени, так как запрос о представителях в данную комиссию нами сделан, но ответа пока еще ниоткуда не получено. Для популяризации архивного дела был прочитан доклад на тему «Архивы и их значение» на кооперативном съезде, один доклад – на совещании учителей Екатеринбургской губернии****. <...>

ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 17. Л. 12 – 16 об. Подлинник. Рукопись.

1 Билимбаевский завод – ныне пос. Билимбай Свердловской обл.

2 Шайтанский (Васильево-Шайтанский) завод – ныне г. Первоуральск Свердловской обл.

3 Хромпиковский завод – ныне вошел в черту г. Первоуральска Свердловской обл.

* Так в документе. Имеется в виду утвержденное Президиумом ВЦИК 20 декабря 1921 г. «Положение о Центральном архиве РСФСР».

** Опущен список учреждений и хранящихся в них фондов.

*** Сведения отсутствуют.

**** Далее опущены сведения об архивах уездов, в основной части повторяющие приведенные выше.

4 Ревдинский завод – ныне г. Ревда Свердловской обл.

5 Уральское горное управление – государственная структура, призванная управлять казенной промышленностью края и контролировать развитие частных заводов.

6 Геннин де Вильгельм Георг (1676 – 1750) – организатор горного и металлургического производства на Урале. Зачислен на русскую службу в 1697 г. В 1722 – 1734 гг. управлял заводами Урала. Один из основателей Екатеринбурга. Автор обширного труда «Описание уральских и сибирских заводов».

7 Округ (горный округ) – территориально-промышленный комплекс, подчиненный задачам горнозаводского производства Урала. Горный округ существовал как производственная единица в системе уральского горнозаводского хозяйства в XVIII – начале XX в.

8 Теплоухов Александр Ефимович (1811 – 1885) – русский лесовод и археолог. Автор более 50 работ по лесоводству и археологии. Член Вольного экономического общества, Петербургского общества поощрения лесного хозяйства, Германского общества антропологии, этнологии и первобытной истории, Антропологического общества в Вене, Финского исторического общества в Хельсинки. Учредитель Пермской ученой архивной комиссии, основатель Пермского научно-промышленного музея, почетный член УОЛЕ. Одним из первых в отечественной науке разработал классификацию лесов, создал первое руководство по лесоустройству, методику картографирования лесных угодий и лесопроизводства, изучал водоохранную роль леса и взаимодействие его с почвой. С 1864 г. собирал археологическую коллекцию, проводил раскопки, впервые выделил кострища как особый тип жертвенных мест на Урале и дал описание древней керамики, принимал участие во всероссийских археологических съездах.

9 Рыжанко (настоящее имя Плотников Андрей Степанович) – уроженец Соликамского уезда Пермской губернии. В июне 1771 г. с ватагой разбойников захватил и убил владельца Васильево-Шайтанского завода Е.А. Ширяева. 24 июня 1771 г. Рыжанко и его ближайшие сподвижники были схвачены и доставлены в Екатеринбург. Сосланы на вечную каторгу.

10 Кыштымский завод – ныне г. Кыштым Челябинской обл.

11 Каслинский завод – ныне г. Касли Челябинской обл.

12 Верхне-Уфалейский завод – ныне г. Верхний Уфалей Челябинской обл.

13 Нижне-Уфалейский завод – ныне г. Нижний Уфалей Челябинской обл.

14 Нязепетровский завод – ныне г. Нязепетровск Челябинской обл.

15 Шемахинский завод – ныне пос. Шемаха Челябинской обл.

16 Клер Онисим Егорович (1845 – 1920) – краевед, педагог. Родился в Швейцарии. Приехал в Россию в 1863 г. В Екатеринбурге работал преподавателем французского языка в мужской гимназии. Инициатор создания УОЛЕ. Автор более 60 работ по краеведению.

17 Карабаш – ныне г. Карабаш Челябинской обл.

18 Суховязский завод – ныне не существует.

19 Уктусская ул. – ныне ул. 8 Марта.

20 Нижне-Сергинский завод – ныне г. Нижние Серги Свердловской обл.

21 Механическая ул. – ныне ул. Горького.

22 Соборная площадь – ныне площадь Труда.

23 Верх-Исетский театр – театр в поселке Верх-Исетского завода. Ныне не существует.

24 Ирбит – до 1919 г. уездный центр Пермской губ., в 1919 – 1923 гг. – Екатеринбургской губ. Ныне в составе Свердловской обл.

25 Каптенармус – должностное лицо в воинском подразделении, отвечавшее за учет и хранение оружия и имущества.

26 Камышлов – до 1919 г. уездный центр Пермской губ., в 1919 – 1923 гг. – Екатеринбургской губ. Ныне в составе Свердловской обл.

²⁷ Далматов – ныне г. Далматово Курганской обл.

²⁸ Талицкий завод – ныне г. Талица Свердловской обл.

²⁹ Тихонова Ангелина Ивановна (ок. 1887 – ?) – архивариус Екатеринбургского губархива. Окончила 8 классов гимназии. С 23 апреля 1920 г. по 5 ноября 1921 г. исполняла обязанности заведующей Екатеринбургским губархивом, позднее и. о. заведующей Екатеринбургским губернским отделением Центрархива.

³⁰ Казанцев Гавриил Фомич (ок. 1806 – 1874) – купец, старообрядец. Владелец свечного завода, совладелец ряда золотых приисков. Дважды (в 1850 – 1853 и 1856 – 1860 гг.) избирался екатеринбургским городским головой. Играл видную роль в среде уральского старообрядчества, с 1864 г. один из лидеров городских единорядцев. Владел большой библиотекой светской и религиозной литературы.

³¹ Уральское областное правительство (Временное областное правительство Урала) создано межпартийной комиссией в Екатеринбурге 19 августа 1918 г. с целью установления реальной власти и прекращения борьбы за овладение краем между комитетом членов Учредительного собрания и Временным Сибирским правительством. Подвластная территория – Пермская губерния и части Вятской, Уфимской и Оренбургской губерний. Состояло из Совета правительства и восьми главных управлений. 26 октября 1918 г. прекратило свое существование, передав всю полноту власти Временному Всероссийскому правительству (Уфимской директории), существовавшему с сентября по ноябрь 1918 г.

³² Уральская область – существовала номинально, юридически оформлена не была. В январе 1918 г. был образован Уральский областной Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, созданы профессиональные областные объединения, областное правление национализированных предприятий Урала, Уральский совет народного хозяйства и др. Фактически Уралоблсовет лишь координировал хозяйственную деятельность четырех губерний Урала (Вятской, Оренбургской, Пермской и Уфимской), которые существовали самостоятельно.

³³ Верхотурский уезд – до 1919 г. в Пермской губ., в 1919 – 1923 гг. в Екатеринбургской губ. Ныне территория Свердловской обл.

³⁴ Туринский завод – не ясно, о каком населенном пункте идет речь. В Верхотурском уезде были Нижне- и Верхне-Туринский заводы.

³⁵ Надеждинский завод – ныне г. Серов Свердловской обл.

³⁶ Богословский завод – ныне г. Карпинск Свердловской обл.

³⁷ Верхотурье – до 1919 г. уездный центр Пермской губ., в 1919 – 1923 гг. Екатеринбургской губ. Ныне в составе Свердловской обл.

³⁸ «Уральский рабочий» – областная общественно-политическая газета. Выходит в Екатеринбурге с 1 февраля 1907 г.

³⁹ Губтраспорт – транспортный отдел Екатеринбургского губисполкома.

⁴⁰ Верх-Исетский архив – архив Верх-Исетского завода. Ныне Верх-Исетский завод вошел в черту г. Екатеринбурга.

⁴¹ Ятес Иван (Джон) Егорович (? – 1918) – предприниматель. Родился в семье английского специалиста, работавшего в России. Владелец нескольких писчебумажных фабрик. Продукция И.Е. Ятеса была удостоена медалей на Всероссийской промышленно-художественной (1892 г.) и Сибирско-Уральской научно-промышленной (1887 г.) выставках.

«...Все препятствия и трудности в учебе преодолены»

**Письма студентов архивных курсов и Историко-архивного института в ЦАУ Карельской АССР.
1929 – 1935 гг.**

С началом архивного строительства для Центрархива Карельской АССР самыми насущными стали следующие проблемы: отсутствие приспособленных архивохранилищ (вплоть до 1960-х гг. документы хранились в нескольких подвальных помещениях), недостаток квалифицированных специалистов и текучесть кадров. Руководство республики использовало любую возможность для привлечения в архив сотрудников. В целях повышения их квалификации в 1920-е гг. при ЦАУ КАССР действовали архивно-технический кружок, который давал необходимый минимум архивных знаний и навыков, а в 1930-е гг. – двухгодичные историко-архивные курсы.

С возникновением при Центрархиве РСФСР сначала курсов, а затем Института архивоведения связан новый этап в подготовке кадров архивистов в стране¹. Архивная служба Карельской АССР для повышения квалификации направляла в эти учебные заведения своих работников. Так, в 1929 – 1930 гг. на пятимесячных курсах при Центрархиве РСФСР обучался будущий инструктор ЦАУ Карельской АССР В.С. Максимов, студентами Института архивоведения, впоследствии Историко-архивного института, были В.П. Богданов и Л.Б. Бекеш. Приехав в столицу, посланцы Карелии оказались в эпицентре общественно-политической жизни страны. На протяжении всех студенческих лет они вели переписку с руководством Центрархива КАССР. 24-летний курсант В.С. Максимов докладывал об участии в разборе архивных материалов Древлехранилища, о привлечении к чистке аппарата Центрархива РСФСР и др. В.П. Богданов и Л.Б. Бекеш сообщали о первых годах Историко-архивного института. Интересно, что письма В.П. Богданова пересекаются с воспоминаниями Н.В. Бржостовской², поступившей в институт годом позднее. Ровесники В.П. Богданов и Н.В. Бржостовская вспоминают о преподавателях, лекциях, работе институтской библиотеки, столовой, студенческом быте и досуге и др.

Разница в оценке ими тех или иных событий связана с различным образовательным уровнем и социальным происхождением. Н.В. Бржостовская – москвичка, из дворян, до поступления в институт окончила среднюю школу. В.П. Богданов – карел, из крестьянской семьи, имевший лишь четыре класса сельской школы и плохо владевший русским языком.

В письмах В.П. Богданова присутствует его непосредственное, искреннее, иногда очень наивное восприятие окружавшей действительности. Приехав из Карелии семнадцатилетним юношей, он с жадностью старался постичь мир столицы, пытался участвовать в происходивших событиях. В его письмах мы находим свидетельства о политических дискуссиях в студенческой среде, много бытовых подробностей, зарисовки Москвы 1930-х гг. и др.

Изменения стиля писем показывают, как под влиянием среды постепенно повышался образовательный и культурный уровень корреспондента, шире становились его взгляды. В последние годы учебы В.П. Богданов активно содействовал привлечению в Карелию молодых специалистов, для решения их квартирного вопроса обращался к руководству республики.

Письма В.С. Максимова публикуются полностью. В корреспонденции В.П. Богданова опущены фрагменты, связанные с взаимоотношениями сотрудников, вопросами личного характера, а также многочисленные несодержательные вводные слова и предложения, затрудняющие восприятие и без того сложного в стилистическом отношении текста.

Документы представляют несомненный интерес для изучения истории архивного образования и архивного дела в стране.

Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии **И.Г. ПЕТУХОВОЙ**.

Автор благодарит за помощь в подготовке публикации **Е.В. ВДОВИНЕЦ**.

¹ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 30. Оп. 4. Д. 435. Л. 23.

в первые годы» (Воспоминания Н.В. Бржостовской) // Отечественные

² «Историко-архивный институт архивы. 1998. № 2. С. 78 – 90.

№ 1 – 3

Письма слушателя архивных курсов Центрархива РСФСР В.С. Максимова¹ заведующему Центрархивом Карельской АССР Н.В. Хрисанфову²

22 ноября 1929 г. – 14 марта 1930 г.

№ 1

22 ноября 1929 г.

Здравствуйте, Николай Васильевич!

Уведомляю о своем пребывании на архивных курсах. Прибыл в Москву без опоздания, утром 15 ноября. Занятия на курсах начались с 20 ноября, до этого времени не все курсанты приехали, и приходилось ожидать.

Программа курсов та, которая сообщалась на месте. Начали с архивоведения, читал лекции Вишнеvский³, провели уже два занятия по два часа. Одновременно с этим проходили практическую работу над архматериалами в московских архивохранилищах. Состав курсантов разбит по группам 5 – 6 чел., группы же прикреплены к разным архивохранилищам. Я работаю в Древлехранилище: занимаюсь в день по восемь часов, четыре часа с девяти до часу – практическая работа в архивохранилище и с трех до семи – лекции по программным предметам. Работа в архивохранилище будет продолжаться два месяца, после чего число занятий в день обещают сократить. Лекции были, как упоминал выше, по архивоведению и пока что одна – по исторической географии, последнюю читает зав. Древлехранилищем Любавский⁴.

Состав курсантов: большинство молодежь, только двое пожилых, по числам – зав[едующие] и пом[ощники] окружных бюро, половина – [из] рабочего класса и архивариусы.

Общежитие при Центрархиве во дворе (где было и раньше), встаем утром в восьмом часу, по правилам внутреннего распорядка на курсах, в восемь часов должны быть уже готовы к отъезду на работу. Подтягивают, по сравнению с прошлыми годами, на открытии курсов объявили, что уклоняющихся от работ и занятий будут откомандировывать обратно на места до окончания курсов, не сдавшим удовлетворительно зачетов при проверочных испытаниях не будут выдаваться удостоверения об окончании курсов. Стипендию в 25 – 30 руб. Центрархив обещал выдать только семейным, одиночкам не будет.

Работаем по пятидневке, 23 ноября имеем первый день отдыха. Пока что затруднений в программных занятиях не встречал. К обстановке проживания в Москве частично уже привык, был в нескольких музеях и еще намечаю в дни отдыха ряд экскурсий.

Продовольственный вопрос: обедаю в столовой и получаю из продмага паек, в остальном исхожу из бюджета средств, высылаемых Центрархивом.

Что нового в нашем архиве? Привет сотрудникам.

Максимов

НА РК. Ф. 30. Оп. 4. Д. 435. Л. 32 – 33 об. Подлинник.

№ 2

3 – 20 декабря 1929 г.

Николай Васильевич!

Привет и пожелания. Пишу второе письмо, первое уже, наверное, получили, на которое ожидаю от Вас ответа. Что нового в нашем Центрархиве, те же ли работники?

У нас на курсах занятия идут непрерывно, уже окончили «Законодательные памятники и приемы использования их», в скором времени будут проверочные испытания по этому предмету. По архивоведению, по практической работе, за время с 19 ноября по 1 декабря по разборке архивных материалов (разбирал материалы Новгородского первоклассного Юрьевского монастыря и частные архивы князей Долгоруковых и Голицыных) сдал первый письменный отчет. По остальным проводимым сейчас предметам пока что идут лекции, отчетов же нет.

Сегодня ожидал от Вас перевод на деньги, но не получил, не знаю, чем это объяснить, пришлось взять денег до получения у товарища. Кроме того, обращаюсь к Вам с ходатайством насчет стипендии. На курсах у нас семейные получают стипендии от Центрархива РСФСР, а кроме того, как пришлось установить, большинство курсантов получает стипендию 30 руб. от мест, их командировавших, вследствие чего прошу, нельзя ли этот вопрос провести и у нас в Карцентрархиве. Просимая стипендия была бы крайне желательна, т. к. проживание на всем своем здесь обходится очень дорого, в особенности приходится много тратить на продукты питания, покупаемые дополнительно к основному выдаваемому пайку, а последний недостаточен. Кроме же того, необходимо бы было в качестве учебных пособий по некоторым предметам приобрести литературу, что тоже потребует средств. Вот причины ходатайства стипендии. Присылаю заявление по этому вопросу, о результатах мне сообщите.

Начались ли у нас при архиве занятия архивного кружка; как проходит соцсоревнование?

На курсах здесь от Центрархива Киргизии никого нет, есть один человек от их округа, намечался и второй от центра, но пока не приехал. Жду ответа.

Привет сотрудникам архива.

Максимов

НА РК. Ф. 30. Оп. 4. Д. 435. Л. 35 – 36 об. Подлинник.

№ 3

14 марта 1930 г.

Николай Васильевич!

Привет из Москвы. Сообщаю о своей действительности. Пребываю последнее время на курсах. Заканчиваются занятия к 1 апреля, 31 марта последние по расписанию лекции. Этот срок окончания определенный, в апреле задерживаемся не более 4 – 5 дней, для окончательного оформления конца учебы, получения документов и прочее⁵.

В настоящее время читают последние предметы «История арх[ивного] дела в России до революции и после», «Библиоковедение» и др. По законченным предметам сдавали письменные работы.

Последнее время приходится в связи с зачетными работами побольше заниматься. Проводим экскурсии по московским архивам, знакомимся с оборудованием последних и порядком хранения архматериалов.

В настоящее время идет чистка аппарата Центрархива⁶, работают рабочие бригады по проверке работы учреждения и личного состава, где в числе выделенных от курсантов в помощь этим бригадам как представителей с мест приходится работать и мне. Конечно, в свободное время от занятий.

Ввиду окончания курсов в указанное время следующую зарплату прошу выслать мне, если возможно, за месяц по 4 апреля, а также вместе с ней за проезд по железной дороге, всего по моим подсчетам – 119 руб. 20 коп. (зарплата с доп[олнительным] возн[аграждением] с 4 марта по 4 апреля = 91 руб., за проезд по жел[езной] дороге = 23 руб. 20 коп. и пять рублей, уплаченных мною Центрархиву за выписанную для местных архивов из Ком-академии книгу «Палеография» Карского.

Привет всем сотрудникам Ц[ентр]архива.

В.Максимов

НА РК. Ф. 30. Оп. 4. Д. 435. Л. 37 – 38. Подлинник.

№ 4 – 12

Из писем студента Историко-архивного института
В.П. Богданова⁷ заведующему Центрархивом Карельской
АССР Н.В. Хрисанфову

21 ноября 1931 г. – 19 сентября 1935 г.

№ 4

21 ноября 1931 г.

Москва – 12, Центр, Никольская, 15, институт

Добрый день! Guten Tag!

Здравствуйте, уважаемые сотрудники Карцентрархива Н.В. Хрисанфов, В.С. Максимов, Кульбас, Бутурлин, Крючков, Вендерова, Кукушкина и все остальные, кто есть у вас.

Привет от вашего кадра Вас[илия] Петровича с красной столицы Москвы.

Во-первых, хочется указать то, что я в Москву прибыл вполне хорошо. К месту жительства попал кратким путем... С первых дней, как попал в Москву, нужно было знакомиться в собраниях с учебным планом... Настоящие занятия начались 16 сентября с. г. ...Сейчас еще не все предметы проходим. Сейчас только проходим историю Запада, эконом[ическую] географию, языку политику (занятий с преподавателем не было), немецкий, русский языки, военное дело, вечерний политкружок...

Самый молодой – я, и по знаниям, и по возрасту. Есть у меня один товарищ, с которым вместе прорабатываем задания, иногда сидим до двух часов. Вообще говоря, ребята очень хорошие, за исключением некоторых неосознательных.

Насчет книг я говорю, что худо. Институт недавно открыли⁸, книг мало, студентов порядочно, точного количества не знаю. Поэтому у нас организовали библиотеку, и то там только книги можно читать, домой не дают. Библиотека считается маленькой, наполнится, глядишь, уже нужных книг нет. Часто из-за этой библиотеки сидишь первый урок без литературы. Но мы теперь похитрились, что вечером захватим книги, которые на первый урок нужны, после вынесем.

Я нашел на Красной площади читальный зал Исторического музея, куда хожу по дням отдыха. Там есть всякие книги, консультанты, которые объясняют постоянным посетителям. У них есть такие удостоверения, по форме следующие* <...>. Во время русского языка проходим газету «Правда», передовые статьи... Обеды худые, но маленько получше, чем в Петро-заводске, и дорого для нас, студентов... До сих пор еще с кооперативов не могли достать льготных ордеров ребятам. Если чего нужно купить, хоть сапоги, уже 37 руб.

Был интересный случай. Продают галоши по свободной продаже 15 руб., если едино купишь, требуют взамен старые. И у нас вот не было соглас[ия] с лавкой... Спорят реб[ята] с кооперганизаторами, ничего не видят. Это ничего бы, только бы книги были студенту.

Что говорить насчет архивов. Они от института далеко и большие, на-пр[имер], архив Дрвслехранилища. Ну и пыли мелкой, никак его не вычистим. У нас архивная практика теперь будет, так что сплошные одиннадцать дней. И вечерние задания, кроме языков. Работы много.

Я ваши посланные деньги получил, но купил только одну штуку. Оде-яло и полотенце в универмаге на Петровке. Еще нужно обязательно как-ни-будь купить ботинки, пальто, две пары нижнего белья и наволочку. Две простыни есть. А потом, если возможность будет, куплю книги для себя. Тогда можно целую зиму учиться без нужды и без страдания <...>

Богданов Василий Петрович

НА РК. Ф. 30. Оп. 4. Д. 192. Л. 27 – 28 об. Подлинник.

* Далее схематично дано изображение удостоверения читального зала Исторического музея.

№ 5

29 декабря 1931 г.

Москва – 12

Доброе утро! Guten morgen!
Здравствуйте, т. Хрисанфов, В.С. Максимов
и другие сотрудники архива.

Шлю вам свой сердечный и столичный привет. Привет от вашего кад-
ра Вас[илия] Петр[овича] Богданова...

У нас в институте есть 12 национальностей. Живем интернационально.

Среди нас, конечно, есть такие элементы, которые совсем бы не надо пустить даже во двор, рассуждая, конечно, с политической стороны, по важности института. Когда это узнали, то нужно было быть крепким, чтобы выговаривать такое предложение. Это говорится о тех, которые хотели доказать, что правы. Они были на точке зрения контрреволюционного лагеря троцкизма, против которых нужно было бороться всему институту. Туда относился один преподаватель Лапин. Он был зав[едующий] учебной частью, который хотел дать студентам по истории компартии политические ошибки в сторону троцкистской линии. А некоторые приехали такие грамотные, что и установили вокруг себя такую группу, как добрынинщина за «историка» Слудского*, и в дальнейшем [хотели] предать государственный архив. От этой группы были установлены по всем отраслям агитаторы, что говорили пр[имерно]: «Заем "Пятилетка в 4 года" только от желудка, это значит для кого-то со студента дерут последнее, и сиди голодом». И потом о колхозном движении были искривления и т. д. За борьбу против этого все боролись. Да для этого еще пришли выяснять с нашей части от райкома комсомола, чтобы вычистить от этого оппортунизма...

А если смотреть положение, как питаемся и живем, то [оно] заключается в следующем. Живем в доме № 8 во втором дворе. Жить ничего себе. А чтоб держать себя в порядке, это требует богатого. Так все дорого. Стипендия у меня 50 руб., но из нее в руки дают за полмесяца 22 руб. 20 коп. Нам надо заплатить за свет, за воду и вообще за коммунальные услуги. Это дойдет даже в месяц до 9 руб. За стирку белья идет за штуку по 60 коп. У меня семь шт[ук]... за это вычитают 4 руб. 20 коп. Но я редко ношу...

У нас есть такое постановление, что каждый студент должен подписать газету «Правду» и «Экономическую жизнь». И по комсомольской линии «Комсомольскую правду». Это требуется для занятий... Затем только что недавно открыли институт, есть недостаток книг и купить неоткуда. Так, наверное, сами знаете [какое] теперь положение с книгами, что оппортунистическое отношение. Боязно выпускать их в продажу. А как увидишь в магазинах учебник, так за раз берешь. Я взял книгу по истории народов СССР, значит «История России», части I – II – III *М.Н. Покровского, лучшего историка*** . Мне особенно нужно достать материала на русском языке***, т. к. [я] со слабой подготовкой...

* Так в документе. Возможно, правильное написание фамилии Слудский. Установить не удалось.

** Здесь и далее текст, подчеркнутый автором, набран курсивом.

*** Имеется в виду учебная литература по русскому языку.

Здесь повысить стипендии не могут, т. к. я не имею еще производственного стажа, специальность не имел, общественной нагрузки и пр. Многие студенты ушли от такого положения*, что неоткуда достать помощи. Но я, как и всегда, ставлю задачей, что терпеть надо, ведь это не назло сделано, нужно маленько лучше потерпеть, чем оставить великую постройку фундамента социализма...

У нас был и один месяц производственной практики – декабрь. Я был в Первом историческом архиве Моск[овского] обл[астного] арх[ивного] бюро в Спасском монастыре⁹. Практика проходила очень хорошо и с охотностью. Практику освоил и вып[олнил] на 130 %, что контрольные вопросы были, так их я перевыполнил ответами...

Ник[олай] Васильевич, наверное, даже и не веришь, какой у нас холод, резкий мороз бывает, градусов –37. Улицы узкие, там еще как ветер дернется, как в трубе. Что-то в Карелии такой погоды еще не замечал в эти годы. На этих днях «Вечерняя Москва» сообщает, что в Карелии +2° тепла, а в Москве –3° холода. Тут географические причины действуют.

Свободного времени не имеется, хоть кругом сутки и сидим над заданиями. Здесь, кто ребята сильней, ходят ночью на работу и зарабатывают по 20 руб. в ночь... А если бы мне еще пойти, тут и на уроке бы не сидел, и так устаешь от занятий. Каждый вечер, каждое свободное время спорим по политическим вопросам, от этого развиваем себя и замечаем, кто к чему стремится. Таким путем и найдем мелких либеральных явлений.

Видел во время праздника пролетарских вождей на Мавзолее Ленина. Праздник прошел много раз веселее, чем у вас.

У нас булок продают всегда и по карточкам, и по свободной продаже. Жить можно, лишь бы денег было...

С Новым годом, прив[ет] последнему году пятилетки! До свидания.

Богданов

НА РК. Ф. 30. Оп. 4. Д. 192. Л. 25 – 26 об. Подлинник.

№ 6

2 апреля 1932 г.

Москва

Привет от Василия Петровича.

Здравствуйте, дорогие товарищи сотрудники Карельского архива: Николай Васильевич, Василий Степанович, Бутурлин и другие сотрудники и сотрудницы. Еще раз привет от вашего будущего научного работника архивиста Богданова...

Во-первых, сообщаю, что ваше посланное письмо получил... Между прочим, вы там говорите, почему не приехали в Петрозаводск? Я на это отвечаю, что вы и раньше знаете, что литера не получил... Как же ехать далеко и [на] короткий срок?

Действительно, Николай Васильевич, разговоров [у вас], стало быть, много, как в Женевской конференции. Тут первым долгом вам охватить бы

* Имеется в виду отчисление.

вопрос о моих достижениях по архивной технике, также в сравнении с постановкой работы в вашем архиве, и о вашем «медленном» ходе работ. Это я пишу с точки зрения того, что вы очень худо высылаете сводки в ЦАУ СССР о ходе работ. Сколько фондов разобрано, поставлено в порядок и можно сдать в архив на службу соцстроительству и пр.

Мы когда по практике работали в архиве на тему «Фондовые карточки и справочный указатель», то [нам] показали и связь ЦАУ СССР с республиканскими [архивами]. Там я видел, что вы очень мало даже высылали в центральную картотеку фондовых карточек, когда я видел, что у нас большой архив...¹⁰ У нас 2-я производственная практика началась [с] 22 февраля до 31 марта. Наша бригада была в архиве народного хозяйства, напротив Карпредставительства¹¹.

В связи с практикой я заболел гриппом, потом еще получил осложнение... Я заболел от простуды следующим образом. У нас был очень сильный снегопад... После сильной метели стали [проводить] большие субботники по чистке снега на желез[но]дорожных вокзалах и на улицах, а еще на трамвайных линиях. Туда и нас, студентов-комсомольцев, брали. У меня ботинки износившиеся, без подошв, стало холодно. Мне, конечно, велели идти домой от работы, чтоб не простудиться. После через дней пять стали теплые дни, стал снег здорово на дворах таять и искусственно [его] таяли. Тут промочил ноги, еще и заболел гриппом 14 марта, затем осложнение на ноги, горло и на ухо... От этого теперь и лечусь...

Еда грубая, и то обед в день один раз в фабрике дают, который стоит 55 коп., а иногда 70 коп. Сейчас чувствую [себя] легче, чем 22 – 24 марта, когда жара была 39,7°. Главное, что это остановило мою практику, на которой проходили ценную работу, а именно историческую – *выявление материалов по истории народов СССР*.

Между прочим, по архивной практике я узнал много. Это увидите в августе месяце, когда приеду домой и привезу задания...

Что постановили, чтоб повысить мою стипендию от вас? Скажу комсомольским словом, что положение трудное, только теперь получаю на полмесяца только 12 руб. 32 коп. с 25 руб., а все [по]дорожало. Взять, например, сахарный песок. Было в декабре 86 коп. [за] 1,5 кг, а сейчас 1 руб. 43 коп....

Я живу в общежитии дома номер 8, против института, рядом политчасти, где был архив Кр[асной] армии. Комната хорошая... До свидания.

Вася

НА РК. Ф. 30. Оп. 4. Д. 192. Л. 29 – 30 об. Подлинник.

№ 7

12 октября 1932 г.
Москва

Привет от студента 1-го курса 1-го семестра Вас[илия] Петровича Богданова.

Николай Васильевич, во-первых, сообщая, что в Москву прибыл благополучно. Учиться начали с 1 сентября 1932 г. Учение идет. С 7 октября приступили к практическим занятиям. Темы нашей проработки: 1) указате-

ли к описям, 2) обзор фондов, 3) выдача научных справок (справочный аппарат). Практика продлится до 7-го следующего месяца. Над первой темой проработали 3 дня, дал норму выработки 160 указ[ательных] карточек, из них было три неточных карточки, т. е. [неправильно] применена тематика в рубрике. Это усвоил. На этом, конечно, останавливаться не следует, т. к. мы то и делаем, т. е. учимся.

Сейчас хочу сказать про родную жизнь, жизнь студенческую. До данного времени Институт архивоведения мог гордиться тем, что во время наборов студентов поступающих доходило около 1000 чел[овек] (последн[ий] набор факт[ическое] число 913 чел[овек]), из них приняли 90 чел[овек], т. к. институт не имеет мест.

Но, несмотря на рост поступающих, количество фактически студентов не растет. Встает, конечно, вопрос: *почему?*

Сначала сомнительно догадаешься. А это вот почему. 1) Студентам теперь нет помещения хорошего. С хорошего [с]делали магазин закрытый какой-то, а нас загнали в подвал дома 15, где с улицы могут «идти всякие грязи» (этого хотя еще не было...). 2) Студенты не были еще прикреплены целый месяц к столовой, а столовые и не хотели прикреплять, но потом прикрепили. От Никольской к Садово-Каретной, это порядочный путь – ехать на трамвае, и обеды по 1,5 руб. Я туда ни разу хотя не поехал, т. к. во-первых, в галошах ехать, можно потерять, и во-вторых, не хватало бы денег. Питался хлебом за счет товарищей (коммуна «Прогресс» из трех студентов). Которые 50 руб. был должен, те заплатил уже, и забрал снова очень много [в долг] относительно моей стипендии (50 руб.).

Сей год [у]держивают относительно прошлого года больше [на] 2 руб., остается лишь чистых на полмесяца 15 руб. 32 коп. Белье в прачечные не носим, т. к. нет возможности. Мыла совсем не достать. В основном и нечего мыть. Хотели уже с прошлого года организовать столовую, но не разрешили – мало людей и отсутствие удобн[ого] помещения.

Из[-за] таких худых условий студенты затребовали хлебные карточки по 1-й категории, как и социально-экономический вуз, как и другие. Моссовет отказал следующим образом: «Поскольку постольку ваш ин[ститу]т не находится наравне комвузов и соц[иально]-эк[ономических] вузов, 1-я категория отказывается».

В этом отношении и зав[едующий] ЦАУ т. Максаков забегал и в ЦИК, и в ЦК, а ничего неизвестно до данного момента. *Из этого самого почти половина студентов даже с последнего курса, которым осталось 9 мес[яцев] уч[иться], разъехались* (Беляев, Вешторг и др.). От такого положения, правду говоря, Ник[олай] Вас[ильевич], жить трудно и не хватает даже, как прошлогодня подсобная стипендия 30 руб.

Следовать примеру многих как-то не хочется, но, наверное, придется... До свидания

Вас[илий] Петрович Богданов

НА РК. Ф. 30. Оп. 4. Д. 192. Л. 21 – 21 об. Подлинник.

№ 8

13 апреля 1933 г.

г. Москва

Добрый день!

Привет от меня всем сотрудникам архива: Николаю Васильевичу, Максиму, Макарьевой, Щегловой, Вендеровой, т. Кульбас и др.

Да, надо сказать, что давно не сообщал, как я здесь нахожусь и проживаю, и главное, учусь. По сравнению с первым годом пребывания в институте, на этом году есть достаточно-таки большие достижения в деле учебы, материальных и культурных условиях. Если [в] прошлом была программа вуза так себе, т. е. много было ошибок, через чего не сумели дать многое и то, что нужно было... Сейчас, между прочим, коренным образом изменился метод преподавания, как вам известно, согласно постановления «О высшей школе»¹². Исходя лишь из этого есть достижения в преподавании.

Теперь в области снабжения студентов. Если у нас в прошлом году пришлось питаться без столовой, то сей год есть своя, находимся на рации. Дают 3 раза в день. Институтскую стипендию *всю* задерживают за рацион. Хлебные карточки отобрали... хотя этого не хватает, но все-таки есть улучшения.

В деле культурного обслуживания есть и радио, ходим орг[анизованно] в кино и др. Я сам лично в кино не хожу из-за отсутствия времени.

Я значительно подтянулся... в том, что в прошлом году... проходили, то мало в чем разбирался, а сей год, более заинтересован, чтобы больше охватить и узнать. И по отметкам преподавателей. Отметки увеличились. По четырем предметам хорошо, остальные удовлетвор[ительно], а [в] прошлом году этого не было. Сейчас моя задача состоит в том, чтобы я этим отметки закрепил и шел вперед.

Надо указать на трудность... Болею истощением нервной системы на почве переутомления... и от простуживания, от сырости ног. Врач освободил от занятий на 4 нед[ели], и то не решаюсь использовать, ибо будет особенно худо...

Давеча получил письма [из] дома, пишут, что нечем жить, некому в семье работать, а отсюда ее следствия. Я высылал им деньги с этого количества, что страшно невыгодно, что задолжался много.

Как у Вас, т. Н.В., обстоит дело, как один руководишь всем архивом? Что страшно много работы и трудно, я думаю, регулировать рабочие силы, как недостаточно квалифиц[ированные] кадры... До свидания

Богданов

НА РК. Ф. 30. Оп. 4. Д. 192. Л. 22 – 22 об. Подлинник.

№ 9

21 июня 1935 г.

Москва

Здравствуйте, Николай Васильевич!

Могу сказать, что все препятствия и трудности в учебе преодолены. Сомнение о том, смогу ли с моими знаниями выдержать учебу и ее окончить

наравне с другими студентами, исчезло. На 17 июня 1935 г. все учебные дисциплины в зачетах сданы полностью. «Хвостов» или неудовлетворительных отметок совершенно не имею.

Я заверяю тебя, как управляющего ЦАУ, и советское государство, как чутко, заботливо выращивающих кадры на соцстройку, в том, что на практике работы освою все те детали круга моей работы и оправдаю те все средства государства, которые были затрачены на обучение и материальное содержание.

Я получил уже тему дипломной работы, и она называется «Организация Арх[ива] Окт[ябрьской] револ[юции] КАССР». Конечно, можно было бы брать и другие темы, как-то: методические, публикаторские, но брал именно эту и думаю, что не прогадал в этом... Квалификационная комиссия дипломников третьей, четвертой групп проходит жестко. Так что от кого ожидаешь отличной или хорошей отметки, дадут лишь удовл[етворительно] или же неуд[овлетворительно] и предложат переделать. К этому пример, студент Стрельский, кругом отличник в учебе, писал статьи в журналах, газетах, а отметку диплому дали «Уд[овлетворитель]но. Советуем переделать».

Нам, как дипломникам, с 1 сентября надо эти ошибки и недостатки учесть, вернее, воспользоваться опытом этих дипломников и написать дипломы совершенно отличные от этих дипломов. Если сумею диплом выполнить на хорошо, будет и аттестат полный. Включился в борьбу за последнюю... Диплом предлагается писать на конкретных материалах, поэтому буду подготавливать материал у вас.

На составление дипломной работы дают сентябрь – октябрь и ноябрь, декабрь – защита. Затем после зимнего отпуска приступлю работать в качестве сотрудника Кар[ельского] центр[ального] арх[ивного] управления... С приветом.

Богданов

НА РК. Ф. 30. Оп. 4. Д. 192. Л. 37 – 37 об. Подлинник.

№ 10

8 сентября 1935 г.
Москва

Дорогой Николай Васильевич!

Сегодня вывесили список оканчивающих институт с указанием, кто куда должен ехать на работу. На наш контингент из 60 человек выпал только один я! Я с зав[едующей] учебной частью говорю, почему так, та отвечает спроста: «И хватит». Я, как бешеный, иду к т. Лапину и говорю: «В одном из отношений в наш ЦАУ вами сказано, будет 2 человека, я и еще один. Исходя из этого, почему это так получилось?» Он говорит: «Больше мы и не хотим дать, т. к. у вас нет условий для встречи наших кадров. У нас есть заявки с других республик, где предъявили для них отличные условия. В таком случае ребята поедут туда, где их обеспечивают и сумеют прикрепить в постоянные кадры».

Я от него потребовал категорически отмены такого мнения о том, что у нас нет условий в смысле оклада, квартиры и т. п. Говорил, что наш ЦАУ

способен больше условия создать, чем какая-либо республика, край или область... Исходя из этого вам предстоит срочно написать отношение о необходимости высылки еще одного товарища. Это нам необходимо, т. к. после нашего выпуска выпуска в течение целого года не будет. При следующем выпуске будет только выпуск имэловцев¹³ чел[овек] 25, что из них к нам ни один не поедет. Отсюда 2 года будем сидеть без пополнения...

Теперь нам, как дипломникам, будут давать ордера на заказ пальто зимних – демисезонных, на костюмы, обувь и т. п. ...Сейчас к теме подыскиваю литературу и читаю, составляю диплом. До сих пор еще не закрепили руководителя... С приветом.

Богданов

НА РК. Ф. 30. Оп. 4. Д. 192. Л. 38 – 39 об. Подлинник.

№ 11

13 – 14 сентября 1935 г.

Москва – 12

Здравствуй, Николай Васильевич!

Подготовительные работы по дипломной работе подходят к концу, 16-го будет последняя, очевидно, консультация. Я у себя имею успех в смысле вербовки кадров. Большое желание изъявил дипломник методист-публикатор т. Сивенков. Его сперва решили отправить в Барнаул, но там нет тех учебных и других учрежд[ений], где бы он мог дать свои силы в работе. Поэтому он туда ехать отказывается. В группе 5-й и 6-й, надо сказать, [он] один из сильных товарищей.

Я это письмо пишу при нем. Он здесь делает только замечание относительно квартиры... Я думаю до 1 февраля времени еще есть, к этому времени это обеспечить сумеете... Таким скрытым путем мы сумеем выполнить свою мечту о кадрах... Ну все. Мой руководитель сам т. Лапин... С приветом.

В.Богданов

НА РК. Ф. 30. Оп. 4. Д. 192. Л. 40 – 40 об. Подлинник.

№ 12

19 сентября 1935 г.

Москва – 12

Здравствуй, Николай Васильевич!

Я имею подлинный успех. Скоро приеду, очевидно, к 24 сентября, не один, а двое. Со мной приедет т. Горбков Ал[ександр]¹⁴... Дипломную работу он сдал на хорошо. На это письмо ответ вполне успеет прийти, так что я думаю, ответите о желании встречать методиста-публикатора...

Он желал ехать на работу в Карелию сразу. ЦАУ [направило] по командировке в Таджикию. Побыв [там] несколько времени, из-за климата заболел. Там невыносимая жара и т. п. Он оттуда вернулся в Москву и по-

мимо ЦАУ пожелал ехать к нам в Карелию. В Петрозаводске работает его земляк Н. Грибачев – писатель. Он женат на студ[ентке] II курса нашего института... С приветом.

Горбков, Богданов

НА РК. Ф. 30. Оп. 4. Д. 192. Л. 42 – 43. Подлинник.

№ 13

Из письма В.П. Богданова председателю СНК Карельской АССР Э.А. Гюллингу¹⁵ об обеспечении молодых специалистов Центрархива Карельской АССР жильем

27 октября 1935 г.
Петрозаводск

Дорогой Эдуард Александрович!

<...> В Москве я положил много трудов на то, чтобы достать молодых специалистов в наш Центрархив и этими силами сдвинуть наш Центрархив с архивариусного положения в ряды действительных научных учреждений. Этого я добился. Прибыло два научных работника. В феврале 1936 г. придут еще двое и жены-студентки этих работников. Таким образом, никакая другая республика или область, край не получают столь[ко] работников, как мы.

Прибывшие сотрудники взялись за серьезную работу. Это создание первого сборника {по истории} редвижения в 1905 г. в Карелии¹⁶. Эта великоответственная задача находится под срывом. Молодые специалисты работают уже третий месяц и живут без квартиры. Один из них из-за трудных условий заболел и заявил об уходе с работы с 1 ноября, т. к. нет условий... Сейчас есть возможность купить дом на Комсомольской ул., но не разрешают...

Я, дорогой Эдуард Александрович, убедительно прошу вмешаться в это дело и дать указание... о немедленном разрешении покупки здания Центрархиву¹⁷. Я тоже нахожусь в нужде квартиры, но так резко вопрос не ставлю, ибо я знаю, какое положение у нас на данный момент... С комсомольским приветом.

Твой Василий Богданов

НА РК. Ф. 30. Оп. 4. Д. 192. Л. 44 – 44 об. Подлинник.

¹ Максимов Василий Степанович (1904 – ?), карел. Образование – два класса школы 2-й ступени и двухгодичные общеобразовательные курсы по подготовке в вуз (г. Петрозаводск). В Центрархив КАССР принят архивариусом 3 ноября 1928 г. После окончания архивных курсов до 1933 г. работал старшим архивариусом, инструктором ЦАУ КАССР.

² Хрисанфов Николай Васильевич (1898 – 1938) – выпускник исторического факультета Ленинградского университета. В 1924 – 1936 гг. заведующий Центрархивом Карельской АССР. В июле 1936 г. перешел на работу в Карельский научно-исследовательский институт культуры. Репрессирован в 1937 г. (ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР). Расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

³ Вишневский М.С. (1898 – 1938) – до революции преподаватель Петербургского университета. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. сотрудник ЦАУ СССР. С 1931 г. преподавал в ИАИ, в 1931 – 1938 гг. зав. кафедрой методики и техники архивного дела. Автор учебного пособия по данной дисциплине. Уволен из ИАИ в 1938 г. (см. о нем: *Корнеев В.Е., Копылова О.Н.* Архивист в тоталитарном обществе: борьба за «чистоту» архивных кадров (1920 – 1930-е годы) // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 37; «Историко-архивный институт в первые годы» (Воспоминания *Н.В. Бржостовской*) // Там же. 1998. № 2. С. 85, 90).

⁴ Любавский М.К. (1860 – 1936) – историк, академик АН СССР. С должности зав. Древлехранилищем уволен в 1930 г. в результате чистки кадров (см. о нем: *Корнеев В.Е., Копылова О.Н.* Указ. соч. С. 33; *Старостин Е.В.* М.К. Любавский – историк-архивист // Отечественные архивы. 2001. № 1. С. 33 – 45).

⁵ В.С. Максимов получил удостоверение об окончании пятимесячных курсов при ЦАУ РСФСР 31 марта 1930 г. (НА РК. Ф. 30. Оп. 4. Д. 435. Л. 20).

⁶ О чистке кадров Центрархива РСФСР в 1930 г. см.: *Корнеев В.Е., Копылова О.Н.* Указ. соч. С. 33.

⁷ Богданов Василий Петрович (1915 – ?), карел. Образование – четыре класса сельской школы, двухгодичные курсы по подготовке националов в техникумы (1931). Направлен в 1931 г. на учебу на подготовительное отделение Института архивоведения, далее обучался в институте по четырехлетнему курсу.

⁸ В 1930 г. был открыт Институт архивоведения. Первый набор студентов – 1 апреля 1931 г. С 1932 г. переименован в Историко-архивный институт.

⁹ Имеется в виду Исторический архив, входивший в состав Московского областного архивного бюро, занимавший хранилища в церкви бывшего Новоспасского монастыря (см. «Нет, не жалею я, что всю жизнь была архивистом...» (Из воспоминаний В.Е. Дербиной) // Отечественные архивы. 1996. № 6. С. 67).

¹⁰ Работа по систематизации и описанию документальных материалов в Центрархиве КАССР действительно шла очень медленно, так как документы (в большинстве россыпь) были рассредоточены в нескольких непригодных подвальных помещениях. В основном эта работа была завершена перед войной.

¹¹ Имеется в виду Представительство Карельской АССР. Первоначально было открыто при Наркомате по делам национальностей РСФСР (1920 – 1924). С 1924 по 1938 г. – при Президиуме ВЦИК.

¹² Об изменениях в преподавании истории в ИАИ см.: «Историко-архивный институт в первые годы»... С. 86.

¹³ О группах имэловцев см.: *Корнеев В.Е., Копылова О.Н.* Указ. соч. С. 37 – 38; «Историко-архивный институт в первые годы»... С. 82.

¹⁴ Горбков Александр Ильич прибыл в Карелию 27 сентября 1935 г. В Центрархиве КАССР работал до 1938 г.

¹⁵ Гюллинг Э.А. (1881 – 1938) – участник революции в Финляндии в 1918 г. В 1920 – 1923 гг. председатель Карельского ревкома и областного исполкома. С 1923 по 1935 г. председатель СНК КАССР. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

¹⁶ Сборник, посвященный революции 1905 г., был издан только после войны.

¹⁷ Дом по ул. Комсомольской в г. Петрозаводске был куплен для Центрархива КАССР в 1935 г.

Уо Д.К. История одной книги. Вятка и «не-современность» в русской культуре Петровского времени. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 394 с. – 500 экз.

Дэниэл Кларк Уо давно и плодотворно работает в области изучения русских исторических источников XVI – XVIII вв. Особенностью его творчества является сочетание кодикологического и текстологического исследования рукописей с анализом их идейного содержания и политической направленности. Среди иностранных ученых, занимающихся историей России, профессор университета Вашингтон, Сиэтл, Д.Уо выделяется своими источниковедческими подходами. В центре его внимания всегда рукопись со всеми ее внешними и внутренними особенностями. Как никто другой, Уо усовершенствовал методику изучения бумаги русских рукописей XVII – XVIII вв., внес много нового в приемы их датировки по водяным знакам и почеркам.

В монографии 1978 г., посвященной изучению подложной «переписки» турецкого султана с европейскими государями XVI – XVIII вв., автор проявил, как и в более ранних своих трудах, замечательное умение работать с рукописями¹.

В монографии «История одной книги» Уо продолжил свои оригинальные изыскания в сфере кодикологии и текстологии русских рукописей того же периода. На этот раз главным объектом его внимания стал так называемый «Анатолиевский сборник», составленный в начале XVIII в. в г. Хлынове (с 1781 г. – Вятка, с 1934 г. – Киров).

Созданию монографии предшествовала большая поисковая и исследовательская работа, результаты которой поэтапно обнаружались на конференциях и в виде отдельных статей.

Изучаемый автором сборник представляет собой обширный конволют. В нем насчитывается 614 листов и содержатся разнообразные по характеру тексты. Сборник получил название «Анатолиевский» по имени ректора Казанской духовной академии Анатолия Грисюка, который подарил эту рукопись названной академии в 1916 г. (С. 264)².

Научным подвигом Д.Уо является прежде всего установление современного местонахождения «Анатолиевского сборника». О пребывании этой рукописи в Казани в конце 1910-х – начале 1920-х гг. свидетельствуют статьи К.В. Харламповича 1919 и 1923 гг., в которых упоминается данный сборник. Он же дал сборнику название «Анатолиевский» (С. 32). В монографии Д.Уо этот конволют чаще именуется «Вятской книгой» (ВКн – С. 33 и др.). Отправной точкой для поисков сборника послужило для Уо новое печатное упоминание о рукописи с текстами подложной «переписки» турецкого султана. Сведения о таком сборнике привел в 1977 г. А.И. Мазунин в своем описании славяно-русских рукописей научной библиотеки Ташкентского университета и республиканской библиотеки им. Алишера Навои³. Посетив Ташкент в 1991 г., Д.Уо установил по инвентарным описаниям шифр рукописи. Вслед за обнаружением сборника началось подробное его описание и изучение, которое автор продолжил во время вторичного посещения Ташкента в 1996 г. Речь

идет о рукописи Государственной библиотеки им. Алишера Навои Республики Узбекистан № Пи 9250, поступившей сюда в 1974 г. Как и у кого она была приобретена, неизвестно; каким образом сборник попал из Казани в Ташкент, тоже неясно (С. 33).

Из-за ограниченного срока пребывания в Ташкенте Д.Уо не мог переписать весь огромный кодекс от корки до корки и вынужден был ограничиться более или менее пространными выписками. Он не получил ни ксерокопии, ни микрофильма всего сборника, хотя отдельные страницы были для него пересняты. Водяные знаки пришлось срисовывать от руки, поскольку изготовить с них кальки было невозможно. Отсутствие в республиканской библиотеке Узбекистана альбомов флиграней и тех публикаций источников, с которыми можно было бы сравнить тексты сборника, затрудняло кодикологическую и текстологическую работу исследователя с рукописью (С. 262 и др.). Вместе с тем автору удалось сделать большое количество выписок и рисунков, и они позволили ему ответить на основные вопросы, связанные с изучением происхождения и содержания сборника.

Для осуществления этой задачи Д.Уо, разумеется, не ограничился исследованием только данной рукописи. В сферу его внимания попал широкий круг рукописных источников, находящихся в хранилищах Москвы, Петербурга, Кирова и Казани (полный их список см. на с. 385 – 386). Особенно интенсивно были использованы рукописные сборники Отдела рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (Погодинское, Соловецкое, Софийское и другие собрания). Подверглись анализу также многочисленные печатные источники XVII – XVIII вв.

Кроме того, следует отметить прекрасное знакомство автора с научной литературой, российской и зарубежной, касающейся как специальных ис-

точниковедческих аспектов темы, так и общей проблемы «современного» и «несовременного» в менталитете столичных жителей и провинциалов в XVII – XVIII вв.

Состав и содержание «Анатолиевского сборника» позволили Д.Уо рассматривать данный конволют как «частную библиотеку» (С. 34), «a library in itself» (С. 390). Такой подход представляется оригинальным и, вероятно, может быть распространен на некоторые другие сборники подобного типа. Вместе с тем Уо допускает, что Вятский сборник являлся лишь частью библиотеки определенного лица, а именно С.Ф. Попова: «Надо признать, что ВКн – это еще не вся его библиотека, а полный состав библиотеки Попова нам неизвестен» (С. 254). Таким образом, получается, что ВКн хотя и есть «библиотека сама по себе», однако представляет собой только часть библиотеки. Нет ли в этом некоторого логического противоречия?

Большой заслугой Д.Уо является определение времени создания и установление личности составителя Вятского сборника. Автор убедительно доказал, что составителем сборника был Семен Федорович Попов (С. 130, 143, 207, 218, 221, 224 – 225, 236, 238 – 239 и др.). Д.Уо предполагает, что С.Ф. Попов родился около 1654 г., в 1696 г. служил дьячком в хлыновском Богоявленском соборе, дважды исполнял должность бурмистра – в 1700 и 1704 гг. – и умер между 1715 и 1717 гг. (С. 218, 224, 238 – 239). В одном месте своего труда Уо характеризует С.Ф. Попова как «историка Вятского архиепископства» (С. 227).

Д.Уо реконструировал не только биографию, но и родословную С.Ф. Попова (С. 231). Периодом наибольшей активности последнего в собирании источников и работе над ними исследователь считает время с 1702 – 1704 до 1710 г. К 1706 г. Уо относит нумерацию тетрадей первой части сборника (Л. 1 – 371). Подготовка

к переплету второй части (Л. 372 – 614) была закончена, по мнению Уо, в конце 1715 или начале 1716 г. Автор отмечает, что, судя по филиграммам, в рукописи не было никаких пластов бумаги ранее 1700 и позднее начала 1716 г. (С. 284). *Terminus ad quem* подтверждается также датами писем и других официальных документов, текст которых был внесен в книгу.

В приложении № 1 состав сборника описан автором в порядке расположения листов рукописи (С. 269 – 284). В основной же части монографии характеристика материала распределена по главам в соответствии с тематикой текстов. Автор сам признает такое разделение в значительной мере искусственным и модернизаторским, однако считает, что без него невозможно обойтись (С. 35). В работе выделены следующие тематические рубрики: Религиозная литература (гл. 2); Панегирическая литература (гл. 3); Историко-географическая литература (гл. 4); История Вятского края (гл. 5); Повесть о стране Вятской (гл. 6). Деятельность и духовный мир составителя сборника характеризуются в последней, 7-й главе (первая глава посвящена постановке вопроса и историографии).

Наиболее интересными в текстологическом отношении и вместе с тем особенно сложными для восприятия являются главы 5 и 6, где выясняется соотношение различных рукописных текстов, касающихся истории Вятки. Автор доказывает, что ВКн содержит самый ранний на данный момент список первой редакции второй части «Повести о стране Вятской» (ПСВ) (С. 140, 189). Вместе с тем вся ПСВ не вошла в состав ВКн. В ней находится только ее часть – «Сказание о вятчанах», обозначенное Д.Уо как СВ. «Найденный мною в ВКн СВ является именно тем письменным источником, существование которого предполагал Эммаусский», – пишет автор (С. 198). «Сказание о вятчанах» Уо

обнаружил в краткой летописи (Т) внутри ВКн (С. 140, 186). Кроме того, в ВКн на Л. 595 – 596 находятся вятские известия новгородского происхождения. На С. 186 монографии помещена схема, иллюстрирующая взаимосвязь текстов. Наряду с ВКн здесь использован сборник РНБ F.IV.219, в котором содержатся тексты Хронографа редакции 1617 г., «Летописца старых лет» и др. В схеме фигурирует и «Вятский временник», составленный С.Ф. Поповым. Текст его не входит в состав ВКн. Он был опубликован А.С. Верещагиным в 1879 и 1905 гг. по списку, местонахождение которого ныне неизвестно (С. 142).

Генеалогия и соотношение текстов «Повести о стране Вятской» и «Вятского временника» изучены Д.Уо с большой тщательностью. В работе содержится целый ряд тонких текстологических наблюдений, которые представляются весьма убедительными. В частности, показано, что «Летописец старых лет» и «Вятский временник» восходят к общему источнику, у которого, в свою очередь, был источник, общий с источником «Сказания о вятчанах» в летописи Т, включенной в ВКн (С. 182, 186). По стилю и содержанию источников Уо устанавливает, что автором «Повести о стране Вятской» был С.Ф. Попов, а составлять это произведение он начал, скорее всего, «в 1706 г., после возвращения вятских церковников из Москвы, огорченный церковной политикой Петра Великого» (С. 222). Вероятно, еще до этого, но после 1703 г. Попов написал повесть «О Цареконстантиновской церкви», а к 1710 г. закончил «Вятский временник». В своих трудах Попов, согласно наблюдениям Уо, проводил идею святости Вятской земли, исконной независимости вятчан и их предков – новгородцев. Именно этим определялся интерес Попова к местным чудотворным иконам, крестным ходам и к сообщениям новгородских летописей об освоении Вятки новго-

родцами (С. 221 – 222, 241 – 242, 246 – 247, 249 – 251).

Толчок к созданию сборника как цельного памятника исследователь видит в недовольстве С.Ф. Попова и стоявших за ним вятских церковников религиозной политикой Петра I, с проявлением которой они столкнулись во время посещения Москвы в 1705 г. (о признаках скрытого недовольства политикой Петра, отраженных в сборнике, см. также С. 61). «Перспективы на будущее в 1704 – 1705 гг., – пишет автор, – наверное, казались катастрофическими... В такой обстановке исследование истории Вятки в более широком контексте истории Руси могло закрепить сознание уникального вклада местных, и особенно религиозных, традиций» (С. 240).

Это замечание очень интересно, поскольку оно объясняет происхождение сборника, синтезирует причины, по которым он мог быть создан. Весьма любопытны также наблюдения автора в главах 2 – 4 о возможных целях составления и включения в сборник выписок из различных источников – от «Космографии», «Пчелы» и Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского до учебников арифметики и латинского языка, «Ведомостей» и «Марсовой книги». Д.Уо отмечает наличие у автора сборника интереса к эсхатологическим предсказаниям (С. 48 – 49, 51 – 52, 67 – 68), текстам о почитании икон и креста, местных святынь (С. 63, 65 – 66, 79 – 80, 83 – 85), о необходимости противостоять страстям (С. 70 – 71), долге родителей и детей (С. 77), отношении к женщинам (С. 61 – 62), иноверцам (С. 79) и др. Ряд текстов мог, по мнению Д.Уо, приводиться для использования в целях назидания (С. 73, 79) и наставления молодых (С. 65). Из исторических деятелей автор сборника проявил интерес, в частности, к Августу (С. 59 – 60) и митрополиту Филиппу (С. 47). Д.Уо полагает, что Августом составитель мог интересоваться как легендар-

ным основателем рода русских князей, а митрополитом Филиппом – как жертвой гнева Ивана IV. Между тем, по наблюдениям Уо, у составителя не прослеживается интереса к античным философам (С. 43), двойственной природе Христа (С. 59) и другим абстрактным и догматическим вопросам.

По поводу выдержек из Толкового Евангелия Д.Уо замечает: «В целом обзор цитат из комментария “Толкового Евангелия” наводит на мысль, что наш книжник не особенно интересовался библейскими текстами (скорее всего, он их знал наизусть) или глубокими идеями христианской догмы. Цель составления выписок, возможно, состояла в желании иметь под рукой изречения, которые можно было бы применять для руководства в ежедневной жизни» (С. 61). В другом месте своей монографии Уо говорит, что для составителя сборника русская история «в первую очередь являлась продолжением библейской» (С. 139). Если это так, почему в выписках из Толкового Евангелия нет намека на то, что библейская история является непосредственным введением в русскую историю? В летописце патриарха Никифора и в хронографах обычно фигурирует промежуточное звено между библейской и русской историей – история Рима и Византии.

Анализ составительской и авторской деятельности С.Ф. Попова позволил Д.Уо рассмотреть в широком плане вопрос об исторической концепции и менталитете своего героя. В его мировоззрении он обнаруживает провиденциализм (С. 39 – 40; ср. С. 240, 254) и «мистический регионализм» (С. 240, 392). Последний термин (mystical regionalism) изобрел Виктор Тернер (Victor Turner) в 1970-х гг. Д.Уо вполне справедливо критикует распространенную (особенно в советской историографии) тенденцию резкого противопоставления религиозной и светской мысли в мировоззрении деятелей конца XVII – первой четверти

XVIII в. (см., например, о «модернизирующих» тенденциях А.П. Богданова при характеристике концепций А.Лызлова и С.Медведева – С. 115, примеч. 2)⁴. Он убедительно показывает, что религиозное мышление было свойственно не только С.Ф. Попову, но и другим деятелям этой эпохи, например, Б.П. Шереметеву, И.Посошкову, П.А. Толстому, холмогорскому архиепископу Афанасию (С. 254 – 259).

Наличие религиозного мировосприятия у людей конца XVII – начала XVIII в. дает Уо основание для вывода о «не-современном» мировоззрении С.Ф. Попова (С. 253, 255; ср. С. 392). Понятие «несовременный» является, на мой взгляд, не вполне удачным. Автор целиком воспринял терминологию Б.Латура, который правильно говорит, что в любой период и в любой культуре человек всегда находится в состоянии перехода от старого к новому: традиции остаются и изменяются, а совсем нового нет (С. 17). Следовательно, все зависит от точки зрения: с одной стороны, любого человека можно считать «несовременным», с другой – «современным».

Кроме того, между английским термином «modern» и его буквальным русским переводом – «современный» – имеется некоторая смысловая разница. Если «modern» можно понять как «новый» и связать с определенными чертами «нового времени», т. е. рационализмом, индустриальным прогрессом и т. п., то русское слово «современный» не имеет такого конкретно-исторического значения и является социально- и идеологически абстрактным. Действительно, по-русски могут сказать о каком-то человеке, что он «несовременный». Но это, скорее, характеристика моральных качеств человека, причем чаще всего со знаком «плюс» («не в меру» щепетильный, благородный, рыцарственный).

Если определять С.Ф. Попова и И.Посошкова как людей «non-modern», в этом будет какой-то смысл

при ориентации на Англию «нового времени». Но по-русски определение «несовременный» для этих людей ведет к *qui pro quo*. Конечно, они не стали рационалистами, протестантами или атеистами, но они очень «современны» для своего времени, так же как вполне «современным» был и «регионализм» в конце XVII – начале XVIII в. (не совсем понимаю, почему его надо определять как «региональный мистицизм»). Культ местных святых и вообще внимание к местной истории в конце XVII – начале XVIII в. было отражением в сфере идеологии тенденций нового подъема экономики на местах, усиления роли купцов и вообще «третьего сословия».

Для суждения о «несовременности» С.Ф. Попова и ему подобных их нужно было бы сравнивать не с английскими промышленниками XVIII в., а с представителями русского общества более раннего времени, например, XVI – первой половины XVII в. Даже в сфере религиозной догмы в конце XVII в. были заметные новации. Так, по мнению П.Бушковича, в писаниях патриарха Адриана (1690 – 1700 гг.) можно видеть определенное сочетание тенденций «консерватизма» и «западничества»⁵.

Высказанные критические замечания не означают отрицания полезности первой главы монографии, где дается подробный обзор новейшей зарубежной и русской литературы, посвященной проблемам «несовременности» и региональной истории. В настоящее время в России резко усилился интерес к местной истории, краеведению, и столь широкая, как у Д.Уо, постановка вопроса о религиозной идеологии деятелей европейской провинциальной культуры XVI – начала XVIII в. будет способствовать дальнейшему развитию исследований в этой области.

Одно частное замечание. На С. 181 автор высказывает мысль, что слово «карынских» в тексте Т – искаженное

отражение слова «арских», бывшего якобы в первоисточнике. Я в этом сомневаюсь. Так называемые «каринские» татары упоминаются в актовом источнике XVI в.

Мне осталось сказать еще несколько слов о приложениях к монографии. Всего их 11. Первое – описание ВКн, остальные 10 содержат публикацию текстов, обнаруженных автором в различных рукописях. Описание сборника высокопрофессионально. Особенно подробно здесь характеризуются водяные знаки. Правда, наряду с общей нумерацией почерков (№ 1 – 9) часто делается указание на «новый почерк» (С. 269 – 272, 274 – 279, 282 – 283), но что за этим стоит, неясно. Сколько всего «новых почерков»? Или они варьируются в пределах все тех же девяти?

Помимо книги, следует отметить несколько статей Д.К. Уо, относящихся к теме монографии⁶. Из других его работ особый интерес представляет статья о фальсификации источников на Руси. Первоначально были опубликованы только ее краткие тезисы в виде резюме доклада на Первых чтениях памяти А.А. Зимина в 1990 г.⁷ В 1998 г. статья появилась в полном виде и с некоторыми дополнениями в библиографии⁸. Правда, моя книга

1996 г., где рассматриваются подложные грамоты Антония Римлянина, черницы Марины и князя Ивана Ростиславича Берладника, здесь не учтена⁹.

О новых увлечениях Д.К. Уо свидетельствует его статья, описывающая историю научных экспедиций в район «Конгурских Альп» на западе Китая. Автор сам посетил в 1996 г. долину р. Караташ на юге Кашгара, неподалеку от границ Таджикистана и Афганистана¹⁰.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что труды Д.К. Уо являются крупным вкладом в историческую науку. Они обогащают ее новыми источниками и содержат образцы тончайшего источниковедческого анализа. Своими работами Д.К. Уо заслужил почетное место в русской историографии. Его палеографические, филиграноведческие, кодикологические и текстологические исследования, а также исследование истории русской общественной мысли XVI – XVIII вв. и историографии XVIII – XX вв. снискали ему глубокое уважение в среде специалистов. Отрадно, что монография Д.Уо опубликована на русском языке и стала достоянием широких кругов российских читателей.

¹ *Waugh D.C.* The Great Turkes Defiance. On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Ohio, Columbus, 1978.

² *Waugh D.C.* «Anatolii's Miscellany»: Its Origins and Migration // Harvard Ukrainian Studies. Camb., Mass., 1995. Vol. XIX. P. 748.

³ *Мазунин А.И.* Славяно-русские рукописи научной библиотеки Ташкентского университета и республиканской библиотеки им. Алишера Навои // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 380 – 382.

⁴ См.: Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. М., 1990; ср. критические замечания П.В. Седова: *Седов П.В.* Россия на пороге нового времени: реформы царя Федора Алексеевича // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Berlin, 2000. Bd. 56. S. 291 – 301.

⁵ *Bushkovich P.* Aristocratic faction and the opposition to Peter the Great: the 1690's // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Beiträge zur «7. Internationalen Konferenz zur Geschichte des Kiever und des Moskauer Reiches». Berlin, 1995. S. 110.

⁶ *Waugh D.C.* «Anatolii's Miscellany»...; *Idem.* We have never been modern: Approaches to the study of Russia in the age of Peter the Great // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden, 2001. Bd. 49. Heft 3. S. 1 – 25; Уо Д.К. К истории вятского летописания // *In memoriam*. Сборник памяти Я.С. Лурье. СПб., 1997. С. 303 – 320; *Он же.* Новое о «Повести о стране Вятской» // *Европейский Север в культурно-историческом процессе (К 625-летию города Кирова)*. Киров, 1999. С. 350 – 380.

⁷ Уо Д.К. По поводу фальсификации письменных источников и представлений о ней на Древней Руси // Спорные вопро-

сы отечественной истории XVI – XVIII веков: Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А.А. Зимины. Москва, 13 – 18 мая 1990 г. М., 1990. II. С. 266 – 267.

⁸ *Waugh D.C.* К изучению фальсификации письменных источников по истории средневековой России // *Russian History / Histoire Russe*. 1998. Vol. 25. № 1 – 2. *Festschrift for Aleksandr' Aleksandrovich Zimin (1920 – 1980)*. P. 11 – 20.

⁹ См.: *Каштанов С.М.* Из истории русского средневекового источника. Акты X – XVI вв. М., 1996. С. 71 – 72, 83 – 87, 90 – 95.

¹⁰ *Waugh D.C.* The «Mysterious and terrible Karatash Gorges»: Notes and Documents on the Exploration by Stein and Skrine // *The Geographical Journal*. 1999. Vol. 165. № 3. November. P. 306 – 320.

С.М. КАШТАНОВ

Православная Москва в 1917 – 1921 годах: Сборник документов и материалов / Авт.-сост.: А.Н. Казакевич, В.В. Марковчин, Т.С. Тугова, А.М. Шарипов; Рук. авт. коллектива канд. ист. наук М.М. Горинов; Ред. кол.: Б.К. Абрамов, А.Т. Жадобин, А.С. Киселев, Л.А. Наумова, Л.Н. Селиверстова, В.С. Христофоров. М.: Изд-во Главного архивного управления г. Москвы, 2004. – 696 с. – 1000 экз.

По благословию Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в рамках издательской программы Правительства Москвы авторский коллектив Главного архивного управления г. Москвы и Управления по делам архивов Московской области подготовил вторую книгу фундаментального научного труда о жизни православной Москвы в первой четверти XX в.* Она охватывает период грозных лет крушения Российской империи и начала Крестного пути народа на Голгофу: со дня отречения Нико-

лая II от престола и обретения Державной иконы Богородицы до окончания Гражданской войны. Уже само по себе появление такого труда – событие исключительной важности, зримое свидетельство духовно-нравственного пробуждения общественного сознания, поиска утраченного смысла исторического бытия России.

Авторы сборника, поставив задачу «воссоздать бытие того “народа церковного”, благодаря вере и верности которого и прошел церковный ковчег сквозь бури и штормы большевистского лихолетья», выполнили ее почти в предельно возможном объеме, позволяя исследователю «познать церковную жизнь Москвы во всей ее полноте» на основе подлинных документальных свидетельств эпохи, которые хранятся в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ), Центральном архиве общественных движений Москвы (ЦАОДМ), Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Центральном архиве Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ), Центральном госархиве Московской области (ЦГАМО) и др. В научный

* Первая книга «Православная Москва в начале XX века: Сборник документов и материалов» вышла в 2001 г.

оборот впервые вводятся сотни архивных источников: письменные документы, фотографии событий и лиц, имена которых были в течение нескольких десятилетий вычеркнуты из официальной истории России XX в. Среди них – причисленные к лику святых протоиереи Иоанн Восторгов и Роман Медведь, обер-прокурор Синода, председатель Совета объединенных приходов Москвы Александр Дмитриевич Самарин и многие другие.

Научно обоснованная структура книги, систематизация огромного фактического материала по трем разделам («Отделение Церкви от государства», «Стояние в вере», «Повседневная жизнь московской церкви») создали основу для объективного отражения церковных событий на общенациональном фоне: от февральских свобод до отделения Церкви от государства и развязывания новой властью атеистического террора, раскрытия духовного подвига претерпевших за православную веру.

Целостному восприятию трагического слома жизни православной Москвы на рубеже эпох помогают не только включенные в книгу документы, но также предисловие и предпосланные каждому из разделов авторские статьи, которые отличаются как объективной интерпретацией исторических фактов, так и глубоко проникновением в духовную очевидность действительности. В этом принципиально важное отличие настоящего труда от многих сборников документов и материалов с мозаичным набором ярких и заметных исторических фактов, формирующих субъективные, нередко диаметрально противоположные представления, не отражающие исторических реалий.

Особо отметим обстоятельные комментарии, именной указатель, приложения неопубликованных ранее статей С.В. Чиркова «Документы о роли духовенства в антисоветском народном восстании в Звенигороде 15 мая 1918 г.», Н.М. Соловьева «Правда ве-

ры и ложь “научного” неверия», «Церковники и их агенты перед народным революционным судом: отзвуки “дела Бейлиса”», Т.С. Туговой «Комиссия по охране памятников искусства и старины Троицко-Сергиевой Лавры», а также впервые введенные в научный оборот тексты проповедей и выступлений протоиерея Иоанна Восторгова.

Протоиерей Иоанн был не только выдающимся церковным деятелем и миссионером, которые иногда почти в одиночку создают целое направление в науке или сами, и также почти в одиночку, просвещают целые народы светом Христовой веры, но и выдающимся мыслителем, проникавшим в действительные первопричины исторических событий. При широком книгопечатании в начале XX в. в русском обществе полностью отсутствовали национальное самосознание, понятное как высокообразованной профессуре университетов, так и крестьянству, а также научно обоснованный и национально ориентированный анализ происходивших в России событий, который в ту пору велся зачастую с враждебных и чуждых истории России позиций – то марксистских, то коммунистических, то либерально-демократических. Естественно, что он являлся профанацией научной деятельности и приводил иногда к тяжелым последствиям для страны в силу того, что социально-политическое исследование преследует цель излечить больной общественный организм, а неправильно поставленный диагноз всегда ведет к неверному лечению, к углублению болезни и приближает летальный исход.

Протоиерей Иоанн Восторгов был одним из тех редких мыслителей, кто анализировал действительность и определял признаки социальных болезней, исходя из созданной русским народом социально-политической модели государства. Он знал конструктивные особенности здания, выстроенного в течение тысячелетия, и потому

стал одним из основателей (как, например, и Лев Тихомиров) русского самосознания, выработанного посредством научного рассмотрения исторических событий. Глубокая вера, истинность которой была засвидетельствована мученической кровью, целостность восприятия действительности позволили ему мыслить с большой глубиной, в результате чего и появилось столь значительное исследование действительности, превращающее труд протоиерея Иоанна в такого рода явление, которое само по себе требует глубокого анализа.

Научный мир часто движим желанием все больших открытий, которые зачастую производят впечатление революционно-эстрадного эпатажа публики вместо того, чтобы углубляться в гениальные создания религиозной мысли наших предшественников, к каковым, безусловно, относятся и произведения протоиерея Иоанна Восторгова. Необыкновенно значимы документы ЦА ФСБ РФ, касающиеся тюремного заключения протоиерея Иоанна и его позиции на следствии в течение трех месяцев, предшествовавших расстрелу. При этом поражают глубина его веры, мужество и выдержанность. Представляют большую ценность и опубликованные документы ЦГАМО по истории создания и деятельности Московского братства – Союза ревнителей и проповедников православия, председателем которого был священноисповедник протоиерей Роман Медведь.

Ценность издания исключительно велика для современной научной мысли, осознавшей наконец неразрывное единство и обусловленность истории РПЦ, народа, общества и Государства Российского. Обращаясь к данной проблематике, современный исследователь ныне сталкивается практически с полным отсутствием не только объективных научных исследований, но и с неразработанностью источниковой базы РПЦ. Ибо в течение всего XX в. бого-

служебная и святоотеческая литература была изъята из обращения и хранилась в запасниках. Архивные фонды учреждений духовного ведомства в государственных хранилищах также не изучались. Большинство из них не имеют необходимого научно-справочного аппарата. Вышедший сборник документов и материалов в значительной мере восполняет этот пробел применительно к истории Москвы как центра православия в России и является достаточно надежным и многоаспектным поисковым ориентиром для исследователя.

Особо отметим уникальность книги как документально выверенного справочника по проблеме, не освещенной в учебниках и монографиях. Читатель узнает, в частности, что жизнь Москвы в 1917 – 1921 гг. не ограничивалась только борьбой революционных рабочих за победу завоеваний Октября и построением основ нового социалистического быта. С первых же дней «великой и бескровной» Февральской революции ее деятели стали вмешиваться во внутрицерковные дела, смещая с кафедр и отправляя в ссылки иерархов Церкви. С июля 1917 г. поступают первые сведения об убийствах священников, ограблении храмов. Пришедшие в октябре 1917 г. к власти большевики продолжили дело, доведя антирелигиозный террор против православного народа Москвы до массового кровопролития. Из документов можно узнать, что в реальности стояло за мифом о «триумфальном шествии» советской власти, что явилось первопричиной крушения православной Москвы и Российской державы, в каких формах и какими методами осуществлялась политика уничтожения православной Церкви и ее паствы.

Материалы книги – это не только исторический пласт прошедшей эпохи, они подтверждают очевидное: без истории Церкви нет истории народа и Государства Российского. Читатель найдет здесь ответы на злободневные вопросы, увидит истоки таких совре-

менных явлений, как экуменизм, неподобающее отношение к церковным святыням – мощам, многие из которых до сего дня остаются на правах музейных экспонатов.

Книга, несомненно, привлечет к се-

бе внимание самой широкой аудитории, а опубликованные в ней документы и материалы помогут экспертам и авторам в создании новых учебников и хрестоматий, объективно отражающих историю Москвы.

**Игумен ДАМАСКИН
(ОРЛОВСКИЙ)**

Палин А.В. Томское губернское управление (1895 – 1917 гг.): структура, компетенция, административная деятельность. Кемерово: Кузбасвуиздат, 2004. – 188 с. – 200 экз.

Первая книга молодого историка посвящена теме, актуальность которой в России неизменна. Административный аппарат играл и играет важнейшую роль в судьбе страны, в жизни миллионов ее граждан. Это относится и к местной власти – в повседневной жизни население имеет дело с органами и деятелями местного управления. В последние годы исследователи проявляют все больше внимания к истории провинциальной администрации Российской империи, сибирские историки достигли в этом деле заметных успехов. Работа А.В. Палина представляет собой комплексное исследование одного, но чрезвычайно важного местного учреждения – Томского губернского управления. В ней освещаются одновременно структура, властные полномочия, практическая административная деятельность и кадровый состав этого органа управления.

К сильным сторонам работы прежде всего относятся основательная источниковедческая подготовка, скрупулезное исследование множества делопроизводственных документов, анализ которых дан с редкой в наши

дни тщательностью. Именно это позволило автору восстановить содержание практической управленческой деятельности чиновников. А.В. Палин сумел проследить изменение нормативно-правовой базы вследствие изменения ситуации в стране, показать взаимосвязь прав и полномочий сибирских губернаторов в контексте общеполитического положения в государстве.

Впервые в книгу включены сведения о численности и составе служащих Томского губернского управления за весь период его существования, их материальном обеспечении, условиях службы; приведены имена чиновников высшего ранга – губернаторов, вице-губернаторов, советников губернского управления, данные об их происхождении, образовании, чине, служебном стаже и пр.

Наряду с несомненными достоинствами книга имеет и некоторые недочеты. Наиболее существенный из них – недостаточное внимание к вопросу о соотношении закона и его применения в практике организации службы и деятельности чиновников. Так, говоря о запрете чиновникам заниматься коммерческой деятельностью (С. 132 – 133), автор не указывает на обход этой нормы в реальности. Любопытно было бы знать, имела ли в действительности хотя бы часть канцелярских служащих положенное по закону обмундирование – «дву-

бортный сюртук без петлиц, укороченное пальто, обыкновенное пальто (плащ), и шинель...» (С. 143). Преимущественное использование официальных источников привело к тому, что и сведения о представителях высшей администрации носят формальный характер. Исключения составляет информация о научной деятельности Н.Л. Гондатти и об обвинении В.Н. Азанчевского-Азанчева в бездействии во время черносотенных погромов в Томске (С. 150). Привлекая мемуары и периодическую печать, можно было бы дать им более разностороннюю оценку. В частности, в воспоминаниях известного деятеля кадетской партии И.И. Пет-

рункевича приводятся распространённые в то время утверждения, что «губернатор запретил водокачке подавать воду пожарным», пытавшимся погасить подоженное погромщиками здание¹. Разумеется, эти слова нуждаются в проверке, но игнорировать их не следовало. Если бы к нескольким важным и интересным приложениям автор добавил еще и именную указатель, книга бы только выиграла.

Несмотря на отмеченные недостатки, монография А.В. Палина, несомненно, является серьезным вкладом в историографию и будет полезна историкам, правоведам, чиновникам, архивистам.

¹ *Петрункевич И.И.* Из записок общественного деятеля: Воспоминания // Архив

русской революции. Берлин, 1934. Т. 21. Репринт. изд. М., 1993. С. 150.

Н.П. МАТХАНОВА

Конференции, совещания, семинары

I Международная конференция «Фотография как документальный источник и предмет исследования»

Она была подготовлена музеем «Московский Дом фотографии» и проходила 13 – 15 мая в рамках Пятого международного месяца фотографии в Москве «Фотобиеннале 2004». Рассматривался широкий круг вопросов, касающихся консервации и хранения фотографических коллекций, в том числе методов реставрации дагеротипов фотографических отпечатков на бумаге и других фотодокументов, перевода фотоинформации в электронную форму, а также обучения профессии реставратора-консерватора фотодокументов.

В нашей стране вопросы обеспечения сохранности фотодокументов с бумажной основой в этом качестве обсуждались впервые, поскольку в России в отличие от зарубежных стран специализация в области реставрации фотодокументов только складывается.

Выступления директора Центра консервации George Eastman House Г.Ромера (Международный музей фотографии, США), ведущего реставратора программы повышения квалификации для профессиональных реставраторов фотодокументов того же музея Е.Симоновой-Була, а также преподавателя Школы консервации Датской королевской академии изобразительных искусств М.С. Коха касались обучения дипломированных реставраторов в этих странах. Особенно подчеркивалась необходимость комплексного подхода к подготовке таких специалистов: наряду с технологией фотоматериалов, фотохимией и другими предметами, непосредственно связанными с фотографическими процессами, следует обучать навыкам реставрации бумажных документов.

В докладе Е.Симоновой-Була, помимо общих подходов, на примерах из личного опыта освещалась практика применения в реставрации фотоотпечатков на бумаге таких сравнительно новых для архивных специалистов материалов, как адгезив Klucel (позволяет исключить из процесса реставрации воду), а также водорастворимый адгезив Wheat starch paste.

Многие докладчики сосредоточили внимание на обследовании фотодокументов перед реставрацией. Особенно полно и разносторонне эту тему осветил фотореставратор П.Месьер (США), ознакомив собравшихся с применяемыми им физическими и физико-химическими методами анализа.

Большой интерес участников конференции вызвал рассказ П.Месьера о собранной им коллекции фотографической бумаги, распространенной в США на протяжении многих лет (более 2000 образцов), а также смол, восков и пигментов. Формирование подобных коллекций и изучение их компонентов составляют, по мнению докладчика, научную основу работ по консервации документов. Американский специалист подчеркнул необходимость не только этой работы, но и координации действий в данной области специалистов разных стран. На реальных примерах он проиллюстрировал, как пользование коллекцией в сочетании с современными методами анализа позволило ему выявить фальсифицированные фотодокументы.

Историк фотографии А.И. Попов (г. Москва) рассказал о работе по сбору сведений о российских периодических изданиях по фотографии за 1858 – 1918 гг.

Преподаватель Департамента истории Университета Отаго Э. Вульф (Новая Зеландия) и старший научный сотрудник ГИМ И. Салтыкова (г. Москва) на примерах фотохроники строительства Беломорско-Балтийского канала и фоторабот З.З. Виноградова отметили значимость документальной составляющей в фотографии.

Важный аспект был затронут в выступлении историка Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль» И. Пармузиной (г. Москва), взглянувшей на фотографии памятников искусства и старины Московского Кремля XIX – начала XX в. как на самое надежное средство сохранения облика исчезнувших объектов.

Об истории и достижениях в сфере физико-химических исследований дагеротипов в России, а также результатах изучения окрашенных стереодагеротипов из Музея-усадьбы «Архангельское» доложила старший научный сотрудник ГИМ Н.М. Гарбар (г. Москва).

Доцент Колледжей печатной графики

и изобразительных искусств и науки при Технологическом институте Ф.Фрей (США) рассказала о стратегии сохранения фотоколлекций в электронной форме, акцентировав внимание на двух моментах – построении бизнес-модели при разработке такой стратегии и проблемах качества работ по переводу изображения в электронную форму.

Во время конференции у ее участников возникло множество вопросов к докладчикам, в частности о подходах к проведению сложной реставрации конкретных фотодокументов, об оптимальном сочетании реставрационных и других мероприятий в области консервации фотодокументов и о соотношении объективных и субъективных их составляющих, о переводе некоторых видов архивных документов в электронную форму.

Подводя итоги конференции, директор Московского Дома фотографии О.Л. Свиблова подчеркнула важность обсуждаемых проблем и высказалась за дальнейшее укрепление сотрудничества.

А.А. Болотов, Т.Ю. Колосова, П.А. Придатыко

«Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории»

Это тема состоявшейся 19 мая в Омске V региональной научно-методической конференции, посвященной 30-летию исторического факультета Омского государственного университета. Ее организовали Архивное управление Министерства государственно-правового развития Омской области и Омский госуниверситет. В ней участвовали историки, архивисты, преподаватели вузов, краеведы из Омска, Новосибирска, Сургута, Нижневартовска, а также Казахстана.

Разнообразный блок материалов представили омские архивисты. Так, Л.И. Огородникова проследила историю местных кладбищ по городскому законодательству; С.А. Шлычков остановился

на некоторых аспектах источниковедческого значения метрических книг; Л.В. Кайндина рассказала о материалах бывшего партархива об Омском университете в первые годы его существования.

На пленарном и секционных заседаниях и на секциях состоялось неформальное творческое общение историков и архивистов, связанных общностью интересов и направлений деятельности в решении задач информатизации общества.

По мнению оргкомитета, конференция будет способствовать развитию научных исследований по проблемам историографии, источниковедения и исторического краеведения, окажет ме-

тодическую помощь специалистам вузов в преподавании курса отечественной истории, а также позволит архивистам расширить представление

пользователей о составе архивных документов.

Очередную конференцию планирует провести в 2007 г.

Г.Ю. Бородина

Выездное заседание коллегии Управления государственной архивной службы Самарской области в г. Жигулевске

Оно было проведено 17 июня в рамках мероприятий по реализации подпрограммы «Архивы России» и посвящено работе архивных отделов органов местного самоуправления по использованию и пропаганде документов Архивного фонда области. В работе участвовали руководители и специалисты госархивов, заместители глав администраций муниципальных образований, председатель правления областного отделения РОИА, начальники архивных отделов городских и районных администраций – всего свыше 100 человек. Их приветствовал мэр г. Жигулевска, депутат Самарской губернской думы С.Г. Балахонов.

Заседание открыл руководитель Управления государственной архивной службы области В.А. Белорусцев, отметивший актуальность обсуждаемого вопроса в связи с приближающимся 60-летием Великой Победы и все возрастающим значением архивов в информационном обеспечении органов государственной власти и местного самоуправления, организаций и граждан.

С анализом работы архивных отделов выступила начальник отдела управления Г.С. Яшникова, подчеркнувшая развитие наряду с традиционными формами организации использования архивных документов (выставки, школьные уроки, лекции, радио- и телепередачи, экскурсии) относительно новых (встречи с общественностью, школьные уроки по краеведческой тематике и др.). Архивисты активно сотрудничают с муниципальными музея-

ми, участвуют в подготовке Дней города, юбилеев районов, предприятий и т. д.

В 2003 г. ряд районов Самарской области отметили 75-летие, а государственная архивная служба – 85-летие. К юбилейным датам архивные отделы подготовили комплекс мероприятий. Так, в архивных отделах администраций Хворостянского (начальник В.В. Шматова) и Волжского районов (начальник Р.А. Гевель) состоялись встречи с общественностью с участием ветеранов архивной службы, День открытых дверей и экскурсия в архив. Архивные отделы администраций Кинельского, Нефтегорского, Пестравского, Безенчукского районов, г. Новокуйбышевска организовали школьные уроки по краеведческой тематике и экскурсии старшеклассников с демонстрацией подлинных документов, а архивный отдел администрации Сызранского района (начальник И.Ю. Лихачева) – выставку «Восстановлено доброе имя», посвященную работе районной комиссии по реабилитации жертв политических репрессий и вызвавшую большой общественный интерес.

Архивные отделы администраций г. Новокуйбышевска, Иса克林ского района тесно сотрудничают с местными краеведческими музеями, выявляют документы для совместных выставок, устраивают встречи с краеведами, школьниками, студентами. Архивный отдел администрации г. Кинеля (начальник В.Д. Иванов) в течение нескольких лет ко Дню города готовит пользующися ус-

пехом у горожан выставки фотодокументов.

Архивные отделы администраций Богатовского, Пестравского, Челно-Вершинского районов, городов Новокуйбышевска, Жигулевска, Тольятти и других участвовали в радио- и телепередачах, посвященных знаменательным датам, а также информационного характера (о деятельности архивной службы, хранящихся документах, порядке получения справок, подтверждающих социальные права граждан).

Особое место в работе архивных отделов занимает информирование органов местного самоуправления по различным вопросам деятельности, истории организаций и учреждений, района или города. В последние годы активизировалось публикаторское направление. Лидерами здесь являются управление по делам архивов мэрии г. Тольятти и архивный отдел администрации г. Жигулевска, работы которых были отмечены на Всероссийских конкурсах журналистских и писательских произведений патриотической тематики. За период с 1998 г. управлением по делам архивов мэрии г. Тольятти подготовлено девять книг, брошюр, хроник по истории г. Ставрополя – Тольятти и Ставропольского уезда. Архивным отделом администрации г. Жигулевска в 2002 – 2003 гг. – два издания. Кроме того, ими, пока единственными среди муниципальных архивов области, изданы справочники по фондам.

В 2001 г. администрацией Богатовского района совместно с Институтом истории и археологии Поволжья опубликована книга «Край Богатовский», среди авторов которой начальник архивного отдела администрации В.М. Гусаков (сейчас готовится 2-й том). Архивный отдел администрации Иса克林ского района (начальник В.В. Ильдиярова) в 2003 г. подготовил Календарь знаменательных дат.

Наряду с этим более половины бюджета рабочего времени уходит на исполнение запросов социально-правового характера. Их количество ежегодно возрастает в связи с пенсионной ре-

формой, конвертацией пенсионных прав граждан и увеличением объемов принимаемых архивными отделами документов по личному составу ликвидированных организаций. По сравнению с 2001 г. количество таких дел увеличилось в 2003 г. почти на 50 % (с 12 659 до 18 890 дел), исполненных запросов – на 33 % (с 18 890 до 25 079), исполненных тематических запросов – на 23,6 %.

Значительный объем запросов социально-правового характера исполняется работниками управления по делам архивов мэрии г. Тольятти (5985 запросов в 2003 г.), в архивных отделах г. Кинеля (1289), Кинельского района (1007), Ставропольского (1433), Волжского (1099), г. Жигулевска (1360), Кинель-Черкасского района (1205), г. Новокуйбышевска (1098), г. Отрадного (802), Пестравского (940), Сергиевска (826), г. Похвистнево (545) и др.

Начальник архивного отдела мэрии г. Жигулевска В.В. Чистова и главный специалист управления по делам архивов мэрии г. Тольятти Н.Г. Лобанова отметили необходимость поиска новых форм пропаганды и использования архивных документов во взаимосвязи с комплектованием архивных отделов документами на современных носителях информации.

Заместитель директора Госархива Самарской области О.В. Зубова рассказала о работе со старопечатными и рукописными книгами научно-справочной библиотеки, самые ранние из которых относятся к XVIII в.

Все выступления на коллегии были весьма наглядными, поскольку впервые использовался мультимедийный проектор. В заключение В.А. Белорусцев вручил С.Г. Балахонову благодарность Росархива за активное содействие развитию архивного дела в регионе, начальнику городского архивного отдела В.В. Чистовой – нагрудный знак «Почетный архивист».

Участники выездного заседания совершили экскурсию по живописным местам Национального заповедника «Самарская Лука» с посещением Дома-музея И.Е. Репина.

Р.Ф. Пантюхина

Российско-польские мемориальные мероприятия на Новгородской земле

В Великом Новгороде и Боровичах 19 – 25 июня прошли мемориальные мероприятия, посвященные 60-летию интернирования солдат польской Армии Крайовой в лагерь Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД СССР. Их организаторы с российской стороны – Архивное управление Новгородской области, областная Дума, Государственный исторический архив, Государственный архив новейшей истории, Управление внутренних дел области; с польской – Управление по делам комбатантов и репрессированных Республики Польша, Совет охраны памятников Республики Польша, генеральное консульство Республики Польша в Санкт-Петербурге, Институт Национальной Памяти Польши, польская ветеранская организация бывших интернированных солдат Армии Крайовой «Сообщество боровичан».

Польская делегация в составе 34 ветеранов, историков из университетов Варшавы, Люблина, Белостока, Лодзи, Института истории в Пиотркуве Трибунальском, сотрудников органов государственной власти и генерального консульства в Санкт-Петербурге посетила памятники истории и культуры Великого Новгорода, госархивы, госуниверситет и филиал Российского государственного гуманитарного университета в Великом Новгороде. В г. Боровичи, где в 1942 – 1952 гг. располагался 270-й лагерь ГУПВИ НКВД – МВД СССР и куда в 1944 г. направлялись первые эшелоны интернированных солдат Армии Крайовой, были возложены цветы и венки к памятным знакам и на мемориальном кладбище лагеря.

Центральным событием стала научная конференция «На память – для предостережения: 60-я годовщина интернирования солдат Армии Крайовой Польского Подпольного государства в лагерь № 270 НКВД СССР в Боровичах». Здесь были вручены медали Республики Польша «За заслуги в сохранении памяти» губернатору области М.М. Пруссаку, архиепископу Великоновгородскому и Старорусскому Льву, главе г. Боровичи и Боровичского района

А.В. Крупкину, начальнику Архивного управления Новгородской области С.Д. Трифонову.

На конференции обсуждались историко-ведческие и историографические аспекты истории интернирования в 1944 – 1952 гг., деятельность советских и польских органов государственной безопасности по разгрому гражданских и военных структур эмигрантского (лондонского) правительства Польши, история 270-го лагеря ГУПВИ НКВД – МВД СССР и вопросы увековечения памяти погибших и умерших в лагерях НКВД – МВД СССР польских граждан.

Ректор Института истории в Пиотркуве Трибунальском профессор Э.Межва рассказал о результатах исследования польскими учеными истории лагерей для интернированных. С.Д. Трифонов сделал обзор современных российских документальных публикаций об интернировании польских граждан в лагерь НКВД СССР. Доклад доктора истории Д.Рогута был посвящен методологии исследования проблем интернирования солдат Армии Крайовой в лагерь Боровичей и Свердловска. Научные сотрудники Люблинского отделения Института Национальной Памяти Польши А.Галан и С.Полещак обратились к истории создания польского аппарата госбезопасности и его совместной с органами госбезопасности СССР деятельности по разгрому подпольного движения сопротивления в Люблинском воеводстве в конце 1944 г.

Истории создания и функционирования 270-го лагеря ГУПВИ НКВД – МВД СССР, вопросам интернирования польских граждан в иные лагеря были посвящены выступления научного сотрудника Государственного исторического архива Новгородской области И.Д. Савиновой, М.Звольского из Белостока, представителей «Мемориала» Т.Косиновой (Санкт-Петербург) и И.Дубровиной (Котлас). Социолого-культурологический характер носили выступления сотрудников Совета охраны памятников Республики Польша Э.Зелковской и «Мемориала» И.Флиге (Санкт-Петербург), проанализировавших состояние

захоронений польских воинов на территории стран СНГ.

В соответствии с договоренностью между генеральным консульством Республики Польша в Санкт-Петербурге и Архивным управлением Новгородской области на русском и польском языках будет опубликован сборник материалов конференции.

Научная конференция стала одним из этапов реализации большого российско-польского научно-исследовательского проекта. Его организаторы – Архивное управление Новгородской области, генеральное консульство Республики Польша в Санкт-Петербурге и Институт истории в Пиотркуве Трибу-

нальском, участники – исследователи из Новгородского госуниверситета, филиала Российского государственного гуманитарного университета в Великом Новгороде, Институт Национальной Памяти Польши. Проект предусматривает подготовку и издание сборников документов из госархивов Новгородской области о ссыльных поляках – участниках национального восстания 1863 – 1864 гг., судьбе польских военнопленных советско-польской войны 1919 – 1920 гг., интернировании солдат Армии Крайовой в 270-й лагерь ГУПВИ НКВД СССР. В 2004 – 2005 гг. предстоит провести научные конференции в Люблине и Пиотркуве Трибунальском.

С.Д. Трифонов

Ушаковские чтения в Мурманске

Они прошли 2 – 3 марта по решению научно-практической конференции «Архивы и историческое краеведение» (декабрь 2002 г.) и посвящались памяти краеведа, профессора Мурманского госпединститута, д-ра ист. наук Ивана Федоровича Ушакова. Одним из учредителей чтений выступил Госархив Мурманской области. В них участвовали историки, архивисты, работники музеев и библиотек, краеведы, журналисты, преподаватели и аспиранты вузов из Мурманской области, Санкт-Петербурга, Архангельска, Петрозаводска.

Пленарное заседание, проходившее в Мурманском госпединституте, открыл его ректор Р.И. Трипольский, который отметил вклад И.Ф. Ушакова в становление и развитие исторического краеведения в регионе. Воспоминаниями об ученом поделились профессор МГПУ А.А. Киселев и краевед, член Союза писателей России В.В. Сорокажердье. Главный ученый секретарь Архангельского научного центра УрО РАН Р.А. Давыдов рассказал об исследованиях событий Крымской войны на Севере России (этой теме И.Ф. Ушаков уделял особое внимание). Выступление

проректора МГПУ А.В. Воронина было посвящено подготовке «Кольской энциклопедии».

Одна из секций «История Русского Севера» проходила в Госархиве Мурманской области. Ее участники проанализировали источниковую базу исторического краеведения, подвели итоги своих исследований и наметили перспективы. Для них была проведена экскурсия по архиву и развернута выставка документов из личного фонда И.Ф. Ушакова.

В областной научной библиотеке разместились секция «Организация краеведческой работы», где речь шла о деятельности архивов и учреждений культуры, месте поискового движения и роли отдельных подвижников в развитии краеведения на Севере.

Секции «Методика преподавания исторического и литературного краеведения в школе» и «Региональная культура: теория и методика» заседали в Мурманском госпединституте. На них обсуждались актуальные вопросы преподавания краеведческих дисциплин в учебных заведениях и привлечение молодежи к изучению истории родного края.

Всего на пленарном заседании и секциях было заслушано около 40 сообщений. С двумя из них выступили сотрудники Госархива Мурманской области: главный специалист Е.А. Волосникова на основе архивных документов осветила тему женского движения на Кольском полуострове в

1921 – 1931 гг., а ведущий специалист А.А. Матвеева рассказала об использовании документов в читальном зале.

На заключительном заседании были подведены итоги и выработаны рекомендации. Материалы Ушаковских чтений будут изданы.

С.Г. Руденко

Выставки

Архивы представляют

С 8 июня по 15 августа в залах Государственной Третьяковской галереи экспонировалась выставка **«Русский авангард из собрания Российского государственного архива литературы и искусства»**, ставшая заметным явлением в культурной жизни столицы. В ее организации помимо РГАЛИ и ГТГ участвовали Министерство культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, Федеральное архивное агентство, Федеральное агентство по культуре и кинематографии, Фонд Форда и около десяти информационных спонсоров (Радио России, Телеканал «Культура» и др.). Выставка явилась кульминацией финансируемого Фондом Форда проекта «Изобразительные источники РГАЛИ. «Русский авангард»», в ходе которого формировалась база данных о художественных произведениях 1920-х гг. и их авторах. Было выявлено, атрибутировано и переведено в электронную форму свыше 2 тыс. работ, причем сделаны некоторые открытия. Так, найдены фотография художника М.Фаббри, устраняющая сомнения в том, что он изображен на портрете В.Е. Татлина; работы В.М. Ермолаевой, эскизы Л.М. Лисицкого, Р.Р. Фалька, мало или совсем неизвестные произведения Е.Г. Гуро, К.М. Зданевича, С.Б. Никритина, В.С. Барта, А.А. Моргунова; опубликована карта «Бубновый валет» А.В. Куприна. Специально к открытию выставки изданы: Фондом Форда – электронный каталог «Художники

русского авангарда» (CD-ROM), включающий сведения о 58 художниках (биографии, фотографии, автографы) и 420 иллюстраций, и Международным центром финансово-экономического развития – альбом «Русский авангард из собрания Российского государственного архива литературы и искусства», представляющий репродукции произведений 32 художников-авангардистов России (афиши, коллажи, фотографии, графические и живописные работы), на русском и английском языках со вступительной статьей известного искусствоведа А.Сарабьянова и директора РГАЛИ Т.М. Горяевой.

Для экспозиции было отобрано 300 произведений, большинство представлено общественности впервые. За последние 15 лет отдельные шедевры из собрания «архива муз» появлялись на мировых и отечественных выставочных площадках, но никогда прежде в таком полном объеме. Архивы деятелей культуры, лежащие в основе фондов РГАЛИ, надежно укрывали произведения авангардного и неконформистского искусства, неразрывно связанные с документами.

Архивные материалы достаточно полно иллюстрируют историю авангарда в России, их обнародование способно изменить наши представления об этом периоде развития искусства. В ГТГ демонстрировался альбом А.Е. Крученых, одного из главных лиц поэтического авангарда, создателя фу-

туристической книги и скандально известного персонажа «футуристических боев» середины 1910-х гг., соратника Д.Д. Бурлюка, В.В. Маяковского, В.В. Хлебникова и К.С. Малевича. В этом альбоме – рисунки, коллажи, фотографии и автографы О.В. Розановой, К.С. Малевича, Д.Д. Бурлюка, М.А. Ларионова, Н.Н. Гончаровой.

Уникален рукописный журнал «Бескровное убийство», основанный в 1915 г. молодым художником М.В. Ле-Дантю вместе с его друзьями, В.М. Ермолаевой и Н.Ф. Лапшиным. Печатался он в нескольких экземплярах на гектографе и обычно состоял из четырех-шести иллюстраций, снабженных рукописными комментариями, прекратил свое существование с уходом Ле-Дантю на фронт в конце 1916 г. Абсурдистский характер текстов, гротесковая эстетика иллюстраций и пародийный облик журнала, по мнению специалистов, сделали его оригинальным памятником раннего авангарда.

Творчество Р.Р. Фалька было представлено этюдами 1900-х гг., хотя в архиве более 100 листов его графических работ, наглядно демонстрирующих эволюцию мастерства художника. Экспонент предложил вниманию общественности произведения В.Е. Татлина, Я.Г. Чернихова и других конструктивистов.

Помимо художественных произведений гости выставки могли увидеть видеофильм «Архив муз» (режиссер М.Худина, оператор О.Буреев) об истории, составе фондов и работе РГАЛИ. Крепкий союз покровительниц наук и искусств продемонстрировала и церемония открытия экспозиции, которую вел бывший сотрудник архива С.Бэлза. На вернисаже присутствовали и выступили представители многих научных и культурно-просветительных организаций, состоялся концерт струнного квартета.

Выставка стала подлинным открытием не только для публики, но и для специалистов.

Л.А. Кобелькова,
кандидат исторических наук

* * *

С 15 июля по 20 августа в Выставочном зале федеральных архивов проходила международная историко-документальная выставка **«Едем мы, друзья, в дальние края...»**, организованная Федеральным архивным агентством и РГАНИ при участии ГАРФ, РГА-СПИ, РГАКФД, РГАЭ, РГАФД, Архива Президента Российской Федерации, Комитета по управлению архивами и документацией Министерства культуры Республики Казахстан, Национального архива Республики Беларусь, Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов, Центрального государственного музея современной истории России, Государственной Третьяковской галереи к 50-летию начала освоения целинных и залежных земель. Авторы научной концепции – канд. ист. наук М.Ю. Прозуменщиков, художественной концепции и дизайна – А.Ф. Саргсян. Цель выставки – на основе большого комплекса документальных и изобразительных материалов осве-

тить подлинную историю целинной эпопеи, сложные и многоаспектные процессы освоения и развития целинных районов страны.

Здесь впервые были представлены новые, в том числе недавно рассекреченные документы, раскрывающие не только официальную, «парадную» сторону истории освоения целинных земель. В состав экспозиции вошли также фотографии, произведения живописи, скульптуры и графики, книги, плакаты, почтовые открытки, письма, мемориальные вещи, награды и предметы быта первоцелинников.

Посетители ознакомились с работами знаменитых художников: Д.К. Мочальского, В.И. Курдова, В.П. Дикова, М.И. Ткачева, Л.Г.-Л. Ройтера (из запасников Государственной Третьяковской галереи), посмотрели кинохронику о начальном периоде освоения целины.

По словам журналистов, «авторы выставки сумели передать всю... гамму ощущений, тонкую смесь фактографии,

гордости, сомнения». В пресс-конференции и церемонии открытия экспозиции участвовали руководитель Росархива В.П. Козлов, заместитель главы администрации Оренбургской области В.С. Рябов, первый секретарь посольства Республики Казахстан в России Б.М. Досанов, директор НАРБ В.Д. Селеменов, представитель Комитета по управлению архивами и документацией Министерства культуры Республики Казахстан Л.А. Гудкова, работники посольств стран СНГ, федеральных архивов, министерств и герои целины: бывший первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е.М. Тяжелников, бывший первый секретарь Кустанайского обкома комсомола Б.Н. Темников, бывший секретарь Новосибирского обкома ВЛКСМ Г.С. Гоц, работавшие в колхозе «Комсомольский» (где снимался популярный игровой кинофильм «Иван Бровкин на целине») И.А. Рожков и Л.М. Потехин. Всем присутствовавшим запомнилось выступление композитора Е.П. Родыгина, одного из авторов песни, строчка из которой и послужила названием выставки.

2 сентября здесь же открылась историко-документальная выставка **«Последняя война Российской империи»** (к 90-летию начала Первой мировой войны), подготовленная Министерством культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, Федеральным архивным агентством, РГВИА при участии ГАРФ, Архива внешней политики Российской империи ИДД МИД России, ГИМ. Ее цель – на основе документальных материалов осветить страницы истории и различные аспекты Первой мировой войны, представить наиболее значимые и малоизвестные или забытые события и факты, показать жизнь и судьбу человека на войне и воздать дань уважения офицерам и солдатам русской армии, честно исполнившим свой долг перед Родиной.

Для широкого обозрения выставлены свыше 300 архивных документов, музейных предметов, рассказывающих о предыстории и начале войны, организации русской армии и ее боевых операциях, появлении новых видов вооружения, русских генералах, офицерах и солдатах, отношении армии и общества к войне, организации тыла и внутреннем положении России, ее союзниках и

противниках, событиях 1917 г. и выходе из войны, деятельности по сбору военных документов.

Основу экспозиции составляют уникальные подлинники, редкие фотографии из фондов РГВИА, большинство которых ранее не обнародовались. Это донесение и рапорт русского военного агента в Австро-Венгрии полковника А.Г. Винекена от 15 июня 1914 г. об убийстве в Сараево сербскими националистами австрийского престолонаследника эрцгерцога Франца Фердинанда, послужившем непосредственным поводом к войне; приказ с автографом Николая II от 23 августа 1915 г. о принятии на себя верховного командования; приказ верховного главнокомандующего генерала от инфантерии Л.Г. Корнилова от 29 августа 1917 г. с объяснением событий (Корниловского мятежа).

С ходом боевых действий на фронтах знакомят телеграмма главнокомандующего Кавказской армией генерал-адъютанта графа И.И. Воронцова-Дашкова Николаю II от 9 января 1915 г. о победе в Сарыкамышской операции и заслугах начальника штаба Кавказской армии генерал-лейтенанта Н.Н. Юденича и начальника 1-й Кубанской пластунской бригады генерал-майора М.А. Пржевальского; доклад командующего 11-й армией генерала от инфантерии А.Н. Селиванова о блокаде крепости Перемышль (1915 г.); краткое описание Эрзерумской операции (28 декабря 1915 г. – 10 февраля 1916 г.); телеграмма командующего 8-й армией генерала от кавалерии А.М. Каледина начальнику штаба верховного главнокомандующего генерал-адъютанту М.В. Алексееву от 26 мая 1916 г. об отступлении противника и взятии Луцка.

Рукописи воспоминаний и дневников участников и современников Первой мировой войны (генералов А.А. Брусилова, В.А. Сухомлинова, А.А. Поливанова, А.Н. Куропаткина) дополняют картину событий, отраженную в официальных отчетах.

Несомненный интерес представляет переписка русских военачальников. Так, в письме главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерал-адъютанта А.А. Брусилова М.В. Алексееву сообщается о недостатке средств и сил для наступления (июнь 1916 г.).

В донесении главнокомандующего армиями Северного фронта генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина М.В. Алексееву от 5 июня 1916 г. предлагается передать три корпуса на Северный фронт. На это донесение, отправленное во время крупного наступления на Юго-Западном фронте (Брусиловского прорыва), М.В. Алексеев наложил резолюцию: «Не читал и читать не буду, ибо, когда операция в полном разгаре, выслушивать советы не только бесполезно, но вредно».

Материалы РГВИА дополняют документы ГАРФ, рассказывающие о внутренней ситуации в стране в этот период: проект манифеста о войне с Германией с правой Николая II, докладная записка верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича Николаю II о недостатке на фронте оружия и боеприпасов, письмо председателя Государственной думы М.В. Родзянко Николаю II с призывом не принимать на себя верховное командование действующими армиями, фотографии членов императорской фамилии, заседания Ставки, кораблей российского флота.

Документы Архива внешней политики Российской империи отражают дипломатическую историю войны. Среди них – секретная военная конвенция между Россией и Францией (1892 г.), запись от 19 июля (1 августа) 1914 г. в дневнике Министерства иностранных дел о вручении германским послом в России Пурталесом ноты об объявлении Германией войны России, нота министра иностранных дел П.Н. Милюкова союзным правительствам о «стремлении довести мировую войну до решительной победы».

В числе музейных экспонатов награды, предметы униформы, образцы вооружения периода Первой мировой войны, художественные изображения ее участников: генеральский мундир Офицерской кавалерийской школы, принадлежавший А.А. Брусилову; винтовки Мосина и Арисака, пулемет Гочкиса, скульптуры великого князя Николая Николаевича и французского генерала Жоффра, портреты М.В. Алексеева, Н.Н. Юденича, а также офицеров и солдат, награжденных за подвиги на полях сражений.

Н.А. Бурвченко

* * *

К 200-летию образования Томской губернии в читальном зале Госархива Кемеровской области в мае прошла выставка документов **«Кузбасс в составе Томской губернии (1804 – 1925 гг.). Власть и общество»**. Организаторы – госархивы Кемеровской и Томской областей, цель – показать не только специфику деятельности и компетенцию органов административного управления губернии, их взаимоотношения с центром, органами местного самоуправления, обществом, но и степень участия общественности в деятельности властных структур.

Основу экспозиции (в ней свыше 80 подлинников) составляли впервые демонстрировавшиеся документы – указ Томского губернского правления от 28 июля 1838 г. о ревизии присутственных мест Томской губернии советниками

Тыжновым и Лыковым; рапорт Кузнецкого окружного суда от 1852 г. в губернский суд об отправке денежных средств Кузнецкой городской ратушей в Томский приказ общественного призрения; смета доходов и расходов, журнал присутствий Мариинского городского хозяйственного управления за 1861 г.; формулярный список о службе головы г. Мариинска, купца второй гильдии Т.Т. Савельева, избранного на должность в декабре 1875 г., и др.

Документы позволяют проследить процедуру избрания общественных представителей на должность. Среди них – ходатайство церковнослужителей от 2 декабря 1873 г. в Мариинское городское хозяйственное управление о необходимости выбора на общественную должность представителя из мещан г. Мариинска; списки мещан, купцов,

присутствовавших на общественных собраниях в декабре 1873 г., повестки от 4 декабря 1873 г. мещанам и купцам из Мариинского городского хозяйственного управления, общественный приговор от 4 декабря 1873 г. о выборах на должность; присяжный лист церковного старосты и др.

Любопытен акт проверки деятельности Мариинского городского хозяйственного управления. Из него следует, что в апреле 1861 г. для ревизии деятельности городских старосты и судьи за трехлетний период мещанское и купеческое общество избрало двух человек – купеческого сына А.И. Тиханова и мещанина П.П. Паньшина. В течение нескольких дней они проверяли приходные и расходные книги, при этом «не открыли ничего такого, что бы клонилось или к излишнему, или к неправильному произведению расходов, а напротив, таковые, будучи проводимы хозяйственным способом, оказались значительно меньше существовавших в то время справочных цен».

Экспонировались и документы об избрании депутатов из городского общества для участия в судебных процессах за 1859 – 1875 гг. Интерес публики, особенно представителей администрации, вызвали городские положения 1870 г. и 1892 г., а также материалы о деятельности комиссий по выборам в Государственную думу за 1906 – 1913 гг.: журналы присутствия Мариинской городской думы и городской управы за 1879 – 1905 гг.; списки лиц за 1894 – 1896 гг., имевших право участвовать в выборах в городскую и Государственную думы; телеграмма из Петербурга от 27 октября 1906 г. о выборах в Государственную думу и Государственный совет; объявление для явки на выборы в Государственную думу 1906 г.; избирательная записка городского избирателя Томской губернии; именное объявление об участии в выборах в Государственную думу и др.

По материалам экспозиции в эфир вышли четыре телесюжета и одна радиопередача, в периодической печати опубликованы две статьи.

С.В. Орлова

* * *

К 80-летию одного из ведущих архитекторов Курской области Марка Львовича Теплицкого в облгосархиве, где хранится личный фонд юбиляра (345 дел), 6 июля открылась выставка **«Автографы в камне»**, посвященная его творчеству. Экспозиция, состоявшая из нескольких частей, разместилась на двух этажах здания.

Участники выставки впервые увидели подлинные эскизы современных зданий города: Дома книги на ул. Ленина, областной научной библиотеки им. Н.Н. Асеева, Государственного цирка, поликлиники УВД по ул. Гоголя, Центрального универмага, Центрального научно-технического института на ул. Дзержинского и др.

Особое место отведено производству военно-патриотической тематики. Среди них – проекты мемориала «Памяти павших в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.» на ул. К.Маркса, стелы «Героям-курянам» на

Красной площади, памятника артиллеристам на Тепловских высотах в Поньровском районе, мемориального комплекса «Командный пункт Воронежского фронта» в пос. Кировском Пристенского района и др.

В своих творческих устремлениях курский зодчий не ограничивался созданием архитектурных проектов, рисовал с натуры пейзажи, храмы, дворцы, что также нашло отражение на выставке. Отдельно демонстрировались фотографии многочисленных жилых массивов, выполненных по проектам Теплицкого, а также эскизы неосуществленных проектов, планировок, зданий и памятников.

М.Л. Теплицкий один из первых в Курске в конце 1980-х гг. возглавил персональную творческую архитектурную мастерскую, сегодня это дело продолжил его сын Лев Маркович, работы которого были представлены посетителям. Это зарисовки к дипломному про-

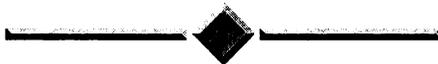
екту – роману И.А. Ильфа и Е.П. Петрова «Двенадцать стульев», образы героев древности, эскизы к рекламному щиту на въезде в г. Курск.

В вернисаже участвовали сам архитектор, его дети, руководители моло-

дых патриотических общественных объединений, представители творческой интеллигенции, студенты.

Выставка была высоко оценена курянами и гостями города, освещалась средствами массовой информации.

М.В. Шишлова

Вынесен обвинительный приговор по делу о краже архивных документов

В конце ноября 2003 г. в лаборатории микрофотокопирования Российского государственного архива социально-политической истории обнаружилось исчезновение переданных туда для копирования свыше 100 иллюстрированных почтовых открыток и писем из личных фондов «И.А. Аксельрод» и «Пьер Жуанен». Именно такие материалы можно просто и быстро реализовать на филателистическом рынке.

По факту кражи РГАСПИ направил заявление в отдел внутренних дел района «Тверской» г. Москвы, проинформировал о случившемся Росархив и соответствующий отдел МУРа.

Данные служебного расследования позволили заподозрить в совершении кражи оператора микрофильмирования А.С. Горшкова. Он был допрошен следственными органами и сознался в содеянном. Успешному проведению следственных мероприятий способствовало и то обстоятельство, что в распоряжение органов внутренних дел были предоставлены копии похищенных документов (их успели смикрофильмировать). Они были также переданы в Росархив, который, в свою очередь, направил их в Департамент по сохранению культурных ценностей Минкультуры России для принятия мер по предотвращению продажи похищенных документов на антикварно-букинистическом рынке или возможного вывоза за пределы Российской Федерации.

Результаты служебного расследования, в ходе которого главное внимание было обращено на выявление причин, обусловивших возможность хищения архивных документов, рассмотрены на заседании дирекции РГАСПИ с участием представителя Росархива. Намечены и реализуются меры по усилению контроля за сохранностью документов на всех стадиях работы с ними, включая строгое соблюдение порядка выдачи (в лабораторию и др.) и возврата документов в хранилище, организацию хранения в структурных подразделениях архива.

28 июня – 5 июля 2004 г. Тверской районный суд г. Москвы рассмотрел в открытом судебном заседании материалы уголовного дела в отношении А.С. Горшкова, обвиняемого в совершении преступления, по ст. 164 ч. 1 УК РФ. Суд установил, что А.С. Горшков, получая дела для копирования, изымал из них отдельные документы с целью продажи. Им было похищено 109 иллюстрированных открыток с марками и текстами писем начала XX в., значительная часть которых продана частным коллекционерам. 19 документов, изъятых в ходе следствия как вещественные доказательства, возвращены в архив.

Свидетельские показания на процессе дали заместитель директора и начальник отдел репрографии РГАСПИ. А.С. Горшков свою вину признал.

Суд признал А.С. Горшкова виновным в хищении предметов, имеющих

особую культурную ценность, и назначил ему наказание в виде шести лет лишения свободы условно с испытательным сроком в течение двух лет. Суд также

удовлетворил гражданский иск о взыскании с А.С. Горшкова в пользу РГАСПИ суммы, на которую были оценены похищенные документы – 104 920 руб.

Пресс-служба Росархива

Учиться – всегда пригодится

Полноценная работа требует от архивиста высокого профессионального уровня. Сегодня ему необходимо не только владеть архивной терминологией, но и разбираться в правовых вопросах, действующем законодательстве, иметь навыки работы на компьютере. Это хорошо понимает руководитель Главного архивного управления Курской области А.Т. Стрелков: согласно его приказу об организации учебы сотрудников областных архивных учреждений на 2003/04 учебный год был утвержден план-график занятий. Их проводили сотрудники управления и Госархива Курской области (ГАКО) раз в два месяца.

Консультант управления В.В. Распутина сообщила о новых правилах ведения и оформления трудовых книжек, а консультант Е.Л. Прокопович – о новых нормативных актах, касающихся системы и структуры федеральных органов исполнительной власти, практики применения трудового законодательст-

ва Российской Федерации. Начальник отдела ГАКО И.В. Токмакова сделала обзор периодической печати по вопросам архивоведения и краеведения, главный архивист В.К. Виноградова – новых поступлений научно-методической литературы.

В июне проведено тестирование руководителей и начальников отделов ГАКО и Госархива общественно-политической истории по тексту Основных правил работы государственных архивов Российской Федерации. Программу тестирования и вопросы (их было 110) подготовили специалисты управления.

Результаты тестирования показали хорошее знание требований Основных правил. Этому способствовали не только самостоятельное их изучение, но и ежемесячные занятия. Во втором полугодии в тестировании примут участие работники госархивов и архивных отделов районных администраций Курской области.

В.В. Распутина

Вышли в свет

К 250-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав России архивисты Республики Алтай подготовили и издали книгу **«В составе Томской губернии. История Республики Алтай в документах Государственного архива Томской области»**. Опубликованные в сборнике исторические источники открывают широкую ретроспективу развития Горного Алтая в со-

ставе России в XIX – начале XX в. Перед читателями проходят сто лет, коренным образом изменивших отдаленную национальную окраину обширной империи: от почти непроходимых, опасных конных троп первопроходцев, патриархального бытия кочевников, живших в согласии с нетронутой цивилизацией природой, до строительства Чуйского тракта, устройства почтово-телеграфной связи,

открытия церковноприходских школ, монастырей, учреждения ярмарок, первых потребительских обществ, таможи, образования русскими переселенцами новых поселков и налаживания ими совместного с коренным народом хозяйствования на отведенных землях.

Большой комплекс документов свидетельствует о том, что мощным стимулом развития экономики региона являлась торговля с Китаем и Монголией. Проходивший через территорию Горного Алтая торговый путь привлекал богатых сибирских купцов, золотопромышленников, заводчиков и других предприимчивых людей. Это меняет стереотипное мнение о Горном Алтае как об отсталой национальной окраине Российской империи и в целом позволяет сделать вывод о том, что XIX в. – важный этап на историческом пути алтайского народа. Завершился процесс

освоения Россией территории Горного Алтая, были заложены предпосылки для будущего экономического подъема региона в XX в.

На презентации сборника 23 июня в Государственном собрании республики совместная публикация томских и горноалтайских архивистов получила высокую оценку. Выступавшие отмечали научные и познавательные достоинства издания, его актуальность, использование уникальных фотографий и рисунков начала прошлого века, предоставленных музеями Томска и Горно-Алтайска и органично вписавшихся в структуру сборника, а также удачное внешнее оформление книги.

Составители надеются, что сборник станет яркой страницей в летописи истории Республики Алтай и откроет новые возможности в осмыслении прошлого и настоящего.

Л.Н. Шарабура

* * *

В 2003 г. казанское издательство «Магариф» выпустило книгу канд. ист. наук **А.Х. Махмутовой «Лишь тебе, народ, служенье! (История татарского просветительства в судьбах династии Нигматуллиных-Буби)»**, составившую особую страницу в историографии татарского просвещения и татарской культуры в целом. В работе широко использовались четыре тома рукописей, хранящихся в отделе рукописей и редких книг научной библиотеки Казанского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, документы и материалы РГИА, ГАРФ, Национального архива Республики Татарстан, Госархива Кировской области.

В библиографическом описании книга определена как научно-популярное издание, но доверяться этой самооценке не следует: перед нами подлинная монография. Причем на голову превосходящая многие другие работы по истории татарского просветительства. Действительно, есть в ней нечто, отличающее ее от стандартной научно-исследовательской продукции: глубина теоретического анализа политических и культурных процессов, в контексте ко-

торых развивалась просветительская миссия Буби, необыкновенное фактографическое богатство, сочетающееся с особой, редкой в научном издании душевностью изложения, драматической или элегической эмоциональностью. Но разве любовь (Буби к народу, автора книги – к своим героям) отменяет разум, а чувства – способность к аналитике? В случае с историей семейства Нигматуллиных-Буби на рубеже XIX – XX столетий отвлечение от эмоциональной составляющей повествования попросту невозможно, а подобная попытка была бы преступной.

Посудите сами: некая татарская семья, неродовитая, в глухом селенье Иж-Буби Сарапульского уезда Вятской губернии открывает школу сначала для мальчиков, а затем и для девочек, программы которых с самого начала спорят с гимназическими, а уровень преподавания задается такой, что к Буби отправляют детей самые уважаемые семейства из разных городов и сел. В этих школах, помимо татарского, изучают русский и иностранные языки, теологические дисциплины не занимают доминирующего положения в учебном

плане, значительное время отведено математике и естественно-научным дисциплинам. Квалификация преподавателей была безупречной. Школу для мальчиков закрыли в 1911 г. по политическим мотивам, школу для девочек – в 1912 г.

Диссертация А.Х. Махмутовой, инициированная идеями Габдуллы Буби и посвященная просветительству в среде татарских женщин, подверглась критике в 1970 – 1971 гг. (была защищена со

второй попытки), книга «Становление светского образования у татар», включавшая главу о Буби, – в 1978 – 1982 гг. (она увидела свет будучи сокращенной вдвое). Сейчас состоялось новое рождение книги, новое рождение выдающейся исследовательницы (это следует признать без каких-либо оговорок). Беспрецедентное новаторство лучших татарских просветителей начала XX в., их подвижничество и подвиг получили наконец адекватную оценку.

С.Ф. Фаизов,
кандидат исторических наук

* * *

В конце июня в г. Боровичи Новгородской области состоялась презентация выпущенной в 2003 г. в Москве издательством «Русский путь» книги Ольги Сидельниковой-Вербицкой и Георгия Вербицкого «**Усадьба Ровное – Новоблагодатное Новгородской губернии Боровичского района. Семейный фотоальбом**». В ее основе – 102 фотографии из личного архива Георгия (Юрия) Всеволодовича Вербицкого. Важное значение имеет развернутый комментарий, расширяющий представление о судьбах членов большого дружного семейства на протяжении конца XIX в. – начала нового столетия. Прадед автора книги, бережно хранящего драгоценный архив, в сентябре 1917 г. за один вечер вывез семью из родового гнезда. Но спешка не помешала захватить самое ценное – память о близких, запечатленную на кусочках хрупкого картона. Живость и трепетность изложению придают иллюстрации документов (приглашения на свадьбы, выписки из церковной метрической книги, свидетельство об окончании женской гимназии с художественными классами М.А. Лохвицкой-Скалон в Петербурге, автографы в альбомах – реплики по поводу разных событий, стихи). Фоном для рассказа служит история места. Предкам Юрия Всеволодовича усадьба принадлежала с 1870-х гг. У приобретенного прадедом Александром Фердинандовичем Бергштейном поместья была своя история и мифология. В конце XVIII столетия усадьбой

владела Ольга Зубова (в замужестве Жеребцова) – сестра Платона и Николая, вместе с которыми она участвовала в заговоре против Павла I. Николай был женат на дочери А.В. Суворова – Наталье (Суворочке). По преданию, к приезду в усадьбу фельдмаршала был устроен пруд в форме буквы «S». В семье Бергштейнов хранилось кресло, на котором сиживал великий полководец.

Бергштейн привел молодую жену в усадьбу и с энтузиазмом принялся за ее обустройство. По-видимому, это вызвало зависть: однажды, в отсутствие жены Христины и дочери Александры, его убили грабители. Вдова взялась за ведение обширного хозяйства: здесь разводили племенных лошадей, беконных свиней, прибавляли земельные владения, на озере Пирос ловили рыбу, которая поступала в Боровичи и Новгород. Достижения талантливой хозяйки имения были отмечены на сельскохозяйственных выставках, она удостоилась звания «почетный гражданин города Боровичи».

Дочь ее вышла замуж за военного Николая Павловича Никушкина. У них было четверо детей – Александра (Шурочка), Мария (Муся, среди детей ласково – Муханчик), Вера и долгожданный сын Николай. Николай Павлович участвовал в Первой мировой войне, позже воевал на стороне белых и покинул Севастополь на пароходе «Святой Николай» вместе с женой и дочерьми Машей и Верой. 80-летняя Христина застряла где-то в Орловской губернии. В Скопле

(Сербия), где удалось поначалу обосноваться, скончалась Муся, только что счастливо вышедшая замуж, умерла от туберкулеза и с трудом добравшаяся до родных в 1923 г. Александра. Вера по семейной традиции вышла замуж за военного Всеволода Николаевича Вербицкого, который воевал под командованием генерала Врангеля. Их дети – Георгий (Юрий), Нина и Николай (Ника) родились уже в эмиграции, росли в маленьком городке под Парижем – Медоне, но русский язык не забывали и семейную историю хранили бережно. В книге особенно пронзительно звучат слова Веры, которая с отчаянием вопрошала у своего жениха: «Почему мы

не у себя дома, в России, в любимом Ровном?»...

Замечательно то, что презентация книги состоялась в Боровичах и в селе Ровном. Альбом преподносился в обмен на посильный взнос участников трогательного мероприятия на восстановление Екатерининской церкви, расположенной рядом с усадебным домом. Следующая презентация книги состоится во Франции. Авторы надеются собрать средства на первоочередные консервационные работы в усадебном доме – нужен ремонт кровли. Планируется создание историко-культурного центра. Хочется верить, что культурная жизнь здесь вновь будет присутствовать.

Э.Л. Базарова,
кандидат архитектуры

* * *

В серии «Энциклопедия российских деревень» вышла книга **Б.Г. Чурочкина «Память поколений: родословная шацких крестьян Чурочкиных»**. Активное и деятельное участие в ее подготовке принял историк-архивист Г.А. Мельничук – автор отдельных глав и редактор всего издания. Его исторический подход и накопленный опыт работы в столичных и провинциальных архивах, легкий язык «отшлифовали» текст книги, которая, несомненно, является ценным вкладом в российскую генеалогию.

Десять лет жизни двух представителей крестьянского рода были посвящены собиранию, обобщению, осмыслению тех фактов, которые на современном языке называются микро-

историей и из которых в конечном итоге складывается наша отечественная история.

В книге используется разнообразный круг источников. Это документы (ревизские сказки, метрические книги, статистика и др.) из фондов органов местного самоуправления, общественных институтов (земские органы, дворянские собрания и др.), личных архивов (письма, мемуары) и обширная литература по теме.

Все они в совокупности позволили создать особый, уникальный труд, освещающий не только историю рода на протяжении более 250 лет его существования, но и большой культурологический срез жизни российской глубинки.

Г.И. Ходякова,
заслуженный работник культуры
Российской Федерации

* * *

5 июля в г. Витебске (Республика Беларусь) состоялась презентация сборника **«Витебск: Классика и Авангард. История Витебского художественного училища в документах**

Государственного архива Витебской области (1918 – 1923)». Создание Марком Шагалом в 1918 г. Витебского художественного училища – не просто факт художественной жизни Витебска.

Это был период, когда слились воедино революционные преобразования в обществе и новаторские традиции в искусстве. В училище творили выдающиеся художники: Марк Шагал, Казимир Малевич, Юдель Пэн, Мстислав Добужинский, Иван Пуни, Вера Ермолаева и др. Именно здесь возникла организация Уновис (Утвердители нового искусства) во главе с К.Малевичем, разработавшим и применявшим уникальную систему художественного образования.

Структура сборника традиционная. Он состоит из исторического и археологического предисловий, текстов документов (их 286), примечаний к ним и приложений (хроника, словарь персоналий, перечень опубликованных документов).

В сборнике помещены материалы о создании училища, программы его работы, списки сотрудников и учеников, анкетные листы Р.Фалька, В.Ермолаевой, К.Богуславской, тексты и эскизы афиш лекций К.Малевича, телеграмма о его аресте, устав Уновиса и ряд других, рассказывающих о развитии художественного образования в Витебской губернии в 1919 – 1923 гг. Здесь же 18 фотокопий документов: оригинал циркуляра Наркомпроса РСФСР о назначении М.Шагала уполномоченным по делам искусств Витебской губернии, автографы М.Шагала, М.Добужинского, К.Богуславской, К.Малевича, печать Уновиса и др. Большинство документов публикуется впервые. Сборник вышел при финансовой поддержке Витебского облисполкома и ОАО «Полимир» (г. Новополоцк).

Т.В. Бувич

Памяти Е.Ф. Сопина

2 августа на 76-м году жизни после тяжелой и продолжительной болезни скончался Евгений Федорович Сопин – начальник Главного архивного управления при Совете министров РСФСР в 1984 – 1990 гг.

Он достойно прожил большую трудовую жизнь. После окончания Ставропольского государственного педагогического института преподавал историю в школе, затем находился на комсомольской, позднее – партийной работе. Защитил кандидатскую диссертацию в Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Долгое время Е.Ф. Сопин являлся ответственным сотрудником отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС, около пятнадцати лет курировал деятельность Главархива СССР. Он часто посещал архивные учреждения, знал проблемы архивной отрасли, в меру своих сил и возможностей способствовал их решению.

Научные знания и опыт организационной работы Е.Ф. Сопина особенно проявились, когда он руководил деятельностью архивных учреждений России. В условиях существовавшей в тот период централизованной системы организации архивного дела в стране Е.Ф. Сопин укрепил взаимодействие Главархива РСФСР с Главархивом СССР, много сделал для развития творческих связей республиканских и местных архивных учреждений с центральными архивами СССР, научными организациями. Он был одним из инициаторов создания Российского общества историков-архивистов. Опираясь на поддержку центральных органов власти, содействовал архивным органам и учреждениям в решении стоящих перед ними задач развития архивного дела, улучшения сохранности, пополнения и использования государственного архивного фонда страны.

Отличительными чертами Е.Ф. Сопина были высокая ответственность за порученное дело, постоянное стремление к работе, исключительная скромность и порядочность, внимательное отношение к людям. Через полтора года после ухода в 1990 г. на государственную пенсию он нашел в себе силы прийти на работу в отдел международных связей Росархива и благодаря своему авторитету среди архивистов в течение шести лет во многом способствовал укреплению взаимодействия архивных органов новой России и других стран Содружества Независимых Государств.

Светлая память об Е.Ф. Сопине навсегда сохранится в наших сердцах.

Коллеги-архивисты

Памяти А.В. Добровской

31 августа трагически оборвалась жизнь Анастасии Владимировны Добровской, известного историка-архивиста, заслуженного работника культуры РСФСР.

Почти 55 лет, с 1 октября 1949 г., проработала А.В. Добровская в архиве (ЦГИАМ – ЦГАОР – ГАРФ). Она прошла путь от научного сотрудника до заместителя директора ЦГАОР СССР. В этой должности в течение 20 лет курировала важнейшие направления деятельности архива – комплектование и работу с ведомствами (в том числе многие годы была членом ЦЭПК), обеспечение сохранности документов, много внимания уделяла совершенствованию научно-справочного аппарата. С 1992 г., являясь главным специалистом отдела информационно-поисковых систем Государственного архива Российской Федерации, она участвовала в создании многотомного Путеводителя по фондам ГАРФ, была ответственным составителем ряда томов, ее перу принадлежат фундаментальные вступительные статьи к ним. А.В. Добровская – автор многих архивоведческих исследований и методических рекомендаций в области архивного дела.

Анастасия Владимировна была предана профессии историка-архивиста, отдавала все силы и знания любимому делу. Человек большой эрудиции, она была интереснейшим собеседником, общение с которым всегда обогащало новыми знаниями в самых различных областях.

Ее трудовой стаж – сам по себе подвиг, пример беззаветного служения архивному делу. Она награждена медалями, почетными грамотами Росархива, ГАРФ.

Мы скорбим и выражаем соболезнование родным, близким, друзьям Анастасии Владимировны.

Сотрудники ГАРФ

Продолжается прием научных работ на конкурс 2004 – 2005 гг. по истории Православной Церкви, истории России и Москвы

Конкурс организован Фондом по премиям памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова). Его учредители: Московский патриархат, Правительство Москвы, Российская академия наук. К участию в конкурсе принимаются персональные научные труды или публикации выявленных исторических источников, как изданные в 2002 – 2004 гг., так и неопубликованные, по четырем номинациям:

1. История Православной Церкви – история Церкви и ее деятелей; агиография; церковная археология; история церковного искусства, письменности, пения, литургики, церковного права, межцерковных связей.

2. История России – история Древней Руси и русских княжеств XII – XIV вв., российской государственности, военная и дипломатическая, предпринимательства, русско-славянских связей, духовной культуры славянских народов России; государственные деятели России.

3. История Москвы – история города (московских улиц, зданий, памятников) в связи с историей России, биографии деятелей Москвы; история изучения Москвы.

4. История православных стран и народов – история страны, Церкви, в том числе монастырей, обителей, городов, памятников; жития святых; биографии исторических деятелей; духовно-культурные традиции, дипломатия и т. д.

Представляемые на конкурс труды должны быть выполнены на русском языке, в двух экземплярах и переплетены. Соискателем может стать только ныне здравствующий российский или зарубежный автор. Сочинения принимаются на конкурс по рекомендации.

Выдвигать работы на соискание премии имеют право: академики и члены-корреспонденты РАН по своей специальности; ученые и научные советы НИИ и вузов, музеев, архивов и библиотек; Правительство Москвы (премьер и его заместители, руководители департаментов и комитетов); учебный комитет Московской патриархии; научно-церковный центр «Православная энциклопедия»; епархии Русской православной церкви в лице правящих архиереев, а также главы других православных церквей, лауреаты Макариевской премии по своей номинации. Награждение победителей дипломами, медалями и денежными премиями трех степеней по каждой из номинаций состоится в сентябре 2005 г.

Работы на конкурс принимаются до 1 февраля 2005 г. по адресу: 107120, Москва, ул. Нижняя Сыромятническая, д. 10а, стр. 1. Телефон: (095) 980-03-65, доб. 115; 724-03-52; факс 916-81-72; e-mail: info@m-fond.ru.

Поправка

В № 4 журнала на стадии тиражирования допущен брак при печати фотографии (С. 93). Она дана в зеркальном изображении, поэтому сотрудники архива расположены не слева направо, как указано в подписи, а в обратном порядке.

Редакция журнала и типография приносят читателям свои извинения.

Наши авторы

- Батаева Тамара Васильевна* – д-р ист. наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, г. Москва.
- Горяева Татьяна Михайловна* – д-р ист. наук, директор Российского государственного архива литературы и искусства, г. Москва.
- Игумен Дамаскин (Орловский)* – член Синодальной комиссии по канонизации святых Русской православной церкви, г. Москва.
- Илизаров Борис Семенович* – д-р ист. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, директор Центра документации «Народный архив», г. Москва.
- Каштанов Сергей Михайлович* – д-р ист. наук, профессор, член-корр. Российской академии наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, председатель Археографической комиссии РАН, г. Москва.
- Китлова Елена Алексеевна* – аспирантка кафедры истории и организации архивного дела Историко-архивного института РГГУ, г. Москва.
- Ларин Михаил Васильевич* – д-р ист. наук, профессор, директор Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела, г. Москва.
- Марасанова Виктория Михайловна* – канд. ист. наук, доцент Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.
- Матханова Наталья Петровна* – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Сибирского отделения Института российской истории Российской академии наук, г. Новосибирск.
- Орешина Мария Алексеевна* – канд. ист. наук, г. Москва.
- Петухова Ирина Геннадьевна* – заместитель директора Национального архива Республики Карелия, г. Петрозаводск.
- Старостин Евгений Васильевич* – д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории и организации архивного дела Историко-архивного института РГГУ, г. Москва.
- Старцев Александр Владимирович* – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета, г. Барнаул.
- Шимонек Елена Васильевна* – главный архивист отдела использования и публикации документов Государственного архива Свердловской области, г. Екатеринбург.

CONTENTS

The XVth International Congress of Archives: chronicle of events. Rosarhiv and an administrative reform. Press-conference about questions of a Russian State Historical Archives building. Articles and reports: *History, theory and practice of record-keeping*: **M.A. Oreshina**. Discovery and preservation of historical sources of information in Vologodskaya province in 1910ths; **E.V. Starostin**. Cryptographic writing (useful to be known by an archivist). *In Russian archives funds*: **A.V. Startsev**. A report of a police officer E.Zamyatin as a source of information on russian-chinese-mongolian trade relations in the middle of the XIX century; **V.M. Marasanova**. Admiral I.S. Unkovskiy, a Yaroslavl Governor (Gosarhiv documents in Yaroslavl region); **E.A. Kitlova**. G.V. Esipov on discovery of documents from German archives in 1866 – 1876 regarding Russia's history. * * * **B.S. Ilizarov**; **T.M. Goryaeva**; **T.V. Bataeva**; **M.V. Larin**. Training of historians-archivists. (On publication of a collection of normative and methodic documents helpful to acquire a profession of "historian-archivist"). Publications of documents: *Dedicated to the 85th Anniversary of Yekaterinburg Province Archives*: «People in executive committees... don't recognize archives...» Archivists' activity on documents rescuing in 1919 – 1922. By **E.V. Shimonek**; «...All training obstacles and difficulties have been overcome». Letters of students of archive courses in Historian-archive institute to the Central Archive Department of Karelian Autonomous Soviet Republic in 1929 – 1935. By **I.G. Petuhova**. Critiques and bibliography: **S.M. Kashtanov**. Waugh D.C. History of a book. Vyatka and «a non-modern» of Russian culture in the Peter the Great time; **Igumen Damaskin (Orlovskiy)**. Orthodox Moscow in 1917 – 1921: Collection of documents and materials; **N.P. Mathanova**. Palin A.V. Tomsk province administration (1895 – 1917): structure, competency, management. Information and chronicle.

SOMMAIRE

XV-e Congrès International des Archives: la chronique des faits. L'agence des archives de Russie et la réforme administrative. La conférence de presse sur le train de la construction du bâtiment des Archives historiques d'Etat de Russie. Articles et communications: *L'histoire, la théorie et la pratique de l'archivistique*: **M.A. Orechina**. Les recherches et la conservation des sources historiques dans le gouvernement de Vologda dans les années 1910; **E.V. Starostine**. La cryptographie (ce qui est utile de savoir à l'archiviste). *Dans les Fonds des archives russes*: **A.V. Startsev**. Le mémoire du chef de police de district E.Zamiatine comme la source de l'histoire des relations commerciales entre la Russie, la Chine et la Mongolie dans la moitié du XIX-e siècle; **V.M. Marassanova**. L'amiral I.S. Ounkovskii – le gouverneur de la région de Iaroslavl (d'après les documents des Archives d'Etat de la région de Iaroslavl). **E.A. Kitlova**. G.V. Essipov sur les recherches des documents sur l'histoire de la Russie dans les archives allemandes en 1866 – 1876. * * * **B.S. Ilizarov**; **T.M. Gorjaeva**; **T.V. Bataeva**; **M.V. Larine**. La formation des historiens-archivistes (pour la publication du recueil des documents de norme et de méthode sur la spécialité «histoire-archivistique»). Publication des documents: *En l'honneur du 85-e anniversaire des Archives du gouvernement d'Iekaterinenbourg*: «Dans les Comités executifs... se trouvent les hommes qui ne reconnaissent pas les archives...» L'activité des archivistes pour le sauvetage des documents. 1919 – 1922. Publication préparée par **E.V. Chimonek**; «...Tous les obstacles et difficultés dans l'étude ont été surmontés». Les lettres des étudiants des cours d'archives et de l'Institut d'histoire et d'archives à la Direction centrale des archives de la République soviétique socialiste autonome de Karélie. 1929 – 1935. Publication préparée par **I.G. Petoukhova**. Critique et bibliographie: **S.M. Kachtanov**. Waugh D.C. La ville de Viatka et la «non-contemporanéité» dans la culture russe du temps de Pierre le Grand; **Le supérieur Damaskine (Orlovskii)**. Moscou orthodoxe dans 1917 – 1921. Le recueil des documents et matériaux; **N.P. Matkhanova**. Paline A.V. La direction gouvernementale de Tomsk (1895 – 1917): la structure, la compétence et l'administration. Information et chronique.

АБОНЕМЕНТ

 на газету
журнал

70913
Отечественные архивы

(индекс издания)

(наименование издания)

Количество комплектов:

на 2005 год по месяцам :

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
X	X	X	X	X	X						

Куда

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

 на газету
журнал

70913

(индекс издания)

ПВ

место

литер

Отечественные архивы

(наименование издания)

руб.

Количество комплектов:

на 2005 год по месяцам :

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
X	X	X	X	X	X						

Куда

Кому

(фамилия, инициалы)

Номер подготовили:

 Главный редактор: **Бондарева Татьяна Ивановна**

 Заместитель главного редактора: **Кобелькова Лариса Александровна**

 Редакторы отделов: **Водопьянова Зоя Константиновна,**
Осин Владимир Михайлович,
Ситникова Валентина Васильевна

 Ведущие редакторы: **Виноградова Вера Михайловна,**
Тимофеева Елена Юрьевна

 Корректор: **Островская Галина Алексеевна**

 Компьютерная верстка: **Карпухина Елена Валентиновна**

АБОНЕМЕНТна газету
журнал**81632****Отечественные архивы**

(индекс издания)

(наименование издания)

Количество
комплектов:

на 2005 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X

Куда

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКАна газету
журнал**81632**

(индекс издания)

ПВ место литер

Отечественные архивы

(наименование издания)

руб.

Количество
комплектов:

на 2005 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X

Куда

Кому

(фамилия, инициалы)

Автономная некоммерческая организация Редакция журнала «Отечественные архивы».
 Наш адрес: 119992, Москва, ГСП-2, Б. Пироговская, 17
 тел. 245-09-01, 245-83-32, тел./факс 246-03-00
 E-mail: otech_arch@mtu-net.ru
<http://www.rusarchives.ru/publications/otecharh/index.shtml>

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати. Рег. № 1303.

УЧРЕДИТЕЛИ: редакция журнала,
Росархив.

Подписано в печать 16.09.2004. Формат 70x100¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.
 Усл. печ. л. 11,6. Усл. кр. отт. 10,4. Уч. изд. л. 15.
 Тираж 2400 экз.

Заказ № 1320. Цена для подписчиков 110 руб., в розничной продаже – свободная.

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного Знамени
 «Чеховский полиграфический комбинат»
 142300, г. Чехов Московской обл.
 тел. (272) 71-336, факс (272) 62-536

Компания ПромТара - ведущий российский производитель средств архивного хранения под торговой маркой "Офис - Стандарт".

*Нашу продукцию используют архивы всех уровней и принадлежности во всех регионах РФ.

*Выполняем индивидуальные заказы на разработку и производство и осуществляем поставки во все регионы РФ.

*Наша продукция представлена в "Перечне технических средств и оборудования, рекомендуемых для технического оснащения государственных архивов" (ВНИИДАД, 2004г.)

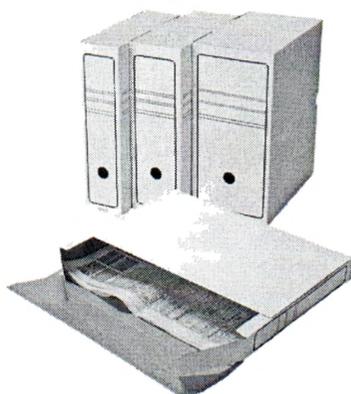
Архивные коробки различной конфигурации.

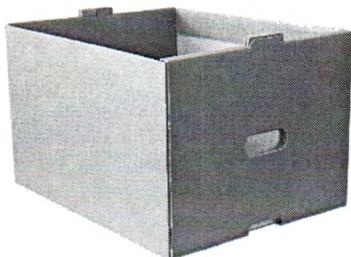
Архивный короб закрытого типа.

Архивная папка на 4-х завязках.

Лоток короба для горизонтального или вертикального хранения документов на стеллажах или в архивных коробах. Формат А4, А3 различной толщины.

Универсальный архивный короб.

Продукцию можно заказать и приобрести у нас, нашего представителя в Белоруссии (pt.minsk@bk.ru) или в ближайшей канцелярской компании.

(812) 430-41-11, 431-01-01 pt@promtara.spb.ru www.promtara.com

ЗАО «ИСТА-Техника» напоминает:

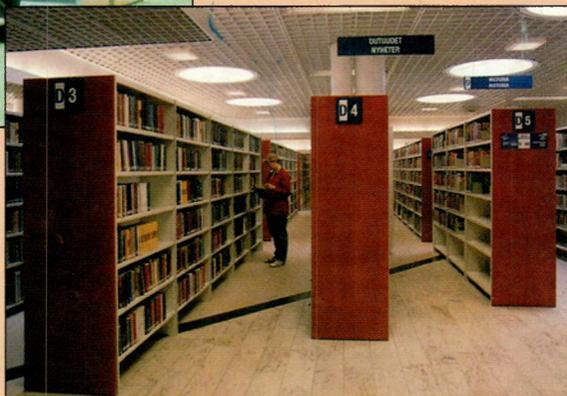
Настало время подумать о Вашем АРХИВЕ!!!

 CONSTRUCTOR GROUP
GLOBAL STORAGE SOLUTIONS

 ИСТА

- ✓ Весь спектр архивного оборудования.
- ✓ Стеллажи передвижные и стационарные.

Увеличение объема хранения в 2 раза.

**Проектирование, доставка, монтаж
и послегарантийное обслуживание.**

107553, г. Москва, ул. Б. Черкизовская, д. 20-Б
тел. (095) 777-7527, 777-75-94, 777-7595, 777-8137

E-mail: riception@ista-t.ru

<http://www.istech.ru>